
**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 9, № 1-3, 2017

Главный редактор – канд. ист. наук **Т.А. Магсумов**

Зам. гл. редактора – **Я.А. Максимов**

Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**

Компьютерная верстка, дизайн – **Р.В. Орлов**

**SOCIETY OF RUSSIA: HISTORICAL SPACE,
LINGUISTIC STRUCTURES AND
PHILOSOPHICAL VALUES**

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 9, Number 1-3, 2017

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**, PhD (History)

Deputy Editor-in-Chief – **Ya.A. Maksimov**

Support Contact – **Yu.V. Vyakov**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2017

Научно-Инновационный Центр

Кrasnoyarsk, 2017

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 1-3, 2017, 238 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Society of Russia: historical space, linguistic structures and philosophical values, Volume 9, Number 1-3, 2017, 238 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2017

Члены редакционной коллегии

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры "Иностранные языки и профессиональная коммуникация", Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», член Президиума АН РТ.

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, Россия.

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в. ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет».

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия.

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик Филиала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске.

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВПО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске.

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет».

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, декан факультета Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет».

Корнилова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов».

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурологии и туризма Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры».

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры».

Покрищук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия.

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.

Санко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарного знания ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса».

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургское ГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы».

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» .

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия».

Editorial Board Members

Bochkova Olga Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the department "Foreign languages and professional communication", Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Valeev Nail Mansurovich – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, professor; Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; member of the Writers' Union of Russia and the presidium of the Union of Russian ethnographers; Vice-President of the Republic of Tatarstan; Academician-secretary of the Department of Humanities of the Republic of Tatarstan.

Galieva Farida Gabdul Khaevna – Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Pedagogical University, Branch in Ufa.

Gasanov Magomed Magomedovich – Vice-Rector for Academic Affairs (Dagestan State University), Doctor of History, Professor.

Gotvtseva Anastasiya Gennadevna – Doctor of Philology, Associate Professor, assistant professor of literary criticism of the Faculty of Journalism of the Institute of the media «Russian State University for the Humanities».

Dotsenko Dmitry Vasilevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Zheleznogorsk Branch.

Zubova Yana Valerevna – Doctor of Social Sciences, Department of Management, Ukhta State Technical University, Branch in the city of Usinsk.

Zulyar Yuriy Anatolevich – Head of the Department of Political Science and the Faculty of History of Russian history, Irkutsk State University, Doctor of History.

Koptseva Natalia Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Humanities Institute, Siberian Federal University.

Kornilova Irina Valerevna – Doctor of History, Assistant Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Educational Technologies and Resources.

Litvin Aleksandr Alterovich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Museology, culture and tourism, Kazan (Volga) Federal University.

Matsievskiy German Olegovich – Head of the Scientific Department of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Doctor of History, Associate Professor.

Mostitskaya Natalya Dmitrievna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University of Culture and Arts.

Pokrishchuk Dmitriy Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines Russian State Humanitarian University.

Popovkin Andrey Vladimirovich – researcher in the Department of Ethnography, ethnology and anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IIAE FEB RAS), associate professor of the philosophy of the Far Eastern State Technical University, Candidate of Philosophy.

Popovkina Galina Sergeevna – Senior Fellow of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok), Candidate of History.

Pulkin Maksim Viktorovich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural, Petrozavodsk State University.

Saenko Natalya Ryafikovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State Pedagogical University.

Serov Nikolay Viktorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor of Philosophy and Cultural Studies St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work.

Sudovikov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Assistant Professor, Head of the department of national history, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State University of Humanities».

Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy.

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**PROCEEDINGS OF THE
INTERNATIONAL CONFERENCE**

ИСТОРИЯ

HISTORY

ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ИГРОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Лебедева Л.В.

Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Российская Федерация

В статье рассмотрены актуальные вопросы современной историографии – проблемы повседневности. Проанализирована одна из форм передачи опыта от поколения к поколению – кукольная игра в свадьбу среди крестьян в 20-е гг. XX в. Проведены исследования, способствующие более глубокому проникновению во внутреннее содержание проблемы.

***Ключевые слова:** повседневная история; социальная история; крестьяне; свадебный обряд; кукольная игра в свадьбу; первое десятилетие советской власти.*

BROADCAST CULTURE THROUGH GAMING ACTIVITIES

Lebedev L.V.

Penza State Technological University, Penza, Russian Federation

The article deals with topical issues of modern historiography - the problems of everyday life. One of the forms of transmission of experience from generation to generation is analyzed – a puppet game for a wedding among peasants in the 1920s. XX century. The research, promotes deeper penetration into the inner content of the problem.

Keywords: *everyday history; social history; peasants sources; wedding ceremony; wedding doll game the first decade of Soviet power.*

История повседневности – актуальное исследовательское поле, привлекающее ученых новизной и предметом исследования. Она изучает образ жизни социумов и процесс изменения обыденности под влиянием различных факторов [2]. Структура повседневности широка. В настоящее время возрастает интерес к изучению форм передачи опыта от поколения к поколению, исследованию распространения новаций и сохранности традиций в обществе [7]. Рассмотрим данные вопросы на примере свадебного обряда, коренные изменения в котором были связаны с мероприятиями советской власти и распространением новой идеологии, направленной, в том числе, и на разрушение традиций [1].

Длительное время обучение девочек обрядовым действиям, плачам, песням, применяемым на свадьбе, проходило через наставления матери, игры в период досуга и на посиделках. Об игре девочек в свадьбу свидетельствовали различные исследователи: Виноградов Г.С., Семенова-Тянь-Шаньская О.П. и др. Большой интерес представляют свидетельства 20-х гг. XX в., которые несли в себе старые и новые черты. Подробно игра в свадьбу с использованием кукол была описана Левиной И.М. [6]. Основой ее исследования были социологические и этнографические данные, полученные у респондентов Саратовской, Нижегородской и Пензенской губерний (русского, татарского и мордовского населения). Проведенный ей анализ свидетельствовал о схожести игры в указанных местах. Игра длилась несколько дней, соответствуя этапам свадебного ритуала, включая просватанье, рукобитье, запой, хождение за рубашкой, девичник и т.п. [5]. Девочки старались с точностью повторить все действия и диалоги увиденные и услышанные ими. В игре применяли причитания и плачи. Между куклами были распределены роли всех действующих лиц свадебного действия. Особое внимание уделялось одежде, в которую они были одеты. Кукольная игра включала в себя венчание в церкви, что свидетельствовало о стойкости религиозных воззрений крестьян, сохранявшихся у значительной части сельского населения в 20-е гг. XX в. [3]. В кукольной свадебной игре наш-

ли отражение проведенные реформы в сфере семейного законодательства – процедура гражданского (светского) брака [1]. Детально обыгрывалась запись в сельсовете: куклу-невесту спрашивали, желает ли она носить фамилию мужа, оформляли документы и т.п.

20-е гг. XX вв. – период, ярко демонстрирующий сохранность традиций в повседневной жизни российской деревни и значительные перемены [4]. Игры отражают мировоззрение того общества, в котором бытуют, чутко реагируя на все его изменения.

Список литературы

1. Лебедева Л.В. Институт брака в первое десятилетие советской власти: теория и практика // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. Пенза: ПГПУ, 2012. С. 772–775.
2. Лебедева Л.В. История повседневности и краеведение // Творческое наследие В.О. Ключевского в контексте современной модернизации России: Сб. материалов V Международной научной конф., посвященной 170-летию В.О. Ключевского. Пенза: Копи-Ризо, 2011. С. 158–163.
3. Лебедева Л.В. Религиозность сельского населения в 1920-е годы // Исторические науки. № 2 (50). Москва: Спутник, 2012. С. 23–25
4. Лебедева Л.В. Тенденции в мировоззрении крестьян в 20-х годах XX века на примере Пензенской губернии // Пензенский временник любителей старины: Научный и научно-популярный сборник Церковно-исторического комитета Пензенской епархии Московской Патриархии Русской Православной Церкви. Вып. 14. Пенза: Пензенское епархиальное управление, 2004. С. 148–155.
5. Лебедева Л.В. Традиции и новации в свадебной обрядности крестьян нэповской России (на примере Пензенской губернии) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс: Периодическое научное издание. 07 (11). Пенза: ПГТА, 2013. С. 28–34.
6. Левина И.М. Кукольные игры в свадьбу и «метелище» // Крестьянское искусство СССР. Сборник секции крестьянского искусства комитета социологического изучения искусств. Л., 1928. С. 201–234.
7. Новинская Т.Ю. Советская повседневность: введение в историографию // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 2. № 1 (23). С. 167–171.

УЧАСТИЕ ТВОРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЛЕНИНГРАДА В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1970–1980-е гг.

Мезит Л.Э.¹, Валюнова А.В.²

¹ORCID: 0000-0003-3341-4237; ²ORCID 0000-0003-0642-232X,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Российская Федерация

В данной статье на основе архивных и статистических материалов прослеживается вклад творческих организаций Ленинграда в развитие социокультурной среды в Красноярском крае. В статье уделяется внимание двум малоизвестным формам творческого сотрудничества Ленинграда и Красноярска. Автор рассматривает деятельность творческих организаций Ленинграда для оценки степени их влияния на уровень культурного потенциала региональных творческих коллективов и населения в целом, что является одной из составляющих социокультурной среды.

Ключевые слова: культура; социокультурная среда; сотрудничество; комплексные программы; творческий потенциал; культурные потребности; красноярская десятилетка.

PARTICIPATIONCREATIVES ORGANIZATIONS OF LENINGRAD IN THE FORMATION OF SOCIAL AND CULTURAL ENVIRONMENT IN THE KRASNOYARSK REGION IN 1970–1980-ies

Mezit L.E.¹, Valyunova A.V.²

¹ORCID: 0000-0003-3341-4237, ²ORCID: 0000-0003-0642-232X,
Krasnoyarsk state pedagogical University. V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russian Federation

In this article, based on archival and statistical materials can be traced to the contribution of the creative organizations of Leningrad in

the development of sociocultural environment in the Krasnoyarsk region. The article focuses on two little-known forms of creative cooperation of the Leningrad and Krasnoyarsk. The author examines the activities of creative organizations of Leningrad to assess the degree of their influence on the level of cultural potential of regional creative teams and the general population, which is one of the components of the sociocultural environment.

Keywords: *culture; social and cultural environment; collaboration; comprehensive programs; creative potential; cultural requirements; Krasnoyarsk decade.*

В 1970–1980-е гг. государственная политика по удовлетворению культурных потребностей населения в СССР носила неоднозначный характер. С одной стороны, возросли духовные потребности широких слоев населения, из-за роста уровня образования (завершался процесс перехода ко всеобщему среднему образованию). С другой – идеологизация сферы культуры приводила к избирательности удовлетворения культурных потребностей населения. Духовные потребности населения подвергались исторической трансформации, особенно это проявилось в промышленных районах, удаленных от центра, что было связано с бурными модернизационными процессами в регионе.

С принятием постановления ЦК КПСС и Совета министров «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 годах производительных сил Красноярского края» было положено начало первой красноярской десятилетки. Эта долгосрочная программа развития стала новым важным этапом развития не только экономики края, но и его культурной составляющей. Вместе с тем ко времени ее принятия в крае наблюдается заметное отставание социокультурного развития от экономического роста. Малочисленность культурных и социальных институтов в промышленных районах сделали территорию малопривлекательной для молодежи, стремившейся к более высоким достижениям во всех сферах жизни, а уровень местных творческих коллективов был еще достаточно низким. В связи с

этим наблюдался высокий уровень миграции квалифицированных кадров из региона.

С началом реализации красноярской десятилетки наблюдается рост образовательного уровня трудящихся Красноярского края, который составил: на 1000 работающих с высшим и средним (полным и неполным) образованием в 1970 году – 614 чел., а в 1979 году – 788 чел., в том числе с высшим образованием в тот же период соответственно – 47 и 81 человек, средним специальным 106 и 168 человек [13].

Цель данной работы – проанализировать вклад творческих организаций Ленинграда в развитие социокультурной среды Красноярского края на ударных стройках.

Проблемам развития культуры в крае посвящены работы Л.Е. Лаврушевой, Б.Н. Кривошея, Г.Л. Рукша, В.И. Замышляева. В диссертации Е.Н. Лобыневой анализируется реализация государственной политики в сфере культуры в Красноярском крае в 1960–1980-е годы: состояние материально-технической базы культурной сферы и связанным с этим уровнем удовлетворения культурных потребностей населения [7, 9, 10, 12]. Но во всех рассмотренных работах тема участия творческих организаций Ленинграда в формировании социокультурной среды в регионе подробно не анализировалась. Также авторами была опубликована статья «Итоги реализации программы комплексного социокультурного развития Красноярского края», где были проанализированы особенности реализации программ комплексного социокультурного развития региона, но не был рассмотрен аспект формирования социокультурной среды на Всесоюзных и краевых ударных стройках [11]. В статье «Вклад творческой интеллигенции Ленинграда в развитие культуры Красноярского края», авторы раскрыли роль ленинградских творческих музыкальных коллективов в формировании Красноярского отделения Союза композиторов РФ [6].

Можно условно выделить два основных направления деятельности творческих организаций Ленинграда на территории края в исследуемый период: совместная реализация комплексных соци-

окультурных программ и формирование новых творческих коллективов.

Уже в 1970-е годы зарождается ценный опыт взаимодействия трудовых, творческих коллективов по реализации масштабных комплексных программ социокультурного развития на Всесоюзных ударных стройках региона. Одним из наиболее успешных является музыкальный фестиваль «Саянские огни» с участием профессиональных, самодеятельных художественных коллективов края и деятелей искусств из Ленинграда [13].

В 1978 году благодаря инициативе Ленинградского отделения Союза композиторов РСФСР изначально научно-технический «Договор-28» был дополнен договором о творческом культурном сотрудничестве ленинградских работников искусств и строителей Саяно-Шушенской ГЭС. В рамках данного договора был задумано создание фестиваля ленинградской музыки «Саянские огни». Всего было проведено четыре фестиваля. Итогом первого стало установление прочных творческих взаимоотношений Красноярского края и Ленинграда. Рамки второго фестиваля уже были существенно расширены: он из чисто музыкального перерос в фестиваль искусств, к участию в котором были привлечены ленинградские художники, педагоги консерватории, института театра музыки и кинематографии, института культуры и др. Все это способствовало повышению культурного уровня населения и развитию собственного творческого потенциала. Фестивали проходили как настоящие праздники искусства, участниками которых были как известные творческие коллективы Ленинграда, так и начинающие творческие кадры Красноярска. Например, за время второго фестиваля (1979 г.) состоялось 136 концертов, в которых приняли участие 75 исполнителей из Ленинграда и 76 – из Красноярска [1]. Среди участников этого фестиваля была ленинградская хоровая капелла имени Глинки. Был заключен ряд договоров о творческом сотрудничестве между предприятиями края и творческими коллективами. Например, строители Саяно-Шушенской ГЭС сотрудничали с Абаканским областным драматическим театром и Центральным академическим театром Советской

Армии. В рамках фестиваля появилась традиция – презентация сибирской аудитории новых симфонических произведений ленинградских композиторов.

С помощью фестиваля «Саянские огни» формировалась готовность и потребность жителей слушать и понимать симфоническую музыку, посещать выставки. В производственных коллективах развернулось массовое движение за культуру труда.

Фестиваль послужил толчком для появления движения «Превратим Сибирь в край высокой культуры!», объявленного в марте 1981 года и вскоре переросшего в комплексную целевую программу социокультурного развития края. Целью данного движения стало повышение культурного потенциала Красноярского края: от повышения культуры производства до улучшения культуры поведения и общения людей. Достижение результата планировалось посредством укрепления материально-технической базы учреждений культуры, привлечения внимания к сибирскому региону творческих союзов, поиска собственных резервов и на их основе изменения содержания работы творческих коллективов. В Красноярске было объявлено соревнование между городами и районами края под таким же девизом. Руководство края исходило из того, что культура предназначена не только для стимулирования производственного процесса. Главная задача – удовлетворение духовных потребностей людей [14].

Первые итоги реализации данной программы были подведены в 1984 году. Руководители края отмечали значительные достижения по ряду направлений. Движение позволило скоординировать внимание на комплексном подходе к вопросам культуры всех сфер, связанных с взаимодействием людей. Это касалось, в первую очередь, существенного изменения материально-технической базы культурной сферы. Уже в 1983 г. в крае насчитывалось 3314 учреждений культуры и искусства, действовало 2900 киноустановок, 12 театров, 14 музеев [5]. За первые три года были введены в эксплуатацию в краевом центре органной и малый концертные залы. Более 32 тысяч жителей края были привлечены к

участию в художественной самодеятельности, подписаны договоры о творческом сотрудничестве промышленных предприятий и творческих коллективов края. Например, Красноярский металлургический завод много лет сотрудничал с Красноярским театром оперы и балета [3].

Другим направлением совместной плодотворной деятельности краевых руководителей и ленинградских творческих коллективов была работа по формированию новых творческих коллективов.

В 1978 году создается Красноярский симфонический оркестр. Для его руководства из Ленинграда был приглашен И.В. Шпиллер, руководивший ранее оркестром Ленинградской филармонии. Иван Всеволодович смог в короткие сроки сформировать прочный творческий коллектив и создать самый молодой в стране симфонический оркестр.

В том же году был открыт театр оперы и балета, в труппе которого из 52 артистов было 13 выпускников ленинградских творческих вузов [2]. Театр оперы и балета формировался в постоянном тесном сотрудничестве с ленинградскими театрами. Руководители вновь созданного коллектива регулярно консультировались в Ленинграде с коллегами, приглашали оформителей, звукорежиссеров и других, пока редких для нашего региона специалистов к участию в постановках новой труппы. Профессора Ленинградской консерватории – Ю.В. Крамаров, Т.П. Кравченко, Н.В. Романовский достаточно регулярно работали в Красноярске с молодыми артистами, со своими коллегами [4].

Одним из значимых событий рассматриваемого периода стало создание в 1983 году красноярской региональной организации «Союза композиторов РСФСР», идея которого появилась еще во время первого музыкального фестиваля «Саянские огни» в 1978 г. Созданное по инициативе Ленинградской композиторской организации и активном содействии руководства края, отделение стало средоточием талантливых композиторов [8].

Таким образом, деятельность творческих организаций Ленинграда имела различные формы и сыграла немаловажную роль в раз-

витии социокультурной среды Красноярского края. Их усилиями были созданы: нотная библиотека для молодого симфонического оркестра, выпускники Ленинградской консерватории стали инициаторами и организаторами Красноярского отделения Союза композиторов РСФСР, регулярно проводились совместные фестивали, выставки творческой интеллигенции края и Ленинграда и другие мероприятия. Помощь ленинградцев творческим и особенно музыкальным коллективам нашего края всегда была существенной и оперативной. Они на деле стремились превратить наш край в край высокой культуры, заложили основу многих традиций, которые реализуются и сегодня.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф.П - 1068. Оп.1. Д.53. Л.2.
2. ГАКК Ф.Р - 2084. Оп.1. Д.574. Л.3.
3. ГАКК Ф.Р - 1386. Оп.1. Д.6000. Лл.335-338.
4. ГАКК Ф.П - 26. Оп.13. Д.249. Лл.54,55.
5. Народное хозяйство Красноярского края (юбилейный статистический сборник) – Красноярское книжное издательство, 1985.
6. Валунова А.В. Вклад творческой интеллигенции Ленинграда в развитие культуры Красноярского края // 4-я Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы науки и практики XXI в.» (Нижевартовск, 20–22 декабря 2016 г.): Издательский центр «Наука и практика», 2016. С. 79–83. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.konferenc.com/valyunova>
7. Замышляев В.И. На енисейских берегах. История культуры Красноярского края (1934–1991): монография / В.И. Замышляев. Красноярск: Сибирский гос. аэрокосмич. ун-т им. акад. М.Ф. Решетнева, 2015. 192 с.
8. Культурное развитие Красноярского края. Из опыта движения «Превратим Сибирь в край высокой культуры!» / Под ред. Т.Б. Стеблецовой, В.И. Замышляева. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. 168 с.

9. Лаврушина Л.Е. Кривошея Б.Н. Музыкальная жизнь Красноярска, Красноярск, 1968. 176 с.
10. Лобышева Е.И. Государственная культурная политика в СССР в 60–80-е гг. XX в. (на примере Красноярского края). автореф. дисс. Красноярск, 2016.
11. Мезит Л.Э., Валунова А.В. Итоги реализации программы комплексного социокультурного развития Красноярского края // Genesis: исторические исследования. 2016. № 4. С. 89–95. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.4.20216. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_20216.html
12. Рукша Г.Л. Некоторые аспекты культурной политики в Красноярском крае середины 70-х – начала 80-х годов текущего столетия / Г.Л. Рукша // Этносы Сибири. История и современность. 1994. С. 211–218.
13. Прядко И.А. 35 лет назад началось выполнение Красноярской десятилетки, определенной постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 годах производительных сил Красноярского края / И.А. Прядко // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2006 год / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края. Красноярск: ГУНБ, 2005. С. 148–152.
14. Сибири – высокую культуру!: Движение «Превратим Сибирь в край высокой культуры!»: (опыт, проблемы): [сб.]. Красноярск, 1986. 141 с.

СЕЛЬСКАЯ ЖЕНЩИНА: ПАТРИАРХАЛЬНОСТЬ И СИЛА. 1940 – НАЧАЛО 1950-х гг.

Новинская Т.Ю.

Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Российская Федерация

В статье рассмотрены актуальные вопросы современной историографии – проблемы социализации крестьянок в годы войны и послевоенный период. Проанализированы причины политических, экономических и социальных причин, которые одновременно с вовлечением женщин в общественное производство, не давали возможности полноценно реализоваться. Автор приходит к выводу, что образ жизни сельской женщины был результатом сочетания ее патриархальности и государственных установок.

Ключевые слова: советское государство; сельская женщина; колхозное производство; домашнее хозяйство.

RURAL WOMAN: PATRIARCHY AND STRENGTH. 1940 – EARLY 1950's

Novinskaya T. Yu.

Penza State Technological University, Penza, Russian Federation

The article discusses topical issues of modern historiography – the problem of peasant women's socialization during the war and post-war period. The reasons for political, economic and social reasons analyzed, which, simultaneously with the involvement of women in social production, did not allow full realization. The author comes to the conclusion that the lifestyle of a rural woman was the result of a combination of her patriarchy and state institutions.

Keywords: Soviet state; rural woman; collective farm production; household.

Нарушение экономико-производственной функции семьи в сельской местности вследствие «антикрестьянской» политики, связанной с коллективизацией, отразилось и на положении женщин. Условия, в которые было поставлено советское крестьянство, вынуждало женщин выживать в условиях навязывания новых стереотипов, превращая их в активных «строителей социализма». Война ускорила этот процесс. В совхозах и подсобных сельскохозяйственных предприятиях за четыре военных года численность женщин увеличилась с 34 до 65%, на машинно-тракторных станциях с 11 до 43%. Женщины овладели многими изначально считавшимися мужскими профессиями и к концу войны составляли 75% работников, 55% механизаторов МТС, 62% комбайнеров, 82% трактористов. Увеличилось число женщин, занятых в сфере управления. Но относительно приведенных выше цифр число женщин-управленцев оставалось весьма скромным. В 1953 г. женщины составляли лишь 2,8% от общего числа председателей колхозов [2, с. 42]. Относительно мало их было и среди агрономов, и среди других специалистов.

Такое непропорциональное соотношение роста женщин-управленцев общему количеству женщин-работниц объясняется рядом причин. И, прежде всего, наличием ее социальных ролей в семье. Включаясь в общественное производство, сельская женщина продолжала сохранять все присущие ей ранее семейные функции: рожать и растить детей, вести домашнее хозяйство, в понятие которого входило все от уборки, стирки до заготовки сена, дров и прочего [1].

Личное хозяйство, традиционно состоящее из земельного участка и подворья, в 40-е годы продолжало оставаться единственным источником существования сельской семьи. Это объясняет тот факт, что все свободное от участия в колхозном производстве время женщина посвящала личному хозяйству.

Необходимо учитывать и то, что после войны многие семьи лишились взрослых мужчин. Резко возросло количество матерей-одиночек. Таким образом, вся ответственность за семью легла на женские плечи.

Отказаться от участия в общественном производстве для большинства сельских женщин было невозможно. Власть «принуждала» их трудиться в колхозах, совхозах, МТС.

По своей сути женский труд в сельском хозяйстве и в 50-е годы продолжал оставаться в основном ручным, физически тяжелым, низкооплачиваемым. Причины такого состояния заключались в низкой технической оснащенности производства [2].

Другая причина небольшого количества женщин в сфере управления заключается в слабом развитии социально-бытовой сферы села. Отсутствие яслей, удаленность учебных заведений мешало развиваться и расти в плане профессионализма сельским женщинам. Женщина не могла покинуть дом «на долго». Она совмещала «домашнее хозяйство» с участием в общественном производстве [3].

Государство же компенсировало отставание женщин от мужчин в плане профессионального развития, подходя к решению вопроса с точки зрения реализации государственных интересов. Например, как это было с обучением женщин управлять сельскохозяйственной техникой в годы коллективизации и, особенно, в годы войны.

Как мы видим, «именно советское государство на протяжении семидесяти с лишним лет было институтом, осуществляющим гендерное регулирование через политики принуждения» [4]. Запросы женщины, еще по сути принадлежавшей к патриархальному обществу не могли конкурировать с волей государства.

Список литературы

1. Лебедева Л.В. Жизненные трудности крестьянки 1920-х гг. // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. С. 223–242.
2. Новинская Т.Ю. Труд сельских женщин. 1940–1950-е годы // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 4–2. С. 41–44.
3. Новинская Т.Ю. Роль женщин в общественном производстве в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // XX век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. №8 (12). С. 31–34.
4. Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. № 117 (5). 2012. <http://www.nlobooks.ru/node/2613>

ДОНСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО МНОГОВЛАСТИЯ

Щукина Т.В.¹, Воскобойников С.Г.²

¹ORCID: 0000-0001-9793-2725, ²ORCID: 0000-0003-0041-0950,
Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В статье рассмотрен процесс становления властных структур Донской области после февральского «взрыва» 1917 года и роль донских меньшевиков в данной событийности. Особое внимание уделено анализу деятельности меньшевиков в первые месяцы «демократического многовластия» с учетом локализации меньшевистских структур Донской области. Автор, освещая динамику количественного состава меньшевистских организаций в контексте исследовательской темы, впервые в региональной историографии партии вводит в научный оборот данные о численности меньшевистских организаций, их деятельности в период с марта по май 1917 года.

Ключевые слова: донские меньшевики; архивные материалы; демократическое многовластие; февральская революция.

DON MENSHEVIKS IN CONDITIONS OF BECOMING DEMOCRATIC'S MULTIPLE AUTHORITY

Shchukina T.V.¹, Voskoboynikov S.G.²

¹ORCID: 0000-0001-9793-2725, ²ORCID: 0000-0003-0041-0950,
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

In article is considered the process of becoming of power structures of the Don area after February “explosion” of 1917 and a role Don men-sheviks in given events. The special attention is given to the analysis of

activity mensheviks in the first months of “democratic multiple authority” in view of localization of Menshevik structures of the Don area. The author, covering dynamics of quantitative structure of the Menshevik organizations in a context of a research theme, for the first time in a regional historiography party enters in a scientific revolution the data on of number of the Menshevik organizations, their activity during the period from March till May, 1917.

Keywords: *Don mensheviks; archival materials; democratic multiple authority; February revolution.*

В 2017 году исполняется ровно сто лет со дня Февральской революции, того события, которое изменило всю дальнейшую историю существования Российской империи. Конечно же, о февральских и последующих дня 1917 года написано многочисленное количество исследований, однако до сих пор этот временной отрезок отечественной истории интересен для историков, публицистов и общества. В музеях, библиотеках, архивных учреждениях проходят выставки, экспозиции, презентации документальных сборников, посвященных революционным событиям 1917 года. Так, Комитетом по управлению архивным делом Ростовской области 10 марта 2017 года был представлен проект макета 2-х томного сборника документов, посвященного 100-летию Февральской революции. В сборник, над созданием которого работают архивисты Государственного архива Ростовской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области, должны войти как изученные, так и ранее неизвестные материалы.

Одним словом, тема февральско-октябрьского «взрыва» 1917 года до сих пор актуальна, несмотря на идеологические стереотипы «социалистической истории» и, казалось бы, исчерпывающие откровения российской исторической науки. Это объяснимо. В настоящее время продолжается активный процесс поиска синтезирующих моделей социального прогресса для России, непосредственными участниками которого выступают многочисленные партии. Данное обстоятельство актуализирует необходимость обращения

к собственному историческому опыту, в частности, опыту умеренного крыла российской социал-демократии в лице меньшевиков. В этой связи общероссийские исторические реалии целесообразно дополнить событиями прошлого регионального характера. В рамках данной публикации мы постараемся через призму изученных архивных источников рассмотреть деятельность меньшевиков Области Войска Донского в условиях становления демократического многовластия (февраль – май 1917 года).

Сообщения о революции и отречении Николая II поступили в Донскую область уже 2 марта 1917 года, нося при этом секретный характер. Однако уже к концу дня все города бывшей Российской империи знали о свершившемся событии и были озабочены решением вопроса об организации местной власти на местах. Область Войска Донского весной 1917 года «встала» на путь формирования демократической системы власти. Так, еще 2 марта в Ростове состоялось собрание из представителей профсоюзов и больничных касс в количестве 200 человек, которые решили по примеру Петроградского Совета создать свой Совет рабочих депутатов. На собрании был создан Временный революционный комитет (ВРК), взявший на себя функцию выборного центра для создания Совета депутатов. Меньшевики имели количественный перевес и смогли провести на пост председателя ВРК видного меньшевика, бывшего помощника присяжного поверенного П.С. Петренко. Петр Семенович Петренко 4 марта стал председателем правления тогда же сформированного Ростово-Нахичеванского Совета рабочих депутатов, в состав которого вошел ряд известных донских меньшевиков, таких как М.Б. Смирнов, И.Г. Кунин, А.С. Локерман, И.А. Виляцер [8, л. 29–31]. Председатель правления П.С. Петренко предложил создать орган, представляющий все слои населения. Этим органом стал Общественный комитет, созданный из членов Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов и Гражданского комитета (сформирован 4 марта 1917 года во главе с кадетом В.Ф. Зеелером и представителями предпринимательской элиты в лице Н.Е. Парамонова, А.А. Асмолова). Ситуация с созданием общественных и

гражданских комитетов, исполкомов Советов наблюдалась на рудниках Александровск–Грушевского района, в Таганроге, в Сулине, где в исполкомы вошло около 78% меньшевиков от общего количества членов [9, л. 2].

Следует обратить внимание, что система управления страной в этот период была пестрой, особенно в провинции, и получила в исторических исследованиях название «демократическое многовластие» [6]. Так, в Донской области властные полномочия старались поделить между собой представители Временного правительства, исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов, многочисленные общественные и гражданские комитеты, а также городские и районные думы. Можно отметить, что возникшее в регионах «многовластие» свидетельствовало о двустороннем аспекте: проявлении инициативы всех слоев населения и появлении угрозы дезинтеграции в стране.

Сравнение общероссийских и региональных процессов свидетельствует, что социально-экономические, национально-сословные противоречия в Донском регионе не были столь острыми, как в центре России. Область войска Донского располагала большими продовольственными запасами, материальными ресурсами, значительным процентом городской и сельской буржуазии, сосредоточенностью подавляющего большинства рабочих на крупных заводах. Все перечисленное объясняло более широкую поддержку умеренных лозунгов меньшевиков, чем большевистских радикальных выкладок. Так, в начале 1917 года донских меньшевиков насчитывалось около 1400 человек, в то время как большевиков – 500 человек [12, с. 105]. К концу весны 1917 года численность меньшевиков Донской области увеличилась в 4,5 раза и составила свыше 6 тысяч членов меньшевистской партии, что свидетельствовало о широкой поддержке населением меньшевистской тактики в управлении властными структурами. Указанные количественные данные подсчитаны автором статьи на основе архивных материалов, содержащих анкеты донских делегатов Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП (7–11 мая 1917 года) [1, с. 734–735].

Анализ архивных данных показывает, что к началу лета 1917 года в Области войска Донского существовало 8 меньшевистских и 5 объединенных организации РСДРП. Следует отметить, что чисто меньшевистские организации насчитывали от 200 человек (Азов, Александровск–Грушевск, Новочеркасск) [10, л. 326], до 3000 меньшевиков в Макеевской меньшевистской организации (с 1843 года по март 1920 года Макеевский горнозаводской район входил в состав Области войска Донского) [2, л. 130].

К числу меньшевистских организаций, на наш взгляд, можно отнести и Ростовскую объединенную организацию РСДРП. Изучение архивных материалов дают возможность предположить, что данное название являлось формальным, так как в действительности, по количественному составу и по степени своего влияния, представленная организация являлась меньшевистской (к началу мая в ней насчитывалось около 2800 меньшевиков, а количество большевиков исчислялось несколькими десятками) [10, л. 326], [2, л. 80]. В Донской области меньшевистско-большевистские организации работали в городах Таганроге (350 участников), Сулине (100 человек), станице Каменской (400 человек), Усть–Белокалитвинском горно-окружном районе (1000 человек) [1, с. 603]. При этом меньшевики в объединенных организациях РСДРП явно преобладали. Так, при создании Таганрогской объединенной организации в марте 1917 года на собрании из 200 его участников было только 15 большевиков. Однако сближение большевиков и меньшевиков вскоре прекратилось. Можно сказать, что объединительные попытки делались без надежды на успех, скорее из стремления руководителей обоих течений социал-демократии снять с себя ответственность за происшедший в рядах РСДРП раскол. Александровск - Грушевская объединенная организация РСДРП одной из первых в Донской области раскололась на меньшевиков и большевиков (май 1917 года). Аналогичный процесс прошел в июле в ст. Каменской, в сентябре в гг. Сулин и Таганроге, где руководители объединенных организаций предложили признать своим партийным центром меньшевистский Донской комитет, а печатным органом – меньшевистскую

газету «Рабочее Дело». Однако большинство участников (300 человек) отдали голоса за большевистскую резолюцию о партийном центре в лице Ростово-Нахичеванского комитета большевиков [3, л. 39]. Так, после сентябрьского собрания в образовавшейся таганрогской меньшевистской организации осталось из 1000 человек – 871 участник [3, л. 39].

В научных исследованиях известных историков, таких как С.В. Тютюкин [7], причиной неудачи объединительного процесса обозначается в первую очередь разное понимание задач революции, а именно поддержка концепции поэтапного развития страны, преждевременность социалистической революции, на которой настаивали большевики. Меньшевики подчеркивали, что перед страной в постфевральский период стоит главная задача: укрепление и развитие буржуазно-демократических «завоеваний». Такая установка меньшевистских лидеров поддерживалась и в регионах. В конце апреля 1917 года был образован Донской комитет меньшевиков (25 человек), среди которых уже ранее названный П.С. Петренко, депутат Совета рабочих и солдатских депутатов г. Нахичевани С.М. Гурвич, председатель профсоюза печатников М.Г. Сахранов, председатель Совета солдатских и офицерских депутатов П.К. Мельситов и др. [11, л. 4–6]. Основной «вектор» деятельности комитета заключался в организации руководства Советами и меньшевистскими группами в области, в проведении среди населения бесед по вопросам войны и мира, основных задач социал-демократии в местном самоуправлении [4, с. 4].

Следует отметить, что в самой меньшевистской партии шел процесс объединения всех идейных течений, однако процесс «слияния» трех течений меньшевизма оказалось эфемерным. Но, несмотря на острые разногласия по вопросам текущего момента, все они считали своей главной задачей отстаивание правопорядка в стране и борьбу за интересы рабочих. Меньшевистские руководители считали Советы тем учреждением, которое полезно для укрепления позиций рабочих, в условиях слабой организованности профсоюзов. Подтверждая выкладки центрального меньшевистского руковод-

ства, члены Донской комитет меньшевиков в своих выступлениях отмечали, что в провинциальных городах Советы стали органами самоуправления для всех, кто принял революцию, однако есть опасность – замещение РСДРП Советами. Ростовские меньшевики, такие как председатель Донкома Б.С. Васильев, С.М. Гурвич, А.С. Локкерман отмечали, что необходимо поддерживать Временное правительство до момента созыва Учредительного собрания, корректируя и направляя решения правительства в сторону улучшения положение рабочего народа [1, с. 414–417]. В то же время, как отмечали донские меньшевики, весной 1917 года невозможно ожидать радикальных социальных изменений.

Изменение произошло во властной структуре страны – во Временном правительстве. В мае 1917 года оно стало коалиционным, в него решили войти малым количеством меньшевики. Реакция донских меньшевиков была крайне негативной, о чем свидетельствовала резолюция ростовских меньшевиков (от 4 мая 1917 года), поддержанная таганрогскими, сулинскими и макеевскими меньшевиками, в которой говорилось, что пора было депопуляризировать Временное правительство, а не входить в него. Однако, когда коалиционное правительство все же сформировалось, донские меньшевики высказались в его поддержку. А.С. Локкерман на заседании Ростово-Нахичеванского Совета 6 мая утверждал, что надо оказать поддержку правительству, а не добиваться передачи власти Советам, что может привести к кровавому хаосу [5, с. 3].

Как и предполагало большинство «столичных» и «провинциальных» меньшевистских руководителей участие социалистов в коалиционном правительстве внушило народу надежды на улучшение экономической ситуации, на подписание мира. Однако неготовность Временного правительства завершить войну и справиться с кризисом предопределила дальнейшее отношение рабочих, как к стратегии коалиции, так и к самим меньшевикам.

Охлаждение к меньшевистским постулатам, лозунгам и самим руководителям происходило постепенно. В Донской области падение авторитета меньшевиков наметилось только к сентябрю 1917 года,

однако первой «трещинкой» в пирамиде доверия населения к донским меньшевистским организациям стали события мая 1917 года.

Подводя итог, можно утверждать, что донские меньшевики, используя свое численное преимущество над радикальными собратьями (большевиками) по РСДРП, смогли активно участвовать в работе городских дум, профсоюзных организаций, общественных организаций, исполкомов Советов, что составляло систему демократического многовластия. В целом, донские меньшевики в первой половине 1917 года сумели более адекватно по сравнению со своими политическими соперниками осознать и реализовать в своей деятельности устремления и требования рабочих. Стоит отметить, что без этого успехи меньшевиков весной 1917 года были бы значительно скромнее.

Список литературы

1. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв. Большевики в 1917 г. Т.1. М: РОССПЭН,1996. 805 с.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ), Ф. 275. Оп. 1. Д. 7.
3. РГАСПИ. Ф. 70. Оп.4. Д. 186.
4. Рабочее дело. 1917. 1 июня.
5. Рабочее дело. 1917. 10 мая.
6. Трусова Е.М. Эволюция властных структур и общественные движения Юга России (После свержения самодержавия). Ростов н /Д. Изд-во СКАГС, 2002. 205 с.
7. Тютюкин С.В. Большевизм: страницы истории. М: РОССПЭН, 2002. 405 с.
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО). Ф.12. Оп. 3. Д.604.
9. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1099.
10. ЦДНИРО, Ф. 12. Оп. 3. Д. 316.
11. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 177.
12. Шукина Т. В. Большевистские организации Области войска Донского: 1914 – декабрь 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2005. 233 с.

К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДЖИГИТОВКИ

Юрченко Н.В.

ORCID: 0000-0001-9151-4418,
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
г. Москва, Российская Федерация

Статья посвящена истории возрождения казачьей джигитовки в современной России. Дан анализ источниковой базы по возрождению и реконструкции элементов казачьей джигитовки. Рассмотрены проблемы реконструкции при использовании известных источников.

Ключевые слова: джигитовка; казачество; казаки; история национального спорта, источниковая база, реконструкция.

TO THE PROBLEM OF FINDING SOURCES FOR THE RECONSTRUCTION OF TRADITIONAL ELEMENTS OF THE COSSACK DZHIGITOVKA

Yurchenko N.V.

ORCID: 0000-0001-9151-4418, Moscow aviation Institute
(national research University), Moscow, Russian Federation

The article is devoted to the revival of Cossack Dzhigitovka in modern Russia. The analysis of the source base for the reconstruction and revival of the elements of the Cossack Dzhigitovka. Considers the problem of reconstruction when using the known sources.

Keywords: Dzhigitovka; cossaks; history of the national equestrian sport; source base; reconstruction.

Джигитовка (боевое искусство народов Великой Степи) долгое время передавалась от отца к сыну и не нуждалась в какой-либо фиксации. Первые описания оставили инородцы, пораженные умениями своих соседей [6]. Поскольку от умений кочевников зависела напрямую их жизнь, джигитовка органично впитывала все полезные приемы из других боевых искусств. Также наращивался арсенал упражнений для свадебных церемоний, когда джигит (егет) старался завоевать девушку, демонстрируя свою удаль. Самой «богатой» на элементы является казачья джигитовка, которая, кроме своих специфических упражнений, включает в себя практически все элементы кавказской и среднеазиатской джигитовки. Все эти обстоятельства очень затрудняют реконструкцию элементов именно казачьей джигитовки, поскольку необходимо отделить те элементы, которые уже стали ее частью в процессе развития от случайно к ней приписанным.

Данное исследование представляет собой результат более десятилетней работы автора по сбору материала и изучению истории джигитовки. Основные трудности в сборе источниковой базы по данному вопросу заключаются в том, что собственно об элементах джигитовки практически мало кто писал, и еще меньше тех, кто их описывал или зарисовывал. Во-вторых, как уже было сказано, очень трудно производить «отсев» элементов, не относящихся к джигитовке, не обладая достаточными сведениями по истории боевых искусств, верховой езды и конной акробатики.

С XVIII века по сегодняшний день было несколько попыток зафиксировать и регламентировать упражнения джигитовки. В первую очередь преследовалась цель массового обучения новобранцев, для сохранения ценного боевого искусства и увеличения численности хорошо обученных воинов. Первая попытка была сделана графом Потемкиным продолженная Павлом I, Вторая, как необходимость для сохранения казачьих войск, после отмены крепостного права и введения всеобщей воинской повинности, третья в период и сразу после Гражданской войны, причем

сразу в двух направлениях: сохранение российского имперского наследия в эмиграции и создание советской школы конного боевого искусства, четвертая в 70-х гг. XX века после роспуска Советской кавалерии для сохранения джигитовки в рамках национальной культуры народов СССР и, наконец, в начале XXI века с целью возрождения джигитовки и превращения ее в национальный вид спорта.

Спортивная джигитовка начала возрождаться в 2005 году благодаря инициативной группе (Е. Борогодский, А. Бухаров, В. Головатюк, С. Калинин и Е. Серегин и др.). Для восстановления образа и методик исполнения элементов джигитовки использовал фото- и кинодокументы Госархива кино, мемуары казаков-эмигрантов и их фото и кино документы, а так же Строевой устав казачьей службы 1899 г., Наставление по конному спорту РККА 1939 г., Строевой устав конницы 1938 г., Строевой устав кавалерии 1953 г. Так же использовалась и непрерывная традиция джигитовки цирковых династий (Кантемировы, Тугановы) и опыт каскадеров Е. Богородского, А. Лебедева, О. Монгуша, С. Калинина, К. Плахотнюка, Д. Кириллова и др. Сбор материала энтузиастами позволил возродить и сделать искусство джигитовки не только массовым, но и вывести ее на международный уровень [7].

Источники, используемые для возрождения джигитовки, представляют собой попытку зафиксировать, унифицировать и регламентировать казачьи традиции. С одной стороны уставы и программы, да и любая фиксация любого явления культуры сильно его обедняет. С другой – только благодаря этим документам мы можем выяснить не только с внешней, но и с технической стороны все нюансы традиционного воспитания казака.

XIX век внес свои коррективы в подготовку кавалеристов. Уже наполеоновская армия начала побеждать не только за счет умения, но и массой. Во всех кавалериях Европы встал вопрос подготовки программы для быстрого обучения кавалериста, а Россия еще хотела увеличить число обученных казаков, великолепно зарекомендовавших себя как раз в войне с Наполеоном.

Традиционным способом обучать казаков, наращивая объемы, было практически не возможно, поскольку все методики были рассчитаны на индивидуальное обучение. После отмены крепостного права и введения всеобщей воинской повинности премудростям джигитовки собирались обучать и не природных казаков. Для этого в военных округах по военной реформе 1862–1865 гг. были открыты окружные юнкерские училища. Для подготовки казаков, получивших общее образование в кадетских корпусах, в 1890 г. при Николаевском кавалерийском училище в Санкт-Петербурге была создана казачья или «царская» сотня [5].

Что же можно получить из предложенной методики обучения джигитовке второй половины XIX века в отношении сохранения казачьих традиций? Главное Управление казачьих войск придавало большое значение обучению верховой езде. Однако из-за нехватки опытных преподавателей из числа казаков использовались учителя по европейской вольтижировке, что приводит к взаимовлиянию обеих дисциплин. Казаки же, принимавшиеся в юнкерские училища во второй половине XIX века зачастую не умели даже ездить верхом. О преемственности традиций здесь говорить не приходится. Даже собственно джигитовка в это время носит название – казачья вольтижировка [3].

Верховая езда преподавалась для всех одинаково и опиралась на мастерство главного инструктора верховой езды знаменитого английского берейтора Джеймса Филлиса, в то время гастролировавший в цирке Чинизелли в Санкт-Петербурге. Система Дж. Филлиса оказала огромное влияние на подготовку русской кавалерии, и многие ее положения вошли в Устав 1912 года. Поэтому устав Казачьей службы 1899 года является не зарисовкой казачьей традиции, а компиляцией европейской вольтижировки, английской школы верховой езды и остатков казачьих традиций [1].

Перед Первой мировой войной, и об этом нам явно говорит кавалерийский устав 1912 года вся кавалерия, включая казачьи части, приспособлялась под новые условия ведения войны: пулеметные атаки, атаки самолетов, автомобилей, артиллерии и т.д. То

есть опыт именно казачьего наездничества вообще не был востребован и из уставов практически выпал. Гражданская война при отсутствии боеприпасов и других средств передвижения кроме коня опять вознесла кавалерию на пьедестал и советские кавалерийские уставы, особенно довоенные, пытались восстановить опыт царской конницы и казачьих подразделений и сделать их массово доступными. Однако, если уставы конца XIX века уже являлись компиляцией различных традиций, при чем казачьих в незначительной степени, то советские уставы методик именно казачьей джигитовки сохранили еще меньше.

Следующий временной срез казачьей джигитовки мы получаем в книге Г. Рогалева и О. Рого [4], когда вид этого конного спорта пытались возродить в СССР, она фиксирует все что было восстановлено и сохранилось в уставах РККА и является отправной точкой для сбора новой информации о джигитовке в 70-е гг. XX века. Чтобы получить сведения о действительно казачьих способах ведения боя, владения конем и оружием артисты цирка и кинокаскадеры пытались обратиться к источникам с непрерывной традицией в казачьих станицах. К сожалению, в следствие рассказывания уголки казачьей культуры отыскать было очень сложно, а то и невозможно вовсе. Требования жанра, заставляли артистов привносить в народную традицию что-то свое, а не фиксировать с точностью этнографа.

Таким образом, в ущерб науке и во славу искусству в казачью джигитовку попадают элементы из других цирковых и даже не конных жанров – вольтижировка, гратеск-наездничество, жокейская езда, жонглирование и акробатика. Бесценным материалом для возрождения казачьих методик обучения могут быть труды казаков, собиравших информацию для себя, от своих дедов, которые по молодости джигитовали. Примером может служить деятельность Степанова В.И., начавшего заниматься джигитовкой с 1971 года, к сожалению ныне уже покойного. Он собирал методики по станицам от стариков и считался в Крыму одним из лучших знатоков казачьих традиций.

Как не печально, но здесь нас ожидает еще один подвод. Старички 70-х годов XX века обучались джигитовке большей частью по уставу РККА, критика которого представлена выше. В прочем, это могли быть и свои местные традиции, как хотелось бы надеяться, передаваемые от отца к сыну, не попорченные Милютинскими реформами и европейской вольтижировкой. Однако вероятность такого стороннего вмешательства весьма велика.

Многие методики казачьей джигитовки вместе с их носителями в начале XX века покинули Россию, и, казалось бы, представляют собой традиционные казачьи навыки, не попорченные советской действительностью. Но эти методики также прошли через реформы второй половины XIX века, условия и уставы Первой мировой войны и, как сообщает в своих мемуарах Солодухин [2] умеющих джигитовать и даже ездить верхом среди эмигрантов-казаков было не так уж много. Группа джигитов-казаков, чтобы оставаться востребованной западной публикой многие трюки придумывала сама. А значит и материал, вывезенный в годы революций, был не очень богат [8].

Итак, мы выделили следующий ряд источников по истории джигитовки. Упоминания иностранцев, кавалерийские казачьи уставы, джигитовка эмигрантов, кино- фото- документы, непрерываемая?! традиция в станицах, непрерываемая традиция в цирке и кино. Изучая народные методики обучения казачьей джигитовке собранные ли артистами советского цирка, потомками расказаченных в советское время казаков или вывезенные эмигрантами-казаками за границу, мы должны четко видеть все подводные камни, подстерегающие нас на пути. Для объективной оценки принадлежности собранного материала именно к казачьей традиции необходимо изучить и все смежные материалы, чтобы дифференцировать привнесенные элементы от истинно народных. Но и при соблюдении всех правил изучения казачьего наследия, вычлениении его из привнесенных элементов европейской школы нельзя утверждать, что только «дедовское» видение джигитовки, обучения лошади и подготовки всадника единственно правильное, настоящее, казачье.

Список литературы

1. Грачева Н.В. Использование вольтижировки в России для повышения боеспособности конницы с момента возникновения регулярных войск иноземного строя до начала XX века // Наше отечество. Страницы истории: Сб. науч. тр. Вып. 4-й. М., МАИ, 2008. С. 187–200.
2. Джигитовка казаков по Белу Свету / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии, подбор иллюстраций П.Н. Стрелянова (Калабухова) М., 2006.
3. Козлов В.В. Физическое воспитание в казачьих юнкерских и военных училищах императорской России (1867–1917 гг.) // Военно-исторический архив. №11 (47). Октябрь 2003.
4. Рогалев Г., Роге О. Вольтижировка и джигитовка. М. 1971.
5. Юрченко И.Ю., Юрченко Н.В. Феномен «конь и всадник» в повседневной культуре казачества юга России: проблема исторических источников и реконструкции казачьей джигитовки / Новая локальная история по следам интернет-конференций. 2007–2014. 2014. С. 193–200.
6. Юрченко И.Ю., Юрченко Н.В. Из истории конного спорта в России: Конное искусство Великой Степи и Средневековой Руси (Исторические корни казачьей джигитовки) // Коневодство и конный спорт. 2012. № 6. С. 36–39.
7. Юрченко Н.В. Возрождение казачьей джигитовки в современной России (2005–2016). Проведение ЧМ по джигитовке – первого в истории человечества. // Коневодство и конный спорт. Научно-производственный, спортивно-методический журнал Минсельхоза РФ. 2016. № 5. С. 30–33.
8. Юрченко Н.В. Казаки-джигиты Кубанского казачьего войска и их конные выступления в эмиграции во Франции в 1925–1926 гг. (по мемуарам Ф.И. Елисеева и Г.А. Солодухина) // Кубанские исторические чтения: Материалы III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (Краснодар, 20 июня 2012 г.). Краснодар: ЦНТИ, 2012. С. 218–223.

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

АНТРОПОКОСМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС АНДРЕЯ БЕЛОГО

Акопова Ю.А.

ORCID: 0000-0002-6267-2246, Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

В статье поднимается проблема формирования современной «энергийной» антропологической модели личности, восходящей к Православным исихастским практикам. В самосознании русской культуре «энергийное» представление о человеческой сущности возникает в русской религиозной философии и литературном модернизме Серебряного века. «Космический» взгляд на человеке нашел свое яркое художественное воплощение в творчестве Андрея Белого, запечатлевшего свой опыт духовного восхождения к Богу.

Ключевые слова: антропология; антропокосмизм; иррационализм; дискурс; исихазм; синергия; символ; энергия; богопознание; онтология.

ANTHROPOCOSMIC DISCOURSE OF ANDREI BELY

Акопова У.А.

ORCID: 0000-0002-6267-2246, Rostov State University
of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

The article raises the problem of the formation of a modern «energetic» anthropological personality model, which goes back to the Or-

thodox hesychast practices. In self-consciousness of Russian culture, the «energetic» idea of human essence arises in Russian religious philosophy and the literary modernism of the Silver Age. The «cosmic» view of man found his vivid artistic embodiment in the work of Andrei Bely, who recorded his experience of spiritual ascent to God.

Keywords: *Anthropology; anthropo-centrism; irrationality; discourse; hesychasm; synergy; symbol; energy; ontology; knowledge of God.*

Третье тысячелетие, как и все предыдущие этапы развития самосознания человечества, отмечено интенсивными поисками новой антропологической модели. По мнению С.С. Хоружего, основателя Института синергичной антропологии, современные антропологические процессы разрушают классическое рациональное представление о сущности человека [1]. Актуальным становится религиозный опыт о человеке, в частности, исихастская «энергичная» модель личности. Гуманистическая традиция настаивала на том, что бытийный телос личности заключается в полной самореализации личности. Однако человек остается ограниченным «горизонтом своего существования», замкнутым в нем. Исихазм утверждает иную цель: «превосхождение естества», «размыкание себя» [2] навстречу Иному.

Согласно учению исихастов, сущность Бога именуема и непознаваема. Однако «всепреобразующая и всесовершающая» «божественная энергия» [3] открыта человеческой душе. Св. Григорий Палама в «Триаде в защиту священно-безмолствующих» неоднократно указывал на истинное предназначение человека – синергичное единение с Богом. Цель такого «сотрудничества» – обожение, энергичное преображение личности.

«Энергичная» «предельная» (в терминологии Хоружего С.С.) модель личности, восходящая к Православным практикам, возникает в самосознании отечественной культуры на рубеже XIX–XX веков в философии русских космистов и в творчестве писателей-модернистов. Антропокосмическая модель человека нашла свое художественное воплощение в творчестве Андрея Белого, пафосом твор-

чества которого стало возрождение «космического» христианства» [4], что мы и попытаемся показать в данной работе на примере симфонии «Кубок метелей».

Формирование новаторского дискурса симфоний Андрея Белого было обусловлено, как многократно заявлял сам автор, необходимостью создания высшей формы творчества, теургии, в которой свершится «пресуществление искусства в религию жизни» [5, т. 1, с. 265]. Высшая цель теургии – «светлое воскресение преображенной личности» [6, с. 194].

Белый как сторонник «нового религиозного сознания» [7, с. 254] в своем творчестве пытался ответить на вопрос: может ли человек непосредственно и живо общаться с Богом?

«Личное религиозное переживание», личный опыт богопознания – это то, что объединяет все «Симфонии» символиста Андрея Белого. Отвергнув традиционный «путь искусства», Белый избрывает новый способ письма, главным «инструментом» которого станет символ, «предел пределов» [5, т. 1, с. 113], по определению П. Флоренского, «бытие, которое больше самого себя» [8, т. 2, с. 287]. Определения символа, данные Белым и Флоренским, могут быть отнесены к Богу.

«Новым способом» создается Белым последняя симфония «Кубок метелей» (1907).

«Тема метелей – это смутнозовущий порыв... куда? К жизни или смерти? К безумию или мудрости?» [7, с. 254] – вопрошает Белый в начале симфонии. И с самых первых строк вовлекаемся мы вместе с персонажами в этот безудержный порыв, космический метельный ритм. В метельных вихрях разворачивается мистическая борьба Космоса и Хаоса за Душу мира. Адам Петрович, главный герой симфонии, любит мистическую Невесту, Светлову. Чтобы соединиться в небесной любви, влюбленные вступают в схватку с собственными грехами, соблазнами, с внешним миром «Счета», «Свинарни».

Персонажи, обозначенные в начале симфонии именами, с развитием мистического сюжета полностью утрачивают свою «антропологическую определенность».

Каким же образом происходит процесс смыслообразования в симфонии, если персонажи «развоплощены», фабула отсутствует, смешаны различные «планы» вселенной? Смысловую динамику дискурса создает ритмизация. Поток текста энергетически насыщен космическим безудержным вихревым движением. Задаваемые метельным ритмом периоды напряжения («Вьюга – клубок серебряных ниток – накатила: ветры стали разматывать ... над крышей вздыбился воздушный конь...») сменяются затуханием порыва: «И упал, разорванный ветром» [7, с. 262]. Смятенно-восторженные люди вовлечены в метельный вихрь, возносятся в нем и ниспадают с ним, растворяются в нем.

Часто в верхнем пределе космического вихря отвергается просвет в «иную» реальность: «...В глубокой яме, четко обрисованной гробовыми досками, не было дна, а гробовой лазурный полет в подблачную стремнину...» [7, с. 385].

Кажется, что в это мгновение глубинного сопряжения смысла и ритма и осуществляется прорыв из «метели»... Но «куда»?

«Счастье Христово покинуло Адама Петровича... Висел в темном. Мимо него с гудением пролетали миры: яркие звезды, блестя, бросали лучи». Кто поможет вернуться ему из «черного бархата небытия» [7, с. 268]. Крик Человека в Вечности: «Услыши мя, Господи!» В ответ в «торжествующий хаос» метельных ритмов вступает Иной, торжественный, останавливающий, восстанавливающий, «утишающий» молитвенный ритм.

Молитва особенная, «усердная», всеобщая – первая метельная ектения, вторая, третья ектения – звучит в метельных космических «пространствах».

Господь слышит устремленную к нему в молитве душу Адама Петровича. Земной Адам Петрович, пройдя через тяжелые испытания, искушения, через безумие и смерть, «возвращается» в молитвенном ритме космической метели к себе истинному, небесному Адаму Кадмону.

«Если и возможно в будущем религиозное сознание, то путь к нему – только через любовь», – писал Белый в предисловии к «Кубку

метелей». – Должен оговориться, что пока я не вижу достоверных путей реализации этого смутного зова от любви к религии любви». . . И потому «души любящих растворяются в метели». . . [7, с. 254].

Но иррационально, символически Андрей Белый прозревает возможность такого пути, возможность душе человеческой быть «приобщаемой» к светоносной «божественной энергии» - «Все победит любовь!» [7, с. 286].

Опыт духовного восхождения персонажей Андрея Белого представляется актуальным в современной ситуации всеобщего поиска духовных ориентиров и осознания онтологической сущности человека.

Список литературы

1. Хоружий С.С. Практика себя/ Искусство кино, 2000. №12. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kinoart.ru/archive/2000/12/n12-article28>. Дата обращения: 26.06.2017.
2. Хоружий С.С. Там же.
3. Палама Григорий. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: Канон, 1995. С. 5–344.[Электронный ресурс]: URL: http://www.orthlib.ru/Palamas/triad_cont.html Дата обращения: 26.06.2017.
4. Бердяев Н.А. Теософия и антропософия в России. [Электронный ресурс]: URL:http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/teosof_i_antroposof. Дата обращения: 28.06.2017.
5. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2-х тт. М., 1994. Т.1. 478 с.
6. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. 528 с.
7. Белый А. Забытая книга. Симфонии. Л., 1991. 528с.
8. Флоренский П.А. Сочинения. В 2-х тт. Том 2. У водоразделов мысли. М., 1990. 447 с.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА РАЗВЕРТЫВАНИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕДЕБАТАХ ГЕРМАНИИ

Барков Е.А.¹, Егорченкова Н.Б.², Петрова А.А.³

¹ORCID: 0000-0003-0916-4194, ²ORCID: 0000-0001-7418-5720,
³ORCID: 0000-0003-4322-1324, Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград, Российская Федерация

В статье рассматривается специфика реализации стратегии самопрезентации в политических теледебатах с использованием мультимодальных средств. Основное внимание уделяется интраперсональному координированию коммуникативных действий кандидатов на пост канцлера Германии. Последовательность развертывания аудимальной вербальной информации (тактики самовосхваления, обещания) «дублируется» и демонстрируется визуальными дейктическими кинесическими жестами-знаками, такими как жест «аккомпаниатор» и конфирмативный иллюстративный жест.

Ключевые слова: мультимодальная интеракция; семиотический потенциал мультимодальной интеракции; политическая интеракция; политические дебаты; сенсорное речевое воздействие; дейктические кинесические жесты-знаки; стратегия самопрезентации; тактики самопрезентации.

MULTIMODAL MEANS OF SELF-PRESENTATION STRATEGY DEPLOYMENT IN GERMAN POLITICAL TV DEBATES

Barkov E.A.¹, Egorchenkova N.B.², Petrova A.A.³

¹ORCID: 0000-0003-0916-4194, ²ORCID: 0000-0001-7418-5720,
³ORCID: 0000-0003-4322-1324, Volgograd State University,
Volgograd, Russian Federation

The article deals with specifics of self-presentation strategy implementation with multimodal means. The main focus is on interpersonal

coordinating of communicative acts of candidates for German Chancellor. Sequence of auditory and verbal information deployment (self-laudation tactics, promises) is “duplicated” and demonstrated with visual deictic kinesic gesture signs, such as an “accompanist” gesture and a confirmative illustrative gesture.

Keywords: *multimodal interaction; semiotic potential of multimodal interaction; political interaction; political debates; sensory speech manipulation; deictic kinesic gesture signs; self-presentation strategy; self-presentation tactics.*

В отечественном дискурсивном пространстве политическая интеракция традиционно изучается в основном с позиции теории дискурс-анализа, иными словами во главу угла ставится вербальная коммуникация. Однако специфика политической коммуникации, передаваемой экранными СМИ, заключается в том, что такие зрелищные жанры медиа-политического дискурса, как ток-шоу и теледебаты, располагают огромным ресурсом воздействия на общественное мнение и интересы различных субъектов. И это уже не только звучащая речь со всем богатством ее риторики, интонационной, эмоциональной окраски, но и мимика, жесты, поведение собеседников, а нередко и окружающая их среда (интерьер помещения, ландшафт, окружающие люди и пр.). Причем не-вербальная информация воспринимается не отдельно, а в синтезе семиотических систем, реализующих одну коммуникативную задачу. Такое одновременное «содружество» гетерогенных компонентов, участвующих в создании коммуникативного смысла и направляющих его декодирование, лежит в основе концепции мультимодальности. Приняв за основу тезис о мультимодальности политической интеракции, мы исходим из того, что язык симультанно и сукцессивно координируется с другими модальностями и образует с ними пространственно-временную и функционально-семиотическую макроструктуру, в которой элементы соположены по отношению друг к другу, выступают в равноправных отношениях, не доминируют, но взаимодополняют друг друга, образуя в отдельные фазы инте-

рации области повышенной информативности, выражающейся в трансляции информации избыточным образом элементами разных модальностей или модальных уровней [4, с. 120]. Иными словами, каждая из модальностей участвует, если ее изучать отдельно от других, мономодально в интеракции, и, соответственно, мономодально специфицируется в акте коммуникации.

Объект нашего исследования – политические теледебаты представляют собой избирательный поединок, непременно транслируемый по телевидению между кандидатами на пост президента (кандидата), которые стремятся к наиболее эффективному воздействию не только на оппонента, но и даже в большей степени на зрителей как своих потенциальных избирателей, а также к достижению определенных прагматических целей и установок, обуславливающих выбор определенной стратегии [1, 3, 5, 6]. Использование в таком поединке мультимодальных средств способствует наиболее эффективной реализации выбранной политиком стратегии.

Поскольку стратегия самопрезентации является универсальной стратегией, которую используют все политики без исключения, то именно ее мы и выбрали для анализа. В ходе исследования мы выяснили, что данная стратегия представляет собой «управление впечатлением, которое политик желает произвести на аудиторию с целью оказания на нее воздействия, это «самоподача» оратора, демонстрация его личных качеств, так называемое автопортретирование [1, с. 99].

Осознавая себя в качестве «фокусной личности», кандидаты координируют свое коммуникативное поведение таким образом, чтобы оно было адекватным образом воспринято и интерпретировано потенциальными избирателями. Выбор тех или иных мультимодальных средств, при этом, в большей мере обусловлен его собственными представлениями о тематическом развитии интеракции с целью управлять сознанием получателя информации, воздействовать на него, на формирование его установок. Этот интраперсональный аспект коммуникативного поведения кандидатов, представляющий рефлексивные формы, которые обуславливают их самоорганиза-

цию, направлен, прежде всего, на представление себя в более выгодном свете [2, с. 108].

Рассмотрим данные предположения на фактическом материале, состоящим из видеофрагментов трех существующих на сегодняшний день теледебатов кандидатов на пост канцлера Германии: между Герхардом Шрёдером и Ангелой Меркель (от 4 сентября 2005 года), между Ангелой Меркель и Франком-Вальтером Штайнмайером (от 13 сентября 2009 года) и между Ангелой Меркель и Пеером Штайнбрюком (от 1 сентября 2013 года) [7, 8, 9].

Стремление высказать максимально много в короткое время, в связи с возможностью прерывания речи другими участниками, составляет кандидата, находящегося в роли «легитимного оратора», использовать весь семиотический потенциал мультимодальной интеракции для самоорганизации коммуникативного поведения, нацеленного на реализацию стратегии самопрезентации с помощью тактик самовосхваления, обещания, демонстрации профессионального успеха [1, с. 100].

Тактика самовосхваления используется всеми кандидатами на пост главы государства с целью представить себя, свою партию и свою избирательную программу, подчеркнув наиболее выгодные по сравнению с оппонентом моменты. На вербальном уровне данная тактика представлена прежде всего лексемами, семантика которых характеризует политика как человека, который обладает набором положительных качеств, например, прилагательными: *optimistisch, erfolgreich, richtig, zuverlässig, verantwortlich, stolz*; прилагательными в сравнительной и превосходной степени, например: *besser, sicherer*; глаголами: *kontrollieren, in der Lage sein*. Непременным атрибутом тактики самовосхваления являются личные местоимения *ich, wir* и притяжательные *mein, unser*. Такие вербальные знаки каждый раз дублируются дейктическим невербальным жестом «указание на себя», которым политики ассоциируют себя с партией, народом, стремясь показать оппоненту и зрителям свои положительные качества, которые, по их мнению, помогут им на посту канцлера (рис. 1).

Рис. 1. Schröder: ... Und dem opfere ich meine gesamte Zeit und meine Kraft und gehen Sie mal davon aus, dass die ganz erheblich ist. (2005, 1:25:16-1:25:23)

Немецкие политики сдержанно используют данную тактику, гораздо чаще прибегая к тактике обещания, которая представляет собой, прежде всего, демонстрацию предвыборной программы кандидатов. Поэтому политик делает на ней особый акцент и старается как можно сильнее заинтересовать избирателей переменами, которые произойдут, если его выберут. Наиболее часто используемыми для данной цели лингвистическими средствами являются формы глаголов будущего времени, отражающие действия, которые политик готов предпринять на высшем государственном посту.

Для отражения полной уверенности политика в том, что он обещает, использовались, однако, глаголы настоящего времени, поскольку глагол в форме будущего времени имеет некую модальность неуверенности и допускает вариант, что данные меры могут и не быть успешными. Прямые обещания коренных изменений кандидаты формулировали с помощью глагола *versprechen*. При этом политики также использовали личные местоимения *ich* и *wir*, демонстрирующие их непосредственное участие в реализации поставленных задач. Личное инклюзивное местоимение *wir* придает обещаниям оттенок «кооперации» главы государства и его будущей администрации.

Готовность кандидатов твердо отстаивать свою позицию и выполнить свои обещания в случае, если они займут пост канцлера, иллюстрируется жестом-аккомпаниатором «сжатые кулаки» (рис. 2). Для усиления сенсорного речевого воздействия и удержания осознания адресатом сказанного в нужном направлении кандидаты используют жесты «поднятый вверх палец» как подготовка адресатов к восприятию релевантной информации, привлечения их внимания, а также жест-аккомпаниатор «щепотка», фокусирующий внимание, указывающий на суть даваемых кандидатом обещаний, подчеркивая и усиливая вербальный контекст, чтобы избежать неверной интерпретации (рис. 3). Последовательность выполнения обещаний демонстрируется кинесическим знаком, которым символически представляются приоритеты (рис. 4).

Рис. 2. Steinbrück:... Wir machen diesen Wahlkampf weiter, kämpfen wir für unser Programm (2013, 1:28:12-1:28:27)

Рис 3. Merkel: Und, liebe Bürger, ich kann Ihnen nicht versprechen, alle Probleme von einem Tag auf den anderen zu lösen, aber ich sage vor der Wahl, was wir nach der Wahl tun werden. (2009, 32:26-32:36)

Рис 4. Merkel: Und dazu gehört die Senkung der Lohnzusatzkosten. Das wird Wachstum schaffen und damit wird sich auch die Haushaltslage entspannen.

(2005, 26:35-26:41)

Тактика демонстрации профессионального успеха чаще всего использовалась кандидатами для самопрезентации, так как наилучшим способом обращает внимание избирателей на определённые результаты проделанной уже работы, на свой политический опыт, профессиональные успехи, заслуги, достижения.

Легче всего убедить избирателей в успехах уже проделанной кандидатами работы с помощью статистических данных, доказывающих эффективность работы их команды и их личные профессиональные заслуги. Поэтому чаще всего для реализации данной тактики на вербальном уровне использовались цифры, процентные показатели; глаголы *zeigen*, *machen*, *gewinnen*, *erreichen*, *erzielen* в прошедшем времени; парные союзы *nicht nur...*, *sondern auch*; *sowohl...*, *als auch*; слова *schon*, *das Erste*, *das Zweite*, *erstens*, *zweitens*, *einzig*; простое перечисление последовательностей.

Самоорганизация в коммуникативном пространстве имела особое значение именно при реализации данной тактики. Поднятая голова и опущенные плечи кандидатов демонстрировали открытость и гордость за достигнутые успехи (рис. 5). Для усиления вербально выраженной информации о статистических данных кандидаты использовали конфирмативный иллюстративный жест «акцентированный счет на пальцах», функционирующий аналогично средствам

пунктуации, выделяя тем самым важную информацию, создавая впечатление многочисленности достигнутых результатов (рис. 6).

Сильное воздействие на потенциальных избирателей оказывает обращение кандидатов к избирателям с просьбой о доверии за определенные профессиональные заслуги и о предоставлении возможности в дальнейшем приносить пользу немецкому народу. Склоненная набок голова и улыбка являлись риторическим призывом согласиться со словами политика, а раскрытые ладони, обращенные к потенциальным избирателям, символизировали очевидное следствие из сказанного, очевидности приводимых политиком фактов и убеждали адресатов согласиться с кандидатом (рис. 7).

Рис. 5. Merkel: Ich habe in meiner politischen Arbeit gezeigt, dass wir jetzt in elf Bundesländern regieren, viele Wahlen gewonnen (haben). (2005, 2:27-2:37)

Рис 6. Schröder: Wir haben nicht nur das Kindergeld erhöht. Wir haben ein Gesetz gemacht, in dem ... (2005, 1:05:40-1:06:02)

Рис 7. Steinmeier: Eine der Ursachen ist zum Beispiel, dass eine ganze Reihe von ausländischen Banken, die ihr Kreditvolumen auf dem deutschen Markt zu finden gestellt haben, schlicht und einfach nicht mehr da sind, weil sie pleite sind ... (2009, 0:48-0:56)

Таким образом, универсальная для всех кандидатов на пост канцлера стратегия самопрезентации призвана подчеркнуть собственное достоинство претендента и доказать его право на высший государственный пост. Аудиовизуальный характер коммуникативного процесса в телевизионных теледебатах обуславливает необходимость рассматривать интерактивное поведение участников как мультимодальное событие. Реализация стратегии самопрезентации осуществляется с помощью знаков разных семиотических систем, что обеспечивает более эффективное восприятие информации, транслируемой участниками теледебатов.

Список литературы

1. Атьман О.В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1(35). С. 96–102.
2. Егорченкова Н.Б., Шамне Н.Л. Координативные ресурсы мультимодальной интеракции в политическом ток-шоу // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, Волгоград, 2016. №1(30). С. 107–118.

3. Ковригина Е.А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью. Дис. ... кан-та филол. наук: 10.02.19 / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2010. 177 с.
4. Петрова А.А. От онтогенеза к социальной интеракции: опыт мультимодального исследования коммуникативного события // События в коммуникации и когнитии: материалы Международной научной конференции (= Events in Communication and Cognition: Book of Abstracts). Москва, 19–20 мая 2016 г. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 120–122.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
6. Эпштейн О.В. Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса. URL: www.gramota.net/materials/2/2008/2/55.html (дата обращения: 12.07. 2017).
7. Das Fernsehduell zwischen Angela Merkel und Gerhard Schröder. (Bundestagswahlkampf 2005). Moderation: Maybrit Illner, Peter Kloeppe, Sabine Christiansen, Thomas Kausch. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Hybsgj1MIZ4> (дата обращения: 12.07. 2017).
8. Das Fernsehduell zwischen Angela Merkel und Frank-Walter Steinmeier. (Bundestagswahlkampf 2009). Moderation: Maybrit Illner, Peter Kloeppe, Peter Limbourg, Frank Plasberg. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iP19D1vAPZE> (дата обращения: 08.07. 2017).
9. Das Fernsehduell zwischen Angela Merkel und Peer Steinbrück. (Bundestagswahlkampf 2013). Moderation: Maybrit Illner, Peter Kloeppe, Anne Will, Stefan Raab. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FYX-xBS6lOVc&t=683s> (дата обращения: 08.07. 2017).

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ СМЫСЛОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕДЕБАТАХ

Барков Е.А.¹, Егорченкова Н.Б.², Петрова А.А.³

¹ORCID: 0000-0003-0916-4194, ²ORCID: 0000-0001-7418-5720,
³ORCID: 0000-0003-4322-1324, Волгоградский государственный
университет, г. Волгоград, Российская Федерация

В статье рассматривается специфика экспликации в политических теледебатах метакоммуникативных смыслов мультимодальными средствами. Особое внимание уделяется функциональному назначению метакоммуникативных компонентов в ситуациях коммуникативной неудачи. Утверждается, что средства различных сенсорных модальностей в процессе экспликации метасмыслов выполняют регуляторно-защитную функцию, управляя динамикой интеракции с целью обеспечения успешного речевого взаимодействия.

Ключевые слова: мультимодальная интеракция; модальные уровни; политические теледебаты; метакоммуникативные конструкции; метакоммуникативные смыслы; вербальные дейктические средства; дейктические иллюстративные жесты-знаки.

MULTIMODAL MEANS OF METACOMMUNICATIVE SENSE EXPLICATION IN POLITICAL TV DEBATES

Barkov E.A.¹, Egorchenkova N.B.², Petrova A.A.³

¹ORCID: 0000-0003-0916-4194, ²ORCID: 0000-0001-7418-5720,
³ORCID: 0000-0003-4322-1324, Volgograd State University,
Volgograd, Russian Federation

The article deals with specifics of metacommunicative sense explication in political TV debates with multimodal means. Special attention is

paid to functional intention of metacommunicative components in situations of communicative failure. The author argues that means of different sensor modalities in the process of meta-sense explication fulfill the regulatory and protective function managing dynamics of interaction to ensure successful speech interaction.

Keywords: *multimodal interaction; modal levels; political TV debates; metacommunicative constructions; metacommunicative senses; verbal deictic means; deictic illustrative gesture signs.*

Языковые средства и общие принципы лингвистического анализа политической коммуникации часто оказываются в центре пристального внимания лингвистов. Однако анализ процесса интеракции такого зрелищного экранного жанра медиа-политического дискурса, как предвыборные теледебаты, не может быть исчерпывающим без учета коммуникативной релевантности других неязыковых модальных уровней, поскольку вместе с восприятием звучащей речи телевидение дает возможность наблюдать коммуникативно значимые мимику, жесты, позу политиков и т.п. Только такой синтез разных сенсорных модальностей, участвующих в создании единого коммуникативного смысла и направляющих его декодирование, создает целостное впечатление от воспринимаемой информации у адресата [5]. Сказанное является веским основанием рассматривать интерактивный процесс в политических теледебатах как «мультимодальное событие» [6, с. 32].

Анализ видеофрагментов последних телевизионных дебатов между действующим канцлером Германии Ангелой Меркель и кандидатом на этот пост Пеером Штайнбрюком от 1 сентября 2013 года [7] показал, что благодаря единому визуальному пространству политики наряду с различными языковыми средствами активно используют видимые невербальные сигналы в качестве метакоммуникативных компонентов, эксплицирующих так называемые метасмыслы, которые являются неотъемлемой частью любой интеракции наряду с основным информационным содержанием. «Во-первых, это компонент, заключающий в себе указание на акт говорения, а во-вторых,

компонент 'коммуникативного намерения', соответствующий правилу ясности Г. Грайса. В стандартных ситуациях эти смыслы выражаются имплицитно, поскольку акт речи бессмысленно предварять эксплицитным модусом *я говорю*, потому что и без того ясно, что говорящий говорит» [1, с. 120]. Экспликация требуется лишь в тех случаях, когда общение отклоняется от стандарта, например, в ситуации коммуникативной неудачи, когда собеседник не воспринял слова говорящего, не оценил их важность, а, может быть, просто не расслышал. Причиной сбоя в общении может быть и адресат, и сам говорящий, и внешние условия ситуации [1, с. 121].

Метакоммуникация вообще, как утверждал Макаров, – «это часть общения, которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: стратегическую динамику дискурса, структуру обменов и трансакций – фаз интеракции, меню коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [4, с. 127]. Иными словами, метакоммуникативные компоненты осуществляют регулирование процесса обмена смыслами.

Стоит отметить, что метакоммуникация издавна является излюбленной темой исследования; так, изучались разные ее аспекты, от функций и роли метакоммуникативных актов в диалоге (Т.Н. Скот) до статуса категории метакоммуникации (М.А. Бабушкина, Д.Г. Трунов, Е.П. Захарова, М.А. Суконкина), функциональных характеристик метакоммуникативных речевых действий (Е.М. Воробьева) и метакоммуникативных индексов в дискурсе интернет-комментариев (А.В. Романтовский). Подчеркнем, что во всех случаях рассматривались тексты, видеоподборки не проводилось.

Итак, объектом нашего исследования выступает феномен метакоммуникации как обязательного вида человеческого общения; предметом же изучения является экспликация метакоммуникативных смыслов различными модальными уровнями в процессе политических теледебатов: вербальными, воплощающимися в мета-

коммуникативных речевых действиях, и невербальными - кинесическими и аудиовизуальными.

В качестве фактического документального материала использовалась видеозапись теледебатов кандидатов на пост канцлера Германии между Ангелой Меркель и Пеером Штайнбрюком (от 1 сентября 2013 года) [7].

Для определения репертуара средств мультимодального метакоммуникативного управления в теледебатах и их коммуникативных функций применялись следующие методы и методики исследования: мультимодальный видеоанализ эмпирии, метод реконструкции как основной в мультимодальном подходе к анализу интеракции, гипотетико-дедуктивный метод, методы контекстуального анализа, интерпретативного анализа, дискурсивного анализа речи.

В ходе исследования мы установили, что кандидаты на пост канцлера Германии, находясь в роли «легитимного оратора», используют мультимодальные средства экспликации метасмыслов для взаимодействия с другими участниками теледебатов, для дальнейшей последовательной реализации или корректировки выбранной ими стратегии [2, с. 125].

Благодаря единому визуальному пространству у «легитимного оратора» появляется возможность создания определенной интерактивной структуры, обусловленной координационными действиями относительно других участников теледебатов, например, ведущих или оппонентов, взявших вербальную паузу на время выступления «легитимного оратора». Информация, невербально транслируемая этими участниками теледебатов, служит достаточным основанием для корректировки политически значимого содержания с использованием средств других модальных уровней в стратегических целях [3, с. 110].

Релевантными конфирмативными невербальными знаками в данной ситуации являются различные дейктические иллюстративные жесты: «показывать пальцем, руками, глазами, головой» на одного из собеседников, являющихся источником информации или единомышленником для рефокусирования сказанных ими ранее слов,

реализуя таким образом прием «авторитета личности» [2, с. 130]. Возможным вербальным сопровождением таких регуляторов выступают дейктические местоимения и наречия *er, Sie, das, da, dort*, или имена «авторитетов», а также оценочные слова *richtig gesagt, etwas Richtiges gesagt*. Специфика теледебатов заключается в том, что политик, выступающий в роли «легитимного оратора», обращается к своему оппоненту. Это может быть позитивная оценка действий или слов соперника, но зачастую, обращение связано с тем, что выступающий кандидат хочет опровергнуть слова оппонента, поспорить с ним, а иногда и дискредитировать, чтобы выставить себя в более выгодном свете.

Так, П. Штайнбрюк (рис. 1) использует два модальных уровня: вербальный, он называет своего оппнента (*Frau Merkel*), и невербальный, указывая на нее рукой. Далее (рис. 2), продолжая свою мысль, он лишь указывает на своего оппенета, отказавшись от вербальных дейктических средств.

Das TV-Duell: Merkel - Steinbrück - komplette Sendung | ARD

ABONNIEREN 311.000

Das TV-Duell: Merkel - Steinbrück - komplette Sendung | ARD

ABONNIEREN 311.000

Рис. 1. П. Steinbrück: „Bei Mindestlohn und darauf zurückzukommen, wenn Sie erlauben, ist das, was Frau Merkel, als Lohn oder Grenze will, etwas ganz anderes als ein flickengedeckter gesetzlicher Mindestlohn“

Рис. 2. П. Steinbrück: Das ist ein Flickenteppich von Branchen zu Branchen, von region zu Region...

На данных примерах зафиксированы моменты критики действующего канцлера, проводимой ею политики. П. Штайнбрюк не устанавливает визуальный контакт со своим оппонентом. Однако, как показал анализ, во время парирования визуальное поведение канди-

датов отличается. Для защиты от критики своего оппонента они, как правило, используют три модуса: вербальный, кинесический и зрительный. Например, в следующей ситуации (рис. 3) госпожа Меркель, отвечая на критику П. Штайнбрюка, использует метакоммуникативную конструкцию с глаголом говорения (*Herr Steinbrück eben sprach*), называя при этом своего оппонента по имени, осуществляет кинесический дейктический жест рукой, а также устанавливает зрительный контакт. П. Штайнбрюк смотрит также на А. Меркель (рис. 4), выражая тем самым готовность возразить.

Das TV-Duell: Merkel - Steinbrück - komplette Sendung | ARD

ABONNIEREN 311.000

Рис. 3. А. Меркель: «... und der Flickenteppich, über den Herr Steinbrück eben sprach, dieser Flickens, den kennen wir in der Tariflandschaft für alle Branchen...»

Das TV-Duell: Merkel - Steinbrück - komplette Sendung | ARD

ABONNIEREN 311.000

Рис. 4. А. Меркель: «... das die Verschuldung gewachsen ist, das ist doch klar, dann haben wir gemeinsam, Herr Steinbrück, ...»

Знаковость такого интерактивного поведения заключается в реализации регулятивной функции метакоммуникативных компонентов: выражаемое глазами требование отреагировать на передаваемое сообщение.

Кандидаты на пост канцлера в ходе дебатов обращаются не только друг к другу, но также и к ведущим, олицетворяющим потенциальных избирателей, и используют при этом метакоммуникативные конструкции с глаголами говорения в сочетании с невербальными знаками (рис. 5).

В данном эпизоде главная мысль А. Меркель, лаконично сфокусированная в простом предложении *wir werden einen Weg finden*, предваряется сложным высказыванием, эксплицирующим мета-

коммуникативный смысл «... damit Sie jetzt zufrieden sind, ich sage das noch ein mal». При этом с адресатом устанавливается визуальный контакт и используется дейктический регулятивный жест плюс улыбка. Здесь мы наблюдаем тот самый синтез мультимодальных средств сенсорно-суггестивной аргументации, призванный создать целостное позитивное впечатление от воспринимаемой информации, поскольку А. Меркель обращается в лице ведущих к своему потенциальному избирателю.

Das TV-Duell: Merkel - Steinbrück - komplette Sendung | ARD

ABONNIEREN 311.000

Рис. 5. А. Меркель: «... damit Sie jetzt zufrieden sind, ich sage das noch ein mal, wir werden einen Weg finden ...»

Однако, в ситуациях вербального наложения (*overlap*), когда перебивающие реплики могут привести к смене коммуникативных ролей, мы наблюдаем ранжирование в использовании знаков определенных модальностей. Например, ниже представлена ситуация (рис. 6а и 6б), когда ведущий пытается перебить госпожу Меркель, выступающую в роли «легитимного оратора», с целью задать ей уточняющий вопрос. Мы видим (рис. 6а), что при возникновении вербального наложения, действующий канцлер, стремясь сохранить коммуникативную роль «легитимного оратора», сначала использует невербальные контрсуггестивные средства [3, с. 116]. Мимический жест «закрытые глаза» как прием уклонения, сохранение всех кинесических иллюстративных жестов для

усиления коммуникативного эффекта транслируемой информации являются демонстрацией желания политика договориться. Завершение данного эпизода (рис. 6б) интерпретируется следующим образом: поскольку ведущий не оставляет попыток перебить, А. Меркель использует уже вербальный уровень и напрямую просит дать ей возможность договориться (*Darf ich zu Ende reden?*). При этом устанавливается визуальный контакт, выполняющий регулятивную функцию требования.

Das TV-Duell: Merkel - Steinbrück - komplette Sendung | ARD

ABONNIEREN 312.000

Das TV-Duell: Merkel - Steinbrück - komplette Sendung | ARD

ABONNIEREN 311.000

Рис. 6а. А. Меркель: «... durch die schwerste Krise zu kommen, dann hatten wir große, dann haben wir große [overlap]...»

Рис. 6б. А. Меркель: «Darf ich zu Ende reden? ...»

В данной ситуации каждый модальный уровень имеет свою знаковую функцию: невербальный – как вежливое сопротивление воздействию и вербальный – как категоричное требование.

Таким образом, анализ мультимодальной интеракции в политических теледебатах показал, что средства различных сенсорных модальностей, участвующие в процессе экспликации метасмыслов, моделируют воспринимаемые смыслы и поведение адресата, а также, выполняя регуляторно-защитную функцию, управляют динамикой интеракции с целью обеспечения успешного речевого взаимодействия.

В связи с этим считаем дальнейшее исследование специфики функционирования метакоммуникативных компонентов, реализуемых мультимодальными средствами в интерактивной деятельности политиков, актуальным и научно перспективным.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Ю.Д. Апресян. Избранные труды, том II. Интегральное описание и системная лексикография. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995. 767 с.
2. Егорченкова Н.Б. Стратегический потенциал мультимодальной интеракции в медиа-политическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). С. 24–37.
3. Егорченкова Н.Б., Шамне Н.Л. Координативные ресурсы мультимодальной интеракции в политическом ток-шоу // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, Волгоград, 2016. №1(30). С. 107–118.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. Петрова А.А., Егорченкова Н.Б., Шамне Н.Л. Мультимодальное взаимодействие в интерактивном пространстве медиа-политического дискурса. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2016. 144 с.
6. Schmitt R. Bericht über das 1. Arbeitstreffen «Multimodale Kommunikation» / Schmitt R. // Sprachreport. 2004. Vol. 1. S. 31–34.
7. Das Fernsehduell zwischen Angela Merkel und Peer Steinbrück. (Bundestagswahlkampf 2013). Moderation: Maybrit Illner, Peter Kloeppel, Anne Will, Stefan Raab. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FYXxBS-6lOVc&t=683s> (дата обращения: 02.08. 2017).

К ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМА ШИЛАН

Беленов Н.В.

0000-0002-4415-5966 Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

В статье рассматривается происхождение гидронима Шилан в Самарском Поволжье. На основании полевых исследований автора, критически анализируются существующие гипотезы, а также выдвигается собственная версия этимологии гидронима.

***Ключевые слова:** топонимия; гидронимия; Шилан; полевые исследования; этимология; Самарское Поволжье; языкознание.*

FOR THE ETYMOLOGY OF THE HYDRONYM SHILAN

Belenov N.V.

0000-0002-4415-5966 Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

The article discusses the origin of the hydronym Shilan in Samara the Volga region. Based on field research the author critically analyzes the existing hypothesis, and also put forward its own version of the etymology of the hydronym.

***Keywords:** toponymy; hydronyms; Shilan; field studies; etymology; Samara Volga region; linguistics.*

Гидроним «Шилан» относится к небольшой реке в Самарской области, левому притоку реки Хорошенькой. На реке находится одноимённое село. В разговорной речи местные жители часто употребляют формы «Шиланка» или «Шиланский ключ».

Специальные исследования данного названия не проводились. Имеется несколько «народных этимологий», связывающих топоним

либо с русским «шило» (якобы, по форме горы с одного из ракурсов); либо с мордовским «ши/чи» – «солнце». Данные версии можно было бы рассматривать, если бы удалось установить, что ойконим первичен по отношению к гидрониму, однако, полевые исследования автора показали, что местные жители однозначно считают, что первичен гидроним. Таким образом, для этимологий от слов «шило» или «солнце» налицо семантическое несоответствие: при первичной номинации гидрообъекты так не именуется.

Местные жительницы О. Корнева и Е. Пьянзина, исследуя вопрос о происхождении названия родного села, справедливо отмечают, что все бытующие в Шилане этимологии можно отнести к разряду «народной топонимики». Само же слово «шилан», по их мнению – не мордовское и принадлежит «какому-то древнему народу» [1, с. 3].

Согласно нашим полевым исследованиям, часть жителей Шилана полагает, что название всё же мордовское, однако, значение его неизвестно.

До экспедиции в село, нами рассматривалась также версия чувашской принадлежности данного названия. Дело в том, что в чувашском языке слово «шăлан» означает «шиповник; дикая роза; терновник». В Самарском Поволжье имеется также гидронимическая параллель с данной основой и достоверно чувашским происхождением «Шланвар» – что, в контексте современной географической терминологии самарских чувашей, можно перевести как «Шиповников Ручей» либо «Терновая Балка». Компактного проживания чувашей в данной местности до прихода сюда мордвы в середине XIX века источниками не зафиксировано, но в случае семантического соответствия данной этимологии, её можно было бы рассматривать в качестве одной из вероятных. Однако, в ходе лично проведённых исследований, нами было установлено, что шиповник не произрастает ни по берегам реки Шиланки, ни в Шиланском лесу.

Таким образом, мордовская и чувашская версии могут быть признаны несостоятельными, в свете чего требуются иные этимологические решения.

Опираясь на вышесказанное, считаем перспективными, в контексте представительного пласта в бассейнах Сока и Кондурчи гидронимии «балтского типа», попытки этимологии гидронима Шилан с привлечением балтского языкового материала. Такой выбор обусловлен как общим гидронимическим фоном прилегающей территории, так и тем, что, по мнению ведущего исследователя в данной области В.Н. Топорова, именно балтские языки в наибольшей степени сохранили близость к архаичным индоевропейским диалектам [2, с. 33].

В качестве рабочей гипотезы можно предложить литовское «шилас», латышское «silš» со значением «бор; лес». Окрестности села Шилан и в настоящее время покрыты сравнительно густым лесом (массив «Шиланский лес») – учитывая тенденцию последних веков, можно предполагать, что в прошлом ландшафт местности ещё более семантически соответствовал данному названию.

Кроме того, интерес представляют также топонимические параллели на территории стран Балтии – так, известны ойконимы типа Шиленай, распространённые в Литве (литовское – «Šilėnai»). Показательно, что в русской передаче название литовского села звучит как «Шиланы».

Если наша гипотеза верна, то гидроним Шилан можно перевести на русский язык как «река Боровка», что также имеет параллели как в финно-угорской, так и в русской гидронимии Самарского Поволжья.

Список литературы

1. Корнева О., Пьянзина Е. Очерки по истории села Шилан. Самара, 2001. 17 с.
2. Топоров В.Н. Балтийские языки // Языки мира. Балтийские языки. М., 2006. 221 с.

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
ШЕКСПИРИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ
ТРАГЕДИИ «ОТЕЛЛО» С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ И ОСЕТИНСКИЙ)**

Бизикоева Л.С.

Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова. г. Владикавказ, Республика Северная
Осетия-Алания, Российская Федерация

Статья посвящена проблемам перевода фразеологизмов-шекспиризмов. На примере перевода трагедии «Отелло» на русский язык и осетинский языки анализируются трудности перевода фразеологических единиц, в общем, и фразеологизмов-шекспиризмов, в частности. Делается вывод, что перевод фразеологических единиц не сводится к автоматической подстановке эквивалентов, существующих в языке перевода в готовом виде. Это сложный процесс, требующий использования самого широкого спектра переводческих стратегий и тактик.

Ключевые слова: фразеология; фразеологическая единица; фразеологизмы-шекспиризмы; приемы перевода; переводческие трансформации; адекватный перевод.

**PECULIARITIES OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL
UNITS CREATED BY W. SHAKESPEARE
(BASED ON THE TRANSLATION OF “OTHELLO”
INTO THE RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES)**

Bizikoeva L.S.

North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania, Russian Federation

The article deals with the problem of translation of phraseological units created by W. Shakespeare. Difficulties arising in the process of translation are analyzed. The analysis was based on the translation of

the tragedy “Othello” into the Russian and Ossetian languages. The analysis revealed that translating phraseological units in general and phraseological units created by W. Shakespeare in particular translators do not always employ phraseological equivalents, existing in the language of translation. It is a tough process which requires a wide range of strategies a translator has in his disposal.

Keywords: *phraseology; phraseological unit; phraseological units created by W. Shakespeare; means of translation; translation transformations; adequate translation.*

Фразеологизмы – одна из языковых универсалий, поскольку не существует языков без фразеологизмов. Говоря об английской фразеологии, можно утверждать, что это сложный конгломерат фразеологических единиц с многовековой историей. Английский фразеологический фонд богат как исконными, так и заимствованными фразеологизмами с явным преобладанием первых. Объектом нашего исследования явились фразеологизмы-шекспиризмы и особенности их перевода на разноструктурные языки.

Под фразеологизмами-шекспиризмами мы понимаем фразеологические единицы, вошедшие в состав английского фразеологического фонда в виде преобразованных в процессе речи цитат из произведений У. Шекспира.

Перевод фразеологических единиц – одна из наиболее сложных задач в практике перевода, поскольку фразеологические единицы относятся к «непереводимому в переводе». При переводе фразеологической единицы необходимо передать не только её смысл, но и её стилистическую окраску, которая, зачастую, зависит от контекста и не может быть предусмотрена ни одним словарём.

Основные способы перевода фразеологизмов – фразеологический и нефразеологический – были предложены болгарскими исследователями перевода С. Влаховым и С. Флорином, считавшими, что «фразеологизмы переводятся либо соответствующим фразеологизмом в языке перевода, то есть применяется фразеологический перевод, либо, при отсутствии таковых, используются иные

средства, и это уже нефразеологический перевод ФЕ» [1, с. 183]. Некоторые лингвисты (Дмитриева Л.Ф., Кунцевич С.Е, Мартинкевич Е.А., Смирнова Н.Ф., Федуленкова Т.Н. , и другие) выделяют четыре способа перевода: фразеологические эквиваленты, аналоги, калькирование, описательный перевод [2, с. 62]. Однако, как показывает практика, почти всегда этих способов бывает недостаточно для адекватного перевода, поэтому переводчикам приходится прибегать к различным переводческим трансформациям.

Обратимся к анализу примеров.

Одним из самых известных фразеологизмов-шекспиризмов является фразеологизм *the green-eyed monster*. Чудовищем с зелёными глазами назвал Шекспир одно из самых мучительных человеческих чувств – ревность.

IAGO

O, beware, my lord, of jealousy;
It is *the green-eyed monster* which doth mock
The meat it feeds on;
(*W. Shakespeare, "Othello", act III, sc. 3*)

ЯГО

Берегитесь ревности, синьор.

То – *чудовище с зелёными глазами*, глумящееся над своей добычей...
(перевод М.Л. Лозинского) [3, с. 433]

Именно в таком переводе фразеологизм зафиксирован в англо-русском фразеологическом словаре А.В. Кунина. В переводе Б. Пастернака ревность представляется «*зеленоглазой ведьмой*», которая «*смеется над своей добычей*».

ЯГО

Ревности остерегайтесь,
Зеленоглазой ведьмы, генерал,
Которая смеется над добычей. [5, с. 567]

Выбор переводчика можно объяснить тем, что в русском языке, в отличие от английского, есть категория рода – читателю сразу представляется знакомая картина – ведьма с её ехидной улыбкой. Несмотря на лексическую замену, Б. Пастернаку удалось сохранить

как стилистическую, так и эмоциональную составляющую фразеологизма, обеспечив переводу достаточно высокую степень эквивалентности.

Но если в русском переводе трансформации происходят на уровне замены лексики, то в осетинском переводе мы можем наблюдать их и на грамматическом уровне.

ЯГО

Цъæх хъоннаг цæст дызæрдыг дзинад, калмау,

Æууилы зæрдæ, худы уый кæл-кæлæй

Йæ амæттагыл

(бук. Зеленоглазое сомнение, как змея, жуёт сердце и громко смеётся голос над своей жертвой) [6, с. 40]

Во-первых, автор осетинского перевода Г. Плиев полностью изменил синтаксическую структуру предложения, что, как видно из буквального перевода, привело к деформации фразеологизма. В переводе Г. Плиева оригинальное *the green-eyed monster* – метафоричный образ ревности – трансформируется в *цъæх хъоннаг цæст дызæрдыг дзинад* (бук. *зеленоглазое сомнение*). Во-вторых, несомненным искажением оригинала является замена слова *jealousy* на *дызæрдыг дзинад*, которое буквально переводится как «сомнение», «нерешительность». Возникает вопрос, зачем использовать такие сложные трансформации, если их легко можно избежать; в осетинском языке есть прямой эквивалент слову «ревность» – *зæрдæхсайд* или *зæрдæхсайын дзинад*. Это слово вполне вписывается в контекст, не нарушая ни его целостности, ни звучания. Полагаем, что перевод был бы более адекватным в следующем виде:

Зæрдæхсайын дзинад у цъæх хъоннаг цæст калм,

Кæцы æууилы зæрдæ æмæ худы кæл-кæлæй

Йæ амæттагыл (наш перевод)

(бук. Ревность – *зеленоглазая змея*, которая пожирает сердце и громко смеётся над своей жертвой)

Считаем, однако, вполне оправданной замену *monster* на *калм* (букв. *змея*). Во многих культурах, в том числе и осетинской, змея является символом зла, искушения, обмана.

Рассмотрим, как переводчики справляются с переводом фразеологизма *to chronicle small beer*. Яго и Дездемона затеяли спор о женщинах. Дездемона попросила Яго описать, какой, на его взгляд, должна быть идеальная женщина. Яго ответил ей, но в конце своей речи сказал, что такая женщина годится только для того, чтобы:

ЯГО

To suckle fools and *chronicle small beer*. (*W. Shakespeare, "Othello", act II, sc. 1*)

Сошлёмся на конкретное толкование фразеологизма, которое мы находим в англо-русском фразеологическом словаре А.В. Кунина. Шекспиризм *chronicle small beer* зафиксирован со значением «заниматься пустяками, незначительными делами» [3, с. 582].

Б. Пастернак предлагает нам следующий перевод:

ЯГО

Рожать глупцов, *в заботах погрязая*. [5, с. 537]

Как видно перевод Б. Пастернака не совсем точен, однако ему удаётся точно передать смысл высказывания – между строк читается пренебрежительное отношение Яго к женщинам.

Г. Плиев предлагает читателю дословный перевод и не ошибается в своём выборе:

ЯГО

Сәрхәәнтә арынәән әмә, *хәдзары цал багәһыйы кәусы бахардзис, уыдон фыссынәән*. [6, с. 38]

(бук. Рожать дураков и записывать сколько кружек пива выпито в доме)

Во-первых, смысл фразеологизма передан абсолютно точно, поскольку записывать, сколько чаш пива испито в доме – дело бесполезное и бессмысленное. Во-вторых, пиво для осетин не просто напиток, а традиционная часть национальной кухни. Выражение подверглось лингвокультурной адаптации, благодаря которой осетинский читатель воспринимает текст как «свой».

Фразеологизмом также считается выражение *ocular proof* – зримое, наглядное доказательство. Яго отравляет уши Отелло своими подозрениями в неверности Дездемоны. Измученный ревностью

мавр не может поверить в измену любимой жены, но уже не в силах избавиться от подозрений. Он требует от Яго доказательств своего бесчестия и угрожает ему страшной расплатой за клевету.

Othello

Villain, be sure thou prove my love a whore,

Be sure of it; give me the *ocular proof*. (*W. Shakespeare, "Othello", act III, sc. 3*)

Как многие фразеологизмы-шекспиризмы, *give the ocular proof* не имеет прямого эквивалента в русском языке. При переводе подобных фразеологизмов переводчики, чаще всего, используют такие приёмы как калькирование, описательный, лексический и контекстуальный переводы. В своём переводе Б. Пастернак использовал лексический перевод, эксплицировав семантическую адекватность оригинала:

Отелло

Мерзавец, помни:

Ее позор ты должен *доказать*! [5, с. 566]

Тот же прием использует и Г. Плиев:

Отелло

Æлгъаг, æнаккаг, ды

Мае усы хæлд ми *сбæлвырд кæнай хъуамæ*. [6, с. 65]

(бук. Негодяй, ты должен *доказать* позор моей жены)

Нам, все же, кажется, что обоим переводчикам следовало делать больший акцент не лексему *proof*, а на *ocular*, поскольку Отелло требует именно «зримых» доказательств.

Ограниченные рамками статьи, не позволили нам подвергнуть анализу все фразеологизмы трагедии «Отелло», но проведённый краткий анализ показал, что перевод фразеологизмом-шекспиризм – работа невероятно трудная, поскольку невозможно сохранить фразеологизм в оригинальном виде. Сложная шекспировская идиоматика не находит своего отражения в переводе ни на русский, ни на осетинский языки. Культурологическая специфика почти всегда приводит к семантической недостаточности, а иногда и к деформации текста оригинала. Однако добиться адекватности при перево-

де фразеологизмов-шекспиризмов все же возможно. Для этого переводчику необходимо подобрать такой приём перевода, который позволит ему наиболее точно передать всю эмоциональную образность фразеологизма и сохранить его структуру.

Список литературы

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе: Издательство «Международные отношения» М.: 1980. 416 с.
2. Дмитриева Л.Ф., Кунцевич С.Е, Мартинкевич Е.А., Смирнова Н.Ф. Английский язык. Курс перевода. Книга для студентов Ростов-на-Дону, 2005. 304 с.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: «Русский язык», 1984. 944 с.
4. Шекспир У. Отелло / Othello. The Moor of Venice. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1950. 156 с.
5. Шекспир У. Трагедии. Пер. с англ. Б. Пастернака. М.: РИПОЛ, 1993. 928 с.
6. Шекспир У. Уацымыстаѣ / Плиты Г. Тѣлмац. Орджоникидзе: Ир, 1980. 528 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ В РАМКАХ СИТУАЦИЙ МЕНТАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Генералова Л.М.¹, Ребрина Л.Н.²

¹ORCID: 0000-0003-0807-391X, ²ORCID: 0000-0003-0512-980X,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград,
Российская Федерация

Статья посвящается исследованию семантических ролей, реализующих семантико-синтаксические отношения в рамках ситуаций ментального действия. На основании анализа последних достижений когнитивной лингвистики, а также привлечения основных положений глубинного семантического синтаксиса обосновывается концептуальный характер семантических падежей и их абстрагированность от онтологии объекта. Показано, что специфика сигнификативной интерпретации каждой падежной формы в рамках одного семантического предиката обусловлена особенностями взаимодействия процессов категоризации и концептуализации окружающей действительности. Описаны характерные особенности парадигмы средств выражения семантических ролей, задаваемых предикатом действия. Установлено, что возможности сигнификативного осмысления семантических ролей определяются фактором семантической перспективы и классифицирующими онтологическими признаками.

Ключевые слова: *семантический падеж; падежная парадигма; концептуализация; категоризация; сигнификативная интерпретация; семантическая перспектива; интеллектуальная сфера.*

IMPLEMENTATION OF SEMANTICAL ROLES IN THE FRAMEWORK OF SITUATIONS OF MENTAL ACTION

Generalova L.M.¹, Rebrina L.N.²

¹ORCID: 0000-0003-0807-391X, ²ORCID: 0000-0003-0512-980X,
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

The article is devoted to a detailed study of the semantic roles which realize semantic-syntactic relations within the situations of mental ac-

tion. We ground the conceptual character of the semantic cases and their abstractness from the ontology of the object from the perspective of the latest achievements of cognitive linguistics, as well as of the basic theories of the deep semantic syntax. The authors come to the conclusion that the specificity of the significative interpretation of each case form as part of the same semantic predicate depends on the peculiarities of interaction between the processes of categorization and the conceptualization of the surrounding reality. The characteristic features of the paradigm of actualization means of the semantic roles, which are defined by the action predicate, are singled out and described. Based on the research findings, the authors try to apply limits of the determinateness of the case category by a system of conceptual structures and ontology of the world. It was in the studies of semantic roles as conceptual categories revealing, that the possibilities of their significative comprehension are determined by the factor of the semantic perspective and the characteristic ontological features.

Keywords: *semantic case; case paradigm; conceptualization; categorization; significative interpretation; semantic perspective; intellectual arena.*

Выход лингвистики в область когнитивной психологии сделал возможным активно разрабатываемый в последние десятилетия новый подход к изучению языка, связанный, в первую очередь, с решением следующих вопросов: как организовано наше знание об окружающей действительности, какие ментальные структуры представляют это знание и как они актуализируются в конкретных денотативных ситуациях. Осмысление тесной взаимосвязи языка и мышления с позиций современной когнитивной лингвистики привело к отказу от понимания данной взаимосвязи как однонаправленной зависимости: с одной стороны, язык, будучи основным средством выражения мысли, отражает познание [1, с. 41], с другой стороны, человек воспринимает, категоризует и концептуализирует окружающую действительность средствами языка. Исследуя процесс познания, следует различать «три мира» мыслительных процессов, то

есть, помимо реальной действительности, проектируемую действительность, формируемую в голове человека в процессе осваивания им мира, и лингвистическую действительность, тесно связанную с языковым представлением мира человеком. Эта идея лежит в основе функционирования фундаментальных процессов обработки информации – категоризации и концептуализации [1; 2 и др.]. Оба эти процесса происходят в человеческом сознании, но их результаты различны.

Цель работы заключается в изучении закономерностей реализации предиката действия как рассудочной категории концептуального плана, отражающей семантико-синтаксические отношения концептуального характера, при оязыковлении конкретной ментальной онтологической сферы; в описании типичной для данных ситуаций системы семитических ролей и парадигмы средств выражения семантических падежей, факторов детерминирующих падежную категорию. Актуальность исследования определяется возможностью изучения на примере падежной системы универсальных концептуальных категорий, определения их статуса и влияния на формирование языковых категорий; необходимостью установления границ участия онтологических факторов в становлении языкового сознания.

В своей работе мы исходим из того, что процесс категоризации представляет собой начальный этап познавательной деятельности мышления, результатом которой являются предметно-понятийные категории, выражающие онтологические характеристики классов объектов, а единицами этого процесса – сцены, как классы ситуаций с однородными онтологическими свойствами. Концептуализация относится к сфере рассудка и с онтологией мира не имеет ничего общего. Это своего рода ментальное моделирование отдельной конкретной ситуации [3, с. 161], представляющее собой репрезентацию фрагмента действительности на ментальном уровне [3, с. 133]. При этом происходит совмещение определенной фреймовой структуры с предварительно выработанными довербальными представлениями о каком-либо предмете или

события окружающей действительности. Единицы данного процесса – универсальные концептуальные категории (фреймовые структуры). На значимость глубинных категорий в познании мира указывал еще И. Кант, отмечая, что мир сам по себе беспорядочен, хаотичен, а упорядоченным и закономерным его делает человеческий рассудок с априорно присущими ему категориями [4, 313–501]. Специфика концептуализации заключается в ее полной отвлеченности от отнесенности объектов к конкретным классам. При этом не представляется возможной четкая фиксация объекта за одной конкретной категорией, поскольку он в рамках одного онтологического класса может мыслиться по-разному (как Агенс, Пациент, Инструмент и т.д.). Данная закономерность присуща не только семантическим ролям, но и семантическим предикатам. Результатом взаимодействия фундаментальных процессов – категоризации и концептуализации – является языковое сознание, объективирующее своеобразие и типологию естественных языков. Данный тезис означает, что выбор из общего множества концептуальных категорий специфично-актуального набора фреймовых структур позволяет своеобразно (альтернативно) воспринимать категоризованную действительность, что обуславливает специфику сигнификативной интерпретации задействованных фреймовых структур на уровне конкретного языка, а именно, семантическое прочтение одного и того же семантико-синтаксического отношения и лексико-грамматические средства его представления в языке. Именно поэтому сигнификативное прочтение фреймовой структуры является основополагающим объектом семантики любого языка, поскольку сигнификативная интерпретация представляет собой описание отдельного «кадра» внеязыковой реальности. Любое событие как наименование целой ситуации получает отражение в серии определенных фреймовых структур с тем или иным типом семантического предиката. При этом одно событие допускает разную концептуализацию и может мыслиться по-разному. Его разная интерпретация будет определяться такими значимыми составляющими концептуализации как целевая установка и

выбранная семантическая перспектива говорящего [5]. При этом каждая ситуация внеязыковой действительности имеет множество участников, которые не поддаются какому-либо ограничению. Семантическая характеристика любой ситуации будет устанавливаться в зависимости от целевой установки говорящего, выбора точки зрения на описываемую ситуацию [6, 7]. Тот факт, что членение мира основывается на определенных типах ситуаций, обуславливает возможность языкового описания одной и той же ситуации посредством различных синтаксических конструкций. Так, ситуация «субъект действия + действие + объект действия» может получить языковое представление с использованием активных или пассивных конструкций. Различная концептуализация исходного события объясняется особенностями функционирования конкретного языка и продиктована характером вербализуемой ситуации, а также принадлежностью вербализуемой сцены к определенной сфере жизнедеятельности человека. Для сигнификативной интерпретации денотативной ситуации конкретной сферы жизнедеятельности релевантен определенный значимый онтологический признак, фиксируемый языковым сознанием носителей языка. Другими онтологическими факторами, оказывающими влияние на сигнификативную интерпретацию семантического предиката, являются онтологические признаки, детерминирующие грамматическое оформление семантической функции объекта. Каждый семантический предикат предполагает собственную парадигму языковых средств, используемых для его интерпретации.

Проиллюстрируем вышеописанные рассуждения на примере предиката действия в интеллектуальной сфере, являющейся важным условием формирования личности и характеризующейся как разными видами и стилями мышления, так и всевозможными познавательными процессами и умениями, охватывающей множество ситуаций внеязыковой действительности, сопряженных с пониманием законов природы и общественной жизни, естественно-социального мира и духовной жизни. Под предикатом действия мы подразумеваем динамический предикат, участвующий в моделировании си-

туации, которая предполагает изменение во времени и постоянный источник энергии для своего поддержания, функцию которого выполняет агентивный субъект. Предикат действия предусматривает точную локализацию на оси времени, длительность и возможность пофазного существования, описывает актуальную, способную повторяться ситуацию. В рамках ситуации, означаемой нами как действие, вычленяются семантические роли Агенса, Объектива, Результатива, Адресата, Инструмента, Реципиента, Делибератива и Медиатива. Что касается ситуаций интеллектуальной сферы, то в качестве прототипических ролей здесь будут выступать Агенса, Делибератив, Объектив.

I. АГЕНС – участник ситуации, мыслимый как производитель непосредственного воздействия на объект, использующий собственную энергию для осуществления этого воздействия и вызывающий изменение характеристик объекта. Агенса воздействует с определенной целью (или без цели) на других участников ситуации, соответствующих аргументам предикативной конструкции, используя при этом всевозможные вспомогательные средства. В качестве Агенса могут выступать как лица, так и отдельные предметы, события (которые осмысливаются в определенных денотативных ситуациях как производители непреднамеренного воздействия). Агенса инициирует мыслительное действие, при этом логический субъект высказывания выражен всегда в номинативе.

A. В приводимом ниже контексте описывается ситуация, в которой в качестве агентивного субъекта выступают разные группы людей, выполняющие определенные действия, чтобы сохранить свои воспоминания, свою память о прошлом. Глагол *pflegen* имеет значение «für jmdn., etw. sorgen, jmdn., etw. mit liebevoller Fürsorge umgeben; etw. so halten, dass es sauber und ansprechend aussieht» (2). Данная ситуация предполагает, что некто затрачивает усилия, энергию (заботится, охраняет, бережет, ухаживает), в результате чего объект (память, воспоминания) сохраняются в должном порядке. Действие характеризуется определенными временными параметрами (продолжительность, пофазное существова-

ние): *Vertriebene, Kriegsgefangene, Frauen, Ost- und Westdeutsche, Überlebende der Verfolgung, aber auch unterschiedliche Generationen pflegen unterschiedliche und konkurrierende Erinnerungen, die sich zwar überschneiden, aber kaum zu einer einheitlichen Nationalerinnerung addieren lassen* (1, 30.09.2002). В следующем примере в качестве Агенса также выступают лица – те, кто вспоминают свои школьные годы и обменивающиеся воспоминаниями (глагол *austauschen* означает «sich wechselseitig jmdn., etw. schicken, übergeben») (2)). Ситуация мыслится как динамическая и длительная: *Sie tauschen Erinnerungen aus und lassen die letzten Schuljahre Revue passieren ...* (1, 21.04.2005).

В. В отличие от предыдущих примеров в представленной далее ситуации агентивный субъект – не какое-либо лицо, а финансовый институт, организующий работу рынка ценных бумаг, являющийся в данном случае является инициатором и исполнителем действия. Действие точно локализовано на оси времени, направлено на изменение объекта (воспоминания вычеркиваются, стряхиваются, уничтожаются): *Die deutschen Aktienbörsen haben am Montag die schlimmen Erinnerungen an den Crash vor zehn Jahren abgeschüttelt* (1, 21.10.1997).

С. В анализируемом ниже примере семантическая роль Агенса актуализируется участником ситуации, в качестве которого выступает целый ряд событий и обстоятельств, определивших линию общественного развития в Германии и представляющих собой источник, побуждающую силу (вытеснение воспоминаний, инициация забывания). Ситуация мыслится как продолжительная и обнаруживающая разные фазы и конечный результат (уничтожение воспоминаний – см. значение глагола *auslöschen*: «etw. zum Verlöschen bringen; etw. zum Vergehen bringen, beseitigen, tilgen») (2)): *Der populistische Nationalismus der Wilhelminischen Ära, die chauvinistische Hybris im Ersten Weltkrieg, die wirklichkeitsflüchtige Sehnsucht nach «nationaler Wiedergeburt» in der Weimarer Republik, schließlich der rassistische Weltmachtswahn des Nationalsozialismus – diese in Terror und Massenmord führende Entwicklungslinie hatte die Erinnerung an die*

demokratisch-liberalen Anfänge der deutschen Nationalstaatshoffnungen fast völlig ausgelöscht (3, 08.03.1991).

D. В функции Агенса может мыслиться и любое эмоциогенное обстоятельство (характерно для использования таких глаголов как *ängstigen, aufrütteln, bedrängen, beunruhigen, erfüllen, überraschen, verwischen* и др.). В следующем контексте с глаголом *verwischen* («über etw. wischen, sodass die Umrisse verschwommen, unscharf werden; beseitigen, tilgen» (2)) агентивный субъект – выдвинутое требование, призыв, ставший мощным психологическим фактором и вызвавший соответствующие изменения: *Der Ruf nach Normalität auf Seiten der Literaten, Politiker und der so genannten anständigen Menschen habe die Erinnerung der gegenwärtigen Generation verwischt* (1, 07.05.2002).

II. Вторым по значимости аргументом предиката мыслительного действия является ДЕЛИБЕРАТИВ. Категории Делибератива традиционно приписывают валентность «тема мысли», характеризующую содержание мышления.

A. Частотным способом выражения Делибератива является конструкция *an Akk*. Использование данной предложно-падежной формы с глаголами *denken* (*denken* «sich an jmdn., etw. erinnern, jmds., einer Sache gedenken; etw., jmdn. in den Mittelpunkt seines Strebens stellen» (2)), *erinnern* (*erinnern* «jmdm. etw. ins Gedächtnis zurückrufen, jmdn. mahnen, etw. nicht zu vergessen» (2)) означает обращенность Агенса к некоторому объекту (часто, в прошлом), олицетворяющему собой «тему мысли», на которую нацелен фокус ментальной активности субъекта: 1) *Ich denke an meine erste Ankunft in Bagdad zurück, an die Zeit, als ich über einen Monat lang zusammen mit den Irakern in der Hoffnung oder in der Illusion lebte, dass der Krieg vermieden werden könnte* (3, 21.12.2005); 2) *Wir ehren die Opfer dieser Terrorgruppe; und wir erinnern gleichzeitig auch an die Opfer weiterer schrecklicher Taten* (3, 23.02.2012).

B. Еще одной предложно падежной формой реализации Делибератива является конструкция *über Akk*. Ее выбор обуславливается онтологическими характеристиками вербализуемой ситуации

и является типичным при описании ситуаций размышления. Ментальное действие характеризуется длительностью, основательностью и затрачиваемыми усилиями субъекта, направленными на поиск ответа, решения. Объект мыслительной деятельности характеризуется актуальной значимостью для субъекта. Пример такого действия представлен в следующем контексте с глаголом *grübeln* («angestrengt, hartnäckig, oft nutzlos nachdenken» (2)). Усилия геологов, сейсмологов и других специалистов в области географии нацелены на выявление причин наблюдавшихся накануне подземных толчков: *Geologen, Seismologen und andere Erdkundige grübelten über die Ursache der Erdstöße, die am Mittwoch morgen den Süden Sachsen-Anhalts erschütterten* (1, 12.09.1996). Схожую ситуацию описывает приводимый ниже контекст с глаголом *nachdenken* («sich im Stillen über etw. klar zu werden suchen, etw. gründlich überlegen, erwägen» (2)): *Im Umfeld des Bundestrainers hat man angeblich schon fieberhaft über Gegenmaßnahmen nachgedacht* (1, 03.12.2005). Во всех случаях объект сопряжен с актуальными потребностями субъекта, действие мыслится как длительное и предполагающее определенные усилия.

С. Конкурентной, сигнификативно противопоставляемой описанной ранее форме реализации Делибератива является предложно-падежная форма *von Dat.* Значимый признак ситуации, определяющий выбор формы, – степень погружения субъекта в ситуацию ментальной деятельности. Названная предложно-падежная группа предполагает, что субъект «отдается» каким-либо представлениям, а объект его полностью «занимает», действие также характеризуется продолжительностью и усилиями субъекта. Примером описанной актуализации Делибератива является приводимые далее контексты с глаголом *träumen* («sich Wunschvorstellungen, Phantasievorstellungen hingeben» (2)): 1) *Hier träumt er von vergangenen und zukünftigen paradiesischen Zuständen* (1, 30.12.2005); 2) *Die Italiener, die damals in den kalten Bahnhofshallen von der Piazza in Caltanissetta oder Bari träumten, standen bei VW oder bei Daimler am Band* (1, 20.12.2005).

D. Более редкой формой реализации Делибератива при описании метального действия является предположно-падежная форма *auf Akk*, употребления которой предполагает нацеленное направление мысли на какой-то объект в прошлом или будущем, при воспоминании или планировании; длительный, неспешный, спокойный характер действия (*sich besinnen, bedenken auf Akk.* и некоторые др.). В приводимых далее контекстах с глаголом *besinnen* («nachdenken, ruhig überlegen; sich erinnern» (2)) субъекты мысленно оглядываются на свои истоки / на исторические традиции: 1) *Ich besann mich auf meine Wurzeln in einem Badener Heurigenbetrieb ...* (3, 30.01.2008); 2) *Nachdem man im Abgeordnetenhaus saß, besann man sich auf gemeinsame geschichtliche Traditionen* (1, 01.08.2005). В нижеследующих контекстах с глаголом *sinnen* («in Gedanken nach etw. suchen, sich etw. ausdenken, ersinnen; etw. planen, beabsichtigen, planend seine Gedanken auf etwas richten» (2)) ментальное действие обращено к будущему (планирование): 1) *Am Ende fühlt er sich gedemütigt und sinnt auf Rache* (3, 14.07.2005); 2) *Sie tun sich gegen mich zusammen; sie sinnen darauf, mir das Leben zu rauben* (1, 24.03.2000).

III. Следующим аргументом предиката мыслительного действия является ОБЪЕКТИВ. Это пассивный объект, который претерпевает изменение своих характеристик под воздействием Агенса.

A. Поскольку ментальные классы интеллектуальных действий являются ненаблюдаемыми, то большинство высказываний, описывающих интеллектуальные действия, основываются на метафорическом переносе. Основу таких высказываний составляют глаголы, обозначающие физические действия и получающие деривационное значение от интенциональных единиц – имен с ментальным значением – *die Idee, der Gedanke, die Schlußfolgerung, die Erinnerung* [8]. В приводимом ниже примере ситуация ментального действия (ворошить, поминать что-либо) вербализуется посредством уподобления ментальных объектов конкретным предметам (а именно, еде, блюду, которое можно подогреть, подготовив таким образом к употреблению). Глагол *aufwärmen* означает «etw. Erkaltetes erneut

wärmen» (2). Ментальный объект, составляющий центр ментальной активности субъекта, мыслимый как физический, претерпевает изменения (вспоминание остыли – забылись, а теперь «стали снова теплыми» – вернулись, ожили). Действие – осознанное, целенаправленное. Объект ментального действия характеризуется значительной временной удаленностью: 1) *Ich verstehe nicht, warum die CDU diesen alten Streit wieder aufwärmt* (1, 13.03.2000); 2) *Mitten in der größten Krise internationaler Institutionen wärmen Deutschland, Frankreich, Belgien und Luxemburg die alte Idee einer Europäischen Verteidigungsunion auf* (1, 31.03.2003).

Аналогичная концептуальная интеграция физического и ментального имеет место в следующем контексте. Ситуация воспоминания о прошлом и повествовании о нем вербализуется выражением *Vergangenheit aufrollen*. Глагол означает «*etw. Zusammengerolltes öffnen, entfalten*» (2). При этом объект ментального действия также подвергается воздействию и претерпевает изменения (его «разворачивают, раскатывают как нечто свернутое, как рулон»): *Er pfeift auf Chronologie und Linearität, fängt mit dem Ende an und rollt dann die Vergangenheit in Rückblenden auf* (1, 18.01.1996). В контексте с глаголом *löschen* («*bewirken, dass etw. aufhört zu brennen; etw. tilgen, beseitigen*» (2)) объект также интерпретируется как объект воздействия, в результате которого он перестает существовать (его уstraляют, «тушат, гасят»): *Ein geliebter Mann löscht die Erinnerung an alle Vorgänger* (1, 20.06.2005).

В. К этой же группе можно отнести глаголы, которые в своем ведущем значении относятся к полю восприятия – *betrachten, zeigen, erleuchten, vorführen, fixieren*. Например, глагол *fixieren* («*etw. befestigen, festmachen; etw. festlegen, verbindlich bestimmen; jmdn., etw. scharf ansehen, anstarren*» (2)) может употребляться для описания физических действий (что-то где-то закрепить, удерживать) или визуального восприятия (внимательно наблюдать, замечать, примечать), а также при определенных условиях для описания соответствующих ментальных действий (фиксировать мысли на каком-либо объекте, удерживать его в активном поле созна-

ния): *Im Gedanken fixierte ich das Plateau und dachte eigentlich nur daran dahinauf zu kommen* (1, 31.08.2016). Глагол *betrachten* имеет значение «jmdn., etw. eingehend, prüfend ansehen; seine Gedanken, Überlegungen auf einen Gegenstand in besonderer Weise richten; jmdn., etw. als jmdn., etw. ansehen, einschätzen» (2). Данный глагол может использоваться при вербализации ментального действия, когда субъект изучает и оценивает определенный объект: *Um das zu belegen, betrachtet er die Situation an den Anleihemärkten nach dem Eingreifen der Europäischen Zentralbank (EZB) im September 2012* (3, 04.03.2013).

С. Особенностью ситуаций ментального действия является формирование ментальных моделей не только деятельного, но и воображаемого мира. Для номинации такого рода ситуаций характерно выстраивание моделей возможных миров по отношению к будущему времени – *etwas voraussetzen, voraussagen, prophezeien*. Например, глагол *voraussetzen* имеет значение «etw. als gegeben, sicher annehmen» (2) и используется для описания ситуации выстраивания предположений, мысленной реконструкции ситуации, обстоятельств и пр. с определенной степенью точности: 1) *Sie setzt das Vorhandensein von Wut bei mir ... sowieso voraus* (3, 07.12.1984); 2) *Wir haben die Existenz eines deutschen Widerstandes vorausgesetzt* (3, 10.03.1989).

Выполненное исследование позволяет сделать следующие выводы. Для постулирования статуса семантического падежа следует исходить из разграничения двух фундаментальных процессов ментального освоения действительности – категоризации и концептуализации. Если онтологические классы объектов представляют собой результат классифицирующей деятельности сознания, то семантические падежи являются категориями концептуального плана (категориями отношений), отвлеченными от того, что именно мыслится в рамках этого отношения. Являясь концептуальной категорией высокого уровня абстракции, каждый семантический падеж имеет свою собственную парадигму, фиксирующую возможности его сигнификативного осмысления. Наличие таких па-

радиgm в языке обусловлено избираемой семантической перспективой на событие, а онтологией вербализуемой ситуации и принадлежностью ситуации к определенной сфере жизнедеятельности индивида.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке. М.: РАН ИНИОН, 1994. С. 2–8.
2. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.
3. Syntaktisch-semantische Relationen: ein Versuch für das Deutsche / P.R. Lutzeier // Deutsche Sprache, 1988. S. 131–143.
4. Кант И. Критика практического разума. Т. 4. Ч.1., М.: «Мысль», 1965.
5. Генералова Л.М. Транспозиция как способ языковой репрезентации перехода к альтернативной концептуализации события через систему семантических предикатов (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. фил.наук. Волгоград, 2007. 20 с.
6. Fillmore C.J. Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL. 1981. Seoul, 1982. P.111–137.
7. Storrer A. Verbbedeutung und Situationsperspektivierung // Harras G., Hermann Th., Grabowski J. Bedeutung – Konzepte – Bedeutungskonzepte. Tübingen, 1996. S. 231–255.
8. Власенко А.В. Падежная семантика и принципы ее описания (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. фил.наук. Волгоград, 2004. 18 с.

Список источников

1. Berliner Zeitung. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.berliner-zeitung.de>.
2. DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de>.
3. Die Zeit. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeit.de/index>.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ ПОЛЯ «ДЕНЬГИ»

Демьяненко В.П., Сержанова Ж.А.

ФБГОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», г. Красноярск, Российская Федерация

В статье предпринята попытка выявления особенностей менталитета русского и немецкого народов путем сравнения и сопоставления пословиц. Рассмотрены определения таких понятий как языковая картина мира и пословица.

Ключевые слова: пословица; языковая картина мира; менталитет; эквивалент; структура; образная основа; сравнительно-сопоставительный анализ.

COMPARATIVELY-CORRELATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND GERMAN PROVERBS OF THE MONEY FIELD

Demyanenko V.P., Serzhanova Zh.A.

Reshetnev Siberian State University, Krasnoyarsk, Russian Federation

The article attempts to reveal the peculiarities of the mentality of the Russian and German peoples by comparing proverbs. The definitions of such concepts as linguistic worldimage and the proverb are considered.

Keywords: proverb; linguistic worldimage; mentality; equivalent; structure; shaped base; comparatively-correlative analysis.

Давно известно, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах, а знание пословиц того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа. Сравнение пословиц разных народов

показывает, как много общего имеют эти народы, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию и сближению. Пословицы разных народов мира имеют много общих черт, но с другой стороны в них есть и свои специфические особенности, которые характеризуют самобытную культуру и многовековую историю определенного народа.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном обществе происходит быстрое развитие межкультурной коммуникации. Изучение пословиц не только способствует пониманию менталитета другой культуры и национального характера носителя языка, но так же это эффективный способ овладения иностранным языком. Знание иностранного языка необходимо для межкультурного общения.

Цель данной статьи – выявить особенности менталитета русского и немецкого народов путем сравнения русских и немецких пословиц, связанных с понятием деньги.

Основные задачи:

- 1) раскрыть понятие языковой картины мира;
- 2) дать определение понятию пословица;
- 3) сравнить и сопоставить русские и немецкие пословицы поля деньги.

Объектом исследования выступают русские и немецкие пословицы поля деньги.

Предметом исследования является сравнительно-сопоставительный анализ русских и немецких пословиц поля деньги.

Исторически у каждого языкового коллектива складывается свой свод представлений о мире, свое «видение», зафиксированное в языке. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия окружающей действительности, а выражаемые с помощью языка значения складываются в единую систему взглядов, «своего рода философию, которая усваивается всеми носителями данного языка». В результате разные культурно-языковые коллективы воспринимают объективный и единый для всех мир по-своему – через «призму» своего языка. Именно поэтому

принято говорить о неразрывной связи между языком и культурой народа. Такое специфическое национально-обусловленное и отраженное в языке мировидение принято называть национальной языковой картиной мира [3, 27–28].

Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности [2].

Из пословиц и поговорок во многом складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями языка.

В.И. Даль понимает пословицу как коротенькую притчу; сама же она говорит, что «голая речь не пословица». Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения [1]. Таким образом, пословица – сжатое общеупотребительное суждение или наставление, заключающее в себе общее суждение или наставление на какой-нибудь случай жизни.

Деньги с давних времен являются неотъемлемой частью жизни людей. Сегодня деньги распространены во всех сферах жизни и деятельности человека. В пословицах и поговорках, связанных с деньгами, отражается весомость денег в жизни народа, а так же отношение к ним. Согласно цели данной исследовательской работы был проведен сравнительно-сопоставительный анализ пословиц о деньгах в русском и немецком языках, что позволяет говорить о проявлении национального характера народов в различных пословичных ситуациях.

В ходе исследования было обнаружено, что некоторые пословицы имеют полный эквивалент, другие имеют неполное совпадение, третьи не имеют эквивалента, в связи с чем было принято решение условно разделить все пословицы на 3 соответствующие группы:

1. Пословицы, имеющие полный смысловой эквивалент.
2. Пословицы, имеющие неполный смысловой эквивалент.
3. Пословицы, не имеющие эквивалента.

Под полными эквивалентами мы будем понимать такие пословицы, которые в нескольких языках имеют одинаковое значение и одинаковую образную основу этого значения, а также похожую структуру. Такого рода поговорки и пословицы существуют во многих языках.

Под неполными эквивалентами мы будем понимать такие пословицы, которые имеют схожее значение, но разную образную основу этого значения, а также разную структуру.

Например, немецкая пословица «Zeit ist Geld» [6, с 27] и русская пословица «Время – деньги» [6, с. 27] являются полными эквивалентами, поскольку они схожи как по смыслу, так и по образной основе своего значения. В обеих пословицах используется два компонента Zeit (время) и Geld (деньги). В немецком варианте используется глагол-связка ist (инфинитив: sein), в русском же варианте данный глагол-связка опускается, но его легко можно туда добавить – время есть деньги. Значение пословицы от этого не меняется.

Обычно выражение «Время – деньги» понимается так: потеря времени равносильна потере денег, поскольку за это время можно было бы их заработать, следовательно, время надо беречь, расходуя с толком, ибо оно те же деньги. Возможно и другое толкование время (как время жизни) – высшая ценность, и чем больше денег, тем больше свободного времени для самореализации, творчества и т. д., то есть деньги нужны для полноценной жизни, а не наоборот.

Наличие данной пословицы в обоих языках, говорит о том, что взгляды русского и немецкого народов по поводу траты времени совпадает. Оба народа предпочитают не тратить время понапрасну.

Другие примеры пословиц 1 группы:

- RedenistSilber, SchweigenistGold – Слово – серебро, молчание – золото [6, 82].
- Es ist nicht alles Gold, was glänzt – Не все то золото, что блестит [6, с. 58].
- Geld ist ein guter Diener, aber ein böser Herr [4] – Деньги – хороший слуга, но плохой хозяин [5].

- Je mehr Geld, desto mehr Sorgen – Много денег – много и хлопот [6, с. 49].
- Wo Geld fehlt, da ist das Brot teuer [4] – Дорог хлеб, коли денег нет [1].

Пословица «Freunde sind über Silber und Gold» [6, с. 58] дословно переводится с немецкого на русский: друзья выше серебра и золота. Это означает, что друзья важнее денег. В русском языке похожий смысл имеет пословица «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» [6, с. 58]. Пословицы имеют одинаковый компонент Freunde (друзья). Однако пословицы имеют отличную структуру, русская пословица состоит из двух составных частей, а немецкая – из одной. В качестве образной основы в немецкой пословице используются драгоценные металлы – серебро (Silber) и золото (Gold), в русской пословице используется валюта – рубль. Таким образом, данные пословицы являются неполными эквивалентами.

Сравнив данную пару пословиц, мы приходим к выводу, что русское и немецкое видение дружбы в общих чертах совпадает – дружба ставится выше денег.

Другие примеры пословиц 2 группы:

- Beim Gelde hört die Freundschaft auf [4] – В долг давать – дружбу терять [1].
- Ein guter Namen ist besser als bares Geld [4] – Почет дороже денег [5].
- Geld macht aus Vogelscheuchen Grazien [4] – Рубль да денежка, да краснадевушка [1].
- Mit Gold kauft man weder Tugend noch Verstand [4] – На деньги ума не купишь [5].
- Geld hat manchen an den Galgen gebracht [4] – Через золото слезы льются [1].

Немецкую пословицу «Der Weizen auf dem Feld ist noch kein Geld» [4] на русский язык дословно можно перевести: пшеница на полях – это ещё не деньги. Данную пословицу можно понять по-разному. С одной стороны, она может означать, что успех в будущем требует сил в настоящем. Чтобы заработать деньги на

выращенной пшенице, эту пшеницу сначала нужно перемолоть в муку, из муки завести тесто, из теста испечь хлеб и только потом, продав хлеб, получить деньги. С другой стороны, она может означать, что не всякий заложенный в данный момент вклад обязательно принесет прибыль в будущем. Данная пословица может служить наставлением для начинающих предпринимателей и бизнесменов. Скорее всего, по этой причине данной пословице не нашлось эквивалента в русском языке, в России бизнес еще не настолько развит, как в странах Европы.

Русские очень часто говорят: «Деньги, что вода» [6, с. 32]. Дословно перевести данную пословицу на немецкий язык можно как: *Geld ist wie Wasser*. Это означает, что деньги очень быстро и легко тратятся, утекают из рук словно вода. Мы предполагаем, что данная русская пословица не имеет немецкого эквивалента, потому что данное явление не знакомо немцам ввиду их бережливости, к каждой трате денег немцы подходят с умом, тщательно планируют, на что потратить каждую «копеечку».

Другие примеры пословиц 3 группы и их дословный перевод:

- *Das Geld liegt auf der Straße* – Деньги лежат на улице [4].
- *Der Geiz wächst mit dem Gelde* – Жадность растёт вместе с деньгами [4].
- Деньги дело наживное – *Geld ist eine Erwerbssache* [6, с. 32].
- Не с деньгами жить, а с добрыми людьми – *Man lebt nicht mit dem Geld, sondern mit guten Menschen* [6, с. 61].

Таким образом, что отсутствие или наличие эквивалентов говорит о существовании некоего различия или схожести образа мыслей и менталитета народов. Большая часть пословиц русского и немецкого народов, связанных с понятием деньги, имеют много общих черт, но с другой стороны в них есть и свои специфические особенности, которые, как уже было сказано в начале, характеризуют самобытную культуру и многовековую историю определенного народа. В ходе смыслового анализа пословиц было обнаружено, что отношение к деньгам обоих народов является неоднозначным, например, деньги считаются источником лишних забот и хлопот. Одно-

временно с этим деньги очень ценятся, однако есть то, что ценится выше денег: счастье, семья, друзья, любовь, ум, почет и др. Различие заключается в том, что выражение этого отношения происходит в большинстве случаев с помощью разных образов, что указывает на различие образа мыслей обоих народов.

Список литературы

1. Даль В.И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] / В.И. Даль. М.: Художественная литература, 1989 г. – Режим доступа: <http://dslov.ru/txt/t81.htm>
2. Зализняк А.А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html
3. Медведева Е.В. Лексикология немецкого языка. Лекции, семинары, практические занятия. Учебное пособие / Е.В. Медведева. М.: Книжный дом «Либроком», 2009 г. 448 с.
4. Немецкие пословицы о деньгах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://all-about-germany.info/poslovicy-o-dengax/> – Заглавие с экрана.
5. Русские народные пословицы и поговорки на тему денег.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dengy-vsem.ru/folklor.php?id=1>. – Заглавие с экрана.
6. Цвиллинг, М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок: ок. 700 единиц / М.Я. Цвиллинг. М.: Рус.яз., 1984 г. 216 с.

**ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
АНГЛИЙСКИХ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Евстафиади О.В.

ORCID: 0000-0002-7597-1333,
Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Российская Федерация

*В данной статье рассматриваются английские сложносочиненные предложения с союзами *and, or, otherwise, but*, имплицитирующие условные отношения. Автор предпринимает попытку выявления межъязыковых преобразований, применяемых при их переводе на русский язык. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании теории и практики перевода в процессе изучения межъязыковых преобразований при подготовке переводов художественных текстов.*

Ключевые слова: *условные отношения; сложносочиненные предложения; переводческие трансформации; грамматическая замена; опущение; добавление; членение.*

**TRANSFORMATIONS OF ENGLISH COMPOUND
SENTENCES WITH CONDITIONAL MEANING
IN TRANSLATION INTO RUSSIAN**

Evstafiadi O.V.

ORCID: 0000-0002-7597-1333, Orenburg State University,
Orenburg, Russian Federation

*The article focuses on English compound sentences with conjunctions *and, or, otherwise, but*, which can imply conditional relation. The au-*

thor makes an attempt to determine interlingual transformations which are used in their translation into Russian. The results may be applicable for translation theory and practice while preparing translations of fictional texts.

Keywords: *conditional relation; compound sentences; translation transformations; grammatical substitution; omission; addition; division.*

Условные отношения, эксплицитно представленные в сложно-подчиненном предложении с придаточным условным, подразумевают взаимосвязь двух событий: условия и следствия. В английском языке маркерами детерминированности главной и зависимой части СППУ являются условные союзы *if, unless, in case, provided that, on condition that* [9, с. 19–26]. Однако обусловленность могут имплицитировать и сложносочиненные предложения (ССП) с соединительным союзом *and* и противительными союзами *or, otherwise* и *but* [1, с. 307; 4, с. 78–80; 9, с. 401–408]. При этом отмечается, что условное прочтение, как правило, имеет первая часть сложносочиненного предложения благодаря предикату в императивной форме, в то время как вторая часть является следствием невыполнения требования.

Формально-синтаксические типы английских сложносочиненных предложений с условной семантикой, а также актуализаторы, способствующие их условной интерпретации достаточно подробно были проанализированы в работах R. Declerck, S. Reed [9], Н.Ю. Киселёвой [4], О.В. Евстафиади [3], в то время как переводческий аспект не был ранее освещен. Мы же полагаем, что в силу различий между грамматическими системами английского и русского языка для обеспечения адекватной (эквивалентной) передачи английских сложносочиненных предложений, имплицитующих условную ситуацию, на русский язык возникает необходимость в различного рода трансформациях. В переводоведении под трансформациями понимают межъязыковые преобразования, «с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода» [6, с. 172].

Материалом исследования послужили 140 речевых единиц, содержащих английские сложносочиненные предложения со значением обусловленности, и их русские соответствия, извлеченные методом сплошной выборки из трех современных англоязычных художественных произведений и их переводов.

В результате проведенного анализа было выявлено, что на русский язык дословно могут переводиться только сложносочиненные предложения с союзом *and*, однако не во всех случаях. Как показывает сопоставительный анализ, переводчики все чаще применяют трансформации: замены, членение, опущение и добавление.

Ср. (а) «*Carry me to the other side and Allah will bless you*» [8]. – «*Перенеси меня на другой берег, и Аллах благословит тебя*» [7].

(б) «*Bring Marijana to life, if it must be Marijana, and she will bring you to life*» [8]. – «*Оживите Мариюну, если Вам хочется, чтобы это была Марияна, а она оживит вас*» [7].

В обоих английских примерах (а) и (б) части сложносочиненного предложения связаны соединительным союзом, однако в переводе в примере (б) этот союз был *заменен противительным*.

При переводе ССП с союзом *or* структура сложного предложения в большинстве случаев сохраняется. Тем не менее, противительный союз *or* имеет в русском языке несколько вариантных соответствий с альтернативным значением – *а то, а не то, иначе, в противном случае*. Если подлежащее обеих частей ССП совпадает, то во втором компоненте в русском тексте оно *опускается*.

«*Hurry now or you'll miss it*» [10]. – «*Поторопись, а не то пропустишь все самое интересное*» [5].

«*He kept telling her to quit her struggles or he would have to hurt her*» [10]. – «*Он продолжал уговаривать ее не сопротивляться, в противном случае угрожал причинить ей боль*» [5].

Кроме *замены союзной связи*, при переводе используется *прием членения*. В приведенном ниже примере в русском тексте наблюдается деление ССП с противительным союзом на две составляющие, в результате чего образуется цепочка элементарных предложений, связанных условными отношениями.

«Good thing she'd had this stump to hold onto or she would have fallen over for sure» [11]. – «Хорошо хоть ей удалось опереться о пенек. Иначе она точно свалилась бы на землю» [2].

Похожую ситуацию наблюдаем и в следующем примере. В результате разделения ССП с союзом *otherwise* на две составляющие, второй компонент расширяется и становится сложноподчиненным предложением, зависимая часть которого вводится условным союзом *если бы*. Таким образом, в переводе за счет добавления условной союзной конструкции «если бы не ...» содержание главной части связывается с предтекстом.

«He died young, otherwise he might have become one of the great photographers» [8]. – «Он умер молодым. Если бы не это, он мог бы стать одним из великих фотографов» [7].

Условные отношения, объединяющие два элементарных предложения в составе ССП с союзом *but, and*, в переводе на русский язык эксплицируются благодаря замене сочинения подчинением.

«She might have slept even longer, but hunger wouldn't allow it» [11]. – «И спала бы дольше, если бы не голод» [2].

«Lose a few more pounds and I'll be able to model the latest Paris fashions, she thought» [11]. – «Если я похудею еще на несколько фунтов, то меня возьмут в манекеницы и я буду показывать последние французские модели, подумала она» [2].

Таким образом, исследование показало, что в одной трети процентов случаев английские сложносочиненные предложения, имплицитные условные отношения, при передаче на русский язык переводятся дословно (23,5%). Замены используются в два раза чаще по сравнению с нулевой трансформацией (47%), к опущениям (12%) и членению (12%) переводчики обращаются практически в 4 раза реже относительно замен. Необходимость в добавлениях, обусловленная стремлением переводчика избежать нарушения норм переводящего языка, возникает в 5,5% случаев. Возможность приращения описанных выше переводческих трансформаций еще раз доказывает способность сложносочиненного предложения, как в английском, так и в русском языках к условному прочтению.

Список литературы

1. Акимова Т.Г. Условные предложения в английском языке / Т.Г. Акимова, Н.А. Козинцева // Типология условных конструкций; отв. ред. В.С. Храковский. РАН. Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Наука, 1998. С. 306–324.
2. Девочка, которая любила Тома Гордона: роман / С. Кинг. Пер. с англ. В.А. Вебера. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 400 с. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=1500&p=1 – 12.10.2015.
3. Евстафиади О.В. Актуализаторы имплицитных условных отношений в художественном тексте на английском языке / О.В. Евстафиади // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2010. №3 (Том 12 (35)). С. 157–162.
4. Киселёва Н.Ю. Семантический и прагматический анализ функционирования условных конструкций в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н.Ю. Киселева. Кемерово, 2005. 195 с. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/92968.html> – 11.11.2015.
5. Замки: роман / Д. Гарвуд; пер. с англ. О.Д. Сидоровой. М.: Издательство АСТ, 2008. 384 с. – Режим доступа: http://loveread.me/view_global.php?id=10267 – 18.12.2015.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / В.Н. Комиссаров. М.: Альянс, 2013. 253 с.
7. Медленный человек: роман / Дж.М. Кутзее; пер. с англ. Е. Фрадкиной. М.: Эксмо, Домино, 2010. 384 с. – Режим доступа: http://loveread.ec/view_global.php?id=38944 – 11.10.2015.
8. Coetzee J.M. Slow man / J.M. Coetzee. Secker & Warburg, 2005. 72 p. – Режим доступа: http://webreading.ru/prose/_prose_contemporary/j-coetzee-slow-man.html – 04.10.2015.
9. Declerck R. Conditionals: a Comprehensive Empirical Analysis / R. Declerck, S. Reed. Berlin, N. Y.: Mouton de Gruyter, 2001. 536 p.
10. Garwood J. Castles / J. Garwood. New York: Simon & Schuster, Inc., 1993. – Режим доступа: http://webreading.ru/love/_love_history/julie-garwood-castles.html – 09.09.2015.
11. King St. The girl who loved Tom Gordon / St. King. New York: Scribner, 1999. – Режим доступа: <http://www.homeenglish.ru/Books1.htm> – 16.09.2015.

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА
КРИСТОФЕРА ПАОЛИНИ «ЭРАГОН»**

Еремин А.С.

ORCID: 0000-0001-8233-3826, ООО «МАЙ СКАЙ»,
г. Белгород, Российская Федерация

Грамматические трансформации являются неотъемлемой составляющей перевода. В данной статье рассматриваются способы перевода неличных форм английского глагола на русский язык на примере художественного произведения «Эрагон» Кристофера Паолини. Рассмотрена также классификация способов перевода герундиальных конструкций.

Ключевые слова: *неличная форма глагола; грамматические трансформации; инфинитив; прилагательное; герундий; причастие; перевод.*

**INTERPRETATION OF GRAMMATICAL
TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION OF THE NOVEL
«ERAGON» BY CHRISTOPHER PAOLINI**

Eremin A.S.

ORCID: 0000-0001-8233-3826, MySky Russia,
Belgorod, Russian Federation

Grammatical transformations are an integral part of the translation. This article discusses ways to translate non-personal forms of the English verb into Russian. The research based on the novel «Eragon» by Christopher Paolini. The classification of translation methods of gerundial structures is also considered.

Keywords: *Non-personal verb form; grammatical transformations; infinitive; adjective; gerund; participle; translation.*

Не редко при переводе с одного языка на другой основная трудность для переводчика заключается не столько в поиске подходящего оттенка значения слова, сколько в моментах, связанных с различием грамматических структур двух различных языков. Более того, чтобы правильно передать ту или иную конструкцию не всегда существует лишь один верный вариант. На этой почве при переводе может происходить как замена грамматических категорий, членов и типов предложения, так и членение, и объединение предложений [5, с. 160].

Из-за различия грамматического строя языков, полноценный и качественный перевод невозможен без грамматических трансформаций. Это зачастую вызывает трудности у переводчика. В ходе таких трансформаций структура предложения ЯП по сравнению с ИЯ может быть изменена полностью, либо частично. **Грамматические трансформации** заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами языка перевода [9].

При переводе на русский язык, наиболее частыми объектами трансформаций являются глаголы. В качестве одной из классификаций, Качалова К.Н. выделяет две формы английского глагола, которые делятся на личные и неличные [4, с. 515].

К **личным** относятся глаголы, выражающие: лицо, число, наклонение, время, залог (активный, пассивный) [2]. Главной их чертой является то, что в предложении они почти всегда представлены сказуемым.

- «Who knows what they *did* to her? *said* Eragon grimly». [12, с. 232]
- «Кто *знает*, что они с ней *сотворили?*» – мрачно *откликнулся* Эрагон [8, с. 295].

Неличные формы сочетают свои глагольные свойства со свойствами других частей речи и выполняют в предложении синтаксические функции этих частей речи. Так, инфинитив и герундий, сочетая свойства глагола со свойствами существительного, выполняют функцию существительного, т. е. служат в предложении подле-

жащим, именной частью сказуемого, дополнением, определением и обстоятельством [4].

- «I hope so, he said, *looking down at his hands*» [12, с. 144].
- «Надеюсь», – ответил он, не поднимая глаз» [8, с. 205].

Остановимся подробнее и рассмотрим неличные глагольные формы в английском языке. К ним относятся герундий, инфинитив и причастие.

Герундий представляет собой неличную форму глагола, которая выражает название действия и может являться как глаголом, так и существительным. По мнению Корнеевой «Герундий – наиболее поздняя по происхождению неличная форма глагола. Он произошел от древнеанглийского глагольного существительного и причастия настоящего времени; благодаря этому соединяет в себе характерные черты существительного и глагола» [3, с. 40].

Герундий призван упростить конструкцию предложения, сделать ее более изящной и краткой, помогая избежать громоздких придаточных предложений. Когда мы говорим о переводе, то всё усложняется. На данный момент нет какой-то четкой классификации способов перевода герундия. В зависимости от выполняемой функции в языке оригинала, на русский язык он может переводиться согласно представленной схеме:

Рис. 1. Способы перевода герундия

Данная схема была создана самостоятельно на основе материала исследования. Опираясь на нее, приведем наиболее яркие примеры, когда герундий был переведен:

- Существительным;
 - «By Gorm, Ilda, and Fell Angvara, we vow to perform homage at least thrice a month, in the hour before dusk, and then to make *an offering of ourselves* to appease the eternal hunger of our Great and Terrible Lord» [11, с. 4].
 - «Клянемся Гормом, Илдой и Фелл Ангравой с должным почтением по меньшей мере трижды в месяц в сумеречный час приносить нашему великому и ужасному повелителю *клятву верности* и некую собственную жертву, дабы утишить его извечный голод...» [6, с. 6].

«An offering» с опущением своего прямого значения было переведено, как «клятва». Однако в данном контексте смысл значения был передан довольно точно.

- Инфинитивом;
 - «*Forsaking their hiding*, the Urgals stood and released a stream of black arrows» [7, с. 7].
 - «*Забыв о том, что им запрещено себя обнаруживать*, ургалы, злобно рыча, выскочили из засады и выпустили вслед прекрасной всаднице тучу черных стрел» [13, с. 10].

В данном предложении два глагола неличной формы являются разными частями речи: деепричастие “forsaking” (покидать, оставлять) [14] и существительное hiding (букв. сокрытие, укрытие) [14] переводчик передал смысл данной части предложения инфинитивной конструкцией, в то же время, применив к данным глаголам антонимичный перевод.

- Деепричастием;
 - «An owl screeched, *cutting through the silence*» [12, с. 6].
 - «*Нарушив* ночную тишину, пронзительно закричала сова» [8, с. 8].

Данный пример наглядно демонстрирует наличие как грамматической, так и семантической трансформации. Очевидно, чтобы ярче

передать образность переводчик использует описательный перевод деепричастия «cutting», при этом с добавлением наречия «пронзительно», которое в оригинале отсутствует, но компенсирует оттенки значения.

«Причастие – это часть речи, которую можно перевести множеством способов. Причастие может выступать в качестве глагола, прилагательного, деепричастия, наречия, предлога, и даже союза. Следует отметить, что причастие широко используется не только в художественных текстах, но и в научно-популярной и публицистической литературе, а также в деловой переписке» [10]. Сборник работ. Причастие – неличная форма глагола, совмещающая в себе характеристики глагола и прилагательного.

Причастие в английском языке используется гораздо чаще, чем в русском, однако значительно уступает по разнообразию форм русскому.

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие способы перевода этих единиц в произведении:

- «Eragon winced and averted his eyes, although he could not escape the youth's *piercing screams*» [13, с. 5].
- «Эрагон поморщился и отвел глаза, хотя не слышать пронзительных криков несчастного было невозможно» [7, с. 7].

В данном примере герундий «*piercing*» является прилагательным в связке с существительным *screams*. Сам перевод этого словосочетания довольно конкретен, однако мы можем заметить, что при переводе предложение претерпело немало иных трансформаций, в том числе и замену «youth» (юноша) на «несчастного».

Инфинитив – это неличная форма глагола, которая выражает исключительно действие, без указания времени числа и лица [1]. В английском языке наравне с русским, инфинитив, может обладать признаками, как самого глагола, так и существительного. Отличительной чертой инфинитивных конструкций глаголов английского языка, конечно же, является частица «to».

В следующем примере предложения ИЯ используется, так называемое, сложное дополнение, которое представляет собой существительное, либо местоимение в сочетании с инфинитивом.

- «Either way, I doubt the Ra'zac will leave Katrina unattended for long, not if Galbatorix *wants her to survive* so he can use her as a tool against me» [12, с. 148].
- «Но я в любом случае сомневаюсь, что Катрину надолго оставят без присмотра, особенно если Гальбаторикс *требуется сохранить ей жизнь*, чтобы впоследствии ее можно было использовать как приманку для меня или для тебя» [8, с. 170].

Часто такие конструкции переводятся с использованием вводных союзов, таких как: «как», «что», «чтобы». Однако в нашем примере, был выбран вполне близкий по смыслу, однако иной вариант перевода. Но уже во второй части предложения нам встречается инфинитив в сочетании с модальным глаголом, где и использован этот прием.

Следующий пример демонстрирует простой инфинитив в активном залоге:

- «What he understood *caused him to shudder...*» [11, с. 3].
- «Но и то немного, что он сумел понять, *заставило его содрогнуться*» [7, с. 7].

Подводя итог всему вышеизложенному, и проведя анализ переводческих трансформаций неличных форм глаголов в произведении «Эрагон» по различным грамматическим категориям, можно сделать вывод о том, что переводчик подходил к своей задаче весьма добросовестно. На все «подводные камни» в процессе перевода художественного произведения, Тогоева И.А. умело старается не наступать и передает смысл высказываний предельно полно и в большинстве случаев с подходящим оттенком значения. Однако, несмотря на то, что такой задачи не стояло, не трудно заметить, как часто переводчик использует прием лексических добавлений. Иногда это обуславливается необходимостью конкретной трансформации, но в данном произведении они в большей степени нацелены на то, чтобы передать ярче и детальнее описанные события, при этом, не искажая и не теряя смысловое содержание, заложенное автором произведения.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1964. 608 с.
2. Выгонская Л.Н., Корнеева М.С., Миндели Е.И. Неличные формы глагола в научном тексте. Учебное пособие. М., 2013, 142 с.
3. Грамматика английского языка. Морфология Синтаксис. Кобрина Н.А., Корнеева Е.А. и др. СПб.: СОЮЗ, 1999. 97 с.
4. Качалова К.Н. Практическая грамматика английского языка / К.Н. Качалова. М.: Юнвес, 1996. 717 с.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Паолини К. Эрагон: Брисингр Роман / Пер. с англ. И.А. Тогоевой. М.: РОСМЭН, 2008. 720 с.
7. Паолини К. Эрагон: Наследие Роман / Пер. с англ. И.А. Тогоевой. М.: РОСМЭН, 2011. 958 с.
8. Паолини К. Эрагон: Роман/ Пер. с англ. И.А. Тогоевой. М.: РОСМЭН, 2005. 880 с.
9. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
10. Сборник работ 68-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: в 3-х ч.: ч. 3. Минск: БГУ, 2011. С. 56–59.
11. Paolini C. Brisingr (book. 3) / C. Paolini / NY.: Alfred A. Knopf, 2008. 464p.
12. Paolini C. Eragon (book. 1) / C. Paolini / NY.: Alfred A. Knopf, 2005. 635 p.
13. Paolini C. Inheritance (book. 4) / C. Paolini / NY.: Alfred A. Knopf, 2011. 371 p.
14. Wordreference [Электронный ресурс] – режим доступа <http://www.wordreference.com>

ВНЕКОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ МЕТОДИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Иноземцева Н.В.

ORCID: 0000-0003-4739-218X, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Данная работа посвящена рассмотрению переводческих трудностей, связанных со спецификой изучаемого объекта – заголовков англоязычной статьи методического содержания. В ходе исследования были выявлены основные переводческие трансформации, применяемые при переводе заголовков статей без учета самой публикации.

Ключевые слова: заголовок; англоязычная статья; перевод; переводческая трансформация; буквальный перевод; внетекстуальный аспект; методическое содержание.

NON-CONTEXTUAL ASPECT OF THE TITLES TRANSLATION OF THE ENGLISH ARTICLES OF THE METHODOLOGICAL CONTENT

Inozemtseva N.V.

ORCID: 0000-0003-4739-218X, Orenburg State University,
Orenburg, Russian Federation

This work is devoted to the translation difficulties connected with the specific features of the object regarded – the titles of the English articles of the methodological content. In the course of the research the main translation transformations have been revealed.

Keywords: a title; an English article; translation; translation transformation; an adequate translation; non-contextual aspect; a methodological content.

Большинство методических статей, представленных в онлайн режиме, написаны на английском языке, поэтому возникает необходимость адаптации этих текстов для целевой аудитории. Спрос на такого рода статьи растет каждый день, поэтому основной целью перевода заголовков является их доступность для широкой аудитории. В связи с этим выделяется важная область перевода – перевод заголовков статей. При их переводе первой сложностью является недостаток контекста. Заголовок статьи не всегда способен раскрыть суть повествования самостоятельно, без обращения к тексту публикации.

Специфика перевода заголовков англоязычных статей методического содержания объясняется необходимостью адаптировать перевод и при этом учитывать особенности аудитории-реципиента, а также необходимостью сохранить прагматическое воздействие на преподавателей и коллег, заинтересованных в публикациях данного жанра, которое подразумевает автор оригинала [2].

Для перевода заголовков англоязычных статей необходимо применить различные переводческие трансформации для адекватного варианта перевода. Классификация Л. С. Бархударова, на наш взгляд, является самой оптимальной для дальнейшего анализа заголовков англоязычных статей [1, с. 183].

Для анализа трансформаций при переводе англоязычных заголовков было взято 850 заглавий статей из специализированных журналов (американских и британских издательств Oxford University Press, Elsevier, IRA, Keyways Publishing Group, Sage – Hindawi Publishing Corporation etc. и их переводы, выполненные нами, поскольку данные издания не имеют перевода [2]. Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить и описать основные приемы перевода заголовков статей методического содержания вне контекста в англоязычном методическом дискурсе.

Нами была предпринята попытка перевести заголовки англоязычных статей без учета контекста. Например,

Interactive Read-Alouds: Is There a Common Set of Implementation Practices? [3, с. 8–17]. (*Интерактивное чтение вслух: наличие единого метода его реализации на практике*).

При переводе был использован прием лексической трансформации-конкретизация – замена слов исходного языка с более широким значением словом в языке перевода с более узким значением (иногда ее называют дифференциацией конкретизации) в случае выбора перевода для слов: «common» и «interactive» – «единый» и «интерактивный» соответственно.

Также был использован прием грамматической трансформации: добавление – притяжательного местоимения «его» во второй части предложения, чтобы конкретизировать и избежать искажения смысла поменялся тип предложения – из вопросительного при переводе предложение на русский язык, оно стало повествовательным.

Очень часто встречаются случаи дословного перевода. Например, Phonetics [4, с. 37]. (*Фонетика*).

Таким образом, нами было отмечено, что в большинстве случаев при переводе заголовка вне контекста мы прибегали к дословному, точному варианту перевода (почти в 50% случаев при переводе трансформации не были использованы, что можно объяснить желанием сохранить информационную насыщенность искомого заголовка).

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Перевод и интерпретация / Л.С. Бархударов // Записки переводчика: науч.-теор. сб. / Под ред. Л.С. Бархударова. 19-е изд. Москва: Высшая школа, 1982. С. 43–63.
2. Иноземцева Н.В. Системные характеристики заголовков англоязычных статей по методической проблематике: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Н.В. Иноземцева. Самара, 2010. 175 с.
3. The Reading Teacher Journal. The International Reading Association, 2010-2017 [Электронный ресурс]. – 7252 p. – Режим доступа: www.reading.org/general/Publications/Journals/RT.aspx
4. The ELT Journal [Электронный ресурс]. Oxford University Press, 2010–2017. 3648 p. – Режим доступа: www.oxfordjournals.org/eltj/

**РАССКАЗЫ В.В. ВЕРЕСАЕВА В ОЦЕНКЕ
Ф.Д. КРЮКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСНОГО
ЖУРНАЛА «ШКОЛЬНЫЕ ДОСУГИ»)**

Казеева Е.А.

ORCID: 0000-0002-6738-098X, МГУ им. Н.П. Огарева,
г. Саранск, Российская Федерация

В статье рассматривается критическая работа Ф.Д. Крюкова, увидевшая свет на страницах журнала «Школьные досуги». В ней анализируются рассказы В.В. Вересаева, посвященные жизни крестьян и рабочих. В заключении Ф.Д. Крюков делает вывод о необходимости оказывать помощь народу.

Ключевые слова: Ф.Д. Крюков; В.В. Вересаев; журнал; «Школьные досуги»; статья; рассказ; герой.

**THE STORIES OF V.V. VERESAIEVA IN THE EVALUATION
OF F.D. KRYUKOV (BASED ON THE HANDWRITTEN
JOURNAL «SCHOOL LEISURE»)**

Kazeeva E.A.

ORCID: 0000-0002-6738-098X, N.P. Ogarev Mordovia State
University, Saransk, Russian Federation

The article discusses the critical work of F.D. Kryukov, published on the journal «School leisure». It examines the stories of V.V. Veresaeva on the life of peasants and workers. In conclusion F. D. Kryukov concludes on the need to assist people.

Keywords: V.V. Veresaev; F.D. Kryukov; journal; «School leisure»; article; story; hero.

Творчество В.В. Вересаева стало заметным явлением русской литературы рубежа XIX–XX веков. По справедливому замечанию В.Л. Льво-

ва-Рогачевского, в его произведениях «/.../ с особенной силой сказана зависимость литературы от жизни» [3, с. 146]. Именно поэтому проза писателя неоднократно становилась предметом литературных дискуссий. Показательным в данном отношении является рукописный журнал «Школьные досуги», издаваемый воспитанниками Орловской мужской классической гимназии и их наставником – прозаиком, преподавателем русской словесности и истории Ф.Д. Крюковым. Он под псевдонимом «Б» отвечал за составление раздела «Библиография», в котором рассматривалось творчество современных ему писателей. Отметим, что статьи Ф.Д. Крюкова, посвященные анализу произведений В.В. Вересаева, связанных с оценкой «крестьянского» вопроса и состоянием современной ему медицины, уже становились предметом нашего изучения [1]. В данной работе объектом исследования является статья Ф.Д. Крюкова, дающая оценку тринадцати рассказам В.В. Вересаева, увидевшим свет в 1902 году. Это обстоятельство позволит решить ряд задач: введение в научный оборот ранее неопубликованных материалов; анализ произведений, посвященных социальной проблематике; выявление литературных вкусов русской провинции.

Статья Ф.Д. Крюкова «Вересаев: II том. Критический разбор» (март 1903 г.) вошла в № 8 журнала «Школьные досуги». В самом начале критик напоминает читателям, знакомым с его ранними работами, об общественной значимости и привлекательности вересаевских произведений, делая акцент на особом интересе писателя к изображению «<...> тех классов общества, которые начинают играть видную роль в современной общественной жизни» [3, с. 48]. Кроме того, Ф.Д. Крюков считает необходимым отметить глубокое содержание произведений Вересаева, их идейность, что заслуживает особое внимание читателей.

Отметим, что автора статьи привлекает анализируемая им книга рассказов в первую очередь тем, что она посвящена изображению жизни «рабочего класса», под которым Ф.Д. Крюков понимает не только людей, занятых на производстве, но и людей, занимающихся крестьянским трудом. Актуальность сборника видится критику в том, что «трудовой класс все больше и больше обращает на себя внимание общества» [3, с. 49], что интересно демократическому читателю. Ф.Д. Крюков отмечает несомненный талант автора книги,

его наблюдательность, отличное владение материалом, чему способствовало хорошее знание жизни трудящихся.

Автор статьи, анализируя рассказы, вошедшие в сборник, выделяет два типа героев. Первый – «<...> рабочий города, зрелый, определившийся человек и далеко уже отошедший от прежней его кормилицы-земли» [3, с. 49]. Он цивилизован, самостоятельно мыслит, уважает человеческую личность, любит свободу и ненавидит рабство. Второй тип – «русский селянин, весь отдавшийся возделыванию земли, в одной ней видящий свою материальную опору; он чувствует и признает неуклонное ее над собой влияние; он любит ее и до конца жизни не решается отойти от нее – своей неизменной кормилицы» [3, с. 49]. Герой этого типа привык руководствоваться традициями, уважает старших, готов пожертвовать своей свободой ради общего блага. Ф.Д. Крюков полагает, что В.В. Вересаев, изображая данные два типа, ставит перед собой задачу выявить причины пропасти, лежащей между людьми одно и того же класса. Наиболее ярко эти типы воплотились в рассказе «Из обетованной земли», центром которого становится спор между пассажирами дилижанса, следующего из Петербурга в провинцию. Представителем первого типа является Березин, в свое время отправившийся в столицу за счастьем. Второй, безымянный герой, молодецватый парень, не любит городскую жизнь и стремится вернуться в родные места. Герои спорят о бедности, причем молодой герой видит ее причину в отсутствии общинного труда, в отступлении от патриархальных устоев. Березин, являющийся воплощением авторской позиции, возражает ему: «Такая жизнь, хотя и приносит хорошие материальные результаты, но она слишком узка, ограничена и даже животна <...>» [3, с. 55]. Далее автор статьи пытается обнаружить эти типы в других произведениях анализируемой книги.

Ф.Д. Крюков убежден, что за редким исключением (рассказ «Ванька») столичный рабочий ведет сознательную человеческую жизнь. В качестве подтверждения своего мнения он приводит такие тексты В.В. Вересаева, как «В одиночку», «В сухом овраге», «Конец Андрея Петровича». Последняя повесть привлекает его особое внимание: Андрей Иванович Колосов, рабочий-переплетчик, уже в начале произведения тяжело болен. Настоящий профессионал, он

вынужден жить в стесненных условиях, не получая должного вознаграждения за труд. Герой обладает уже сформировавшимся характером, чувством собственного достоинства, развитым умом, знает свои права, одержим идеей товарищества. Трагический финал повести позволяет автору заявить: «Так кончил свою жизнь один из тех борцов за сословную независимость, во главе с которыми так смело борется теперь за нее наш рабочий класс» [3, с. 60–61].

Обращаясь к текстам, посвященным крестьянской тематике, Ф.Д. Крюков отмечает, что деревенская жизнь отличается безысходностью и пессимизмом. Это наиболее ярко проявляется в рассказах «На холоду», «В пути», «Лизар». Герой последнего старик Лизар недоволен распространением в деревне медицины, сохранить жизнь многим людям. Это, по его мнению, приводит к тому, что численность людей увеличивается, а земли всем не хватает. Автор статьи прямо выражает свою точку зрения: «До низости омерзительно и вместе с тем до боли грустно слушать эту прямую искреннюю философию, указывающую на «бабушку» (заразную болезнь – Е.К.) как на выход народа из экономической тесноты» [3, с. 63]. Данный рассказ представляется критику безнравственным, но, тем не менее, вытекающим из самой русской действительности. Ф.Д. Крюков обнаруживает причину крестьянской бедности в том, что огромным массивом русской земли владеет помещик, который плохо ее обрабатывает.

В конце статьи критик делает вывод о том, что главной заслугой В.В. Вересаева является изображение людей, которым должна принадлежать «лучшая доля <...>, жизнь которых всецело посвящена на трудную, созидательную работу» [3, с. 58]. Крюков формулирует урок, вытекающий из всех вересаевских текстов: нужно оказать помощь «<...> труженикам-союзникам в борьбе за лучшую жизнь, людям неустанным работникам нашей матушки-Руси» [3, с. 66].

Список литературы

1. Вересаев В.: II том. Критический разбор // Школьные досуги. 1903. № 8. С. 48–66 // Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева (ОГЛМТ). – 10677/490 оф. РК. 1521.

2. Казеева Е.А. Творчество В.В. Вересаева в осмыслении Ф.Д. Крюкова (на мат-ле рукописного журнала «Школьные досуги») // В печати.
3. Львов-Рогачевский В.Л. В. Вересаев // Русская литература XX века (1890-1910): в 2 кн. М.: «XXI век – Согласие», 2000. Кн. 1. С. 146–170.

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО НАЧАЛА ГЕРОЕВ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

Кокина И.А.

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Статья посвящена описанию нравственного начала героев произведений А.П. Чехова. Статья представляет собой исследование произведений великого писателя. Проводится описание философской основы и нравственных человеческих принципов творчества Чехова. В статье рассматриваются случаи проявления хитрости и изворотливости героев, жадности, воровства, никчемности, страха, а также милосердия, описанные в произведениях А.П. Чехова. Актуальность статьи связана с обострением интереса к воспитанию нравственности и духовности молодежи.

Ключевые слова: герой; нравственные принципы; ребенок; тема детства; сострадание; милосердие.

REFLECTION OF THE SPIRITUAL AND MORAL BEGINNING OF THE HEROES IN THE STORIES OF A.P. CHEKHOV

Kokina I.A.

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

The article is devoted to the description of the moral beginning of the heroes of the works of A.P. Chekhov. The article is an investigation

of the works of the great writer. A description is given of the philosophical basis and moral human principles of Chekhov's creativity. The article deals with cases of the cunning and quirkiness of heroes, theft, uselessness, fear, and charity, described in the works of A.P. Chekhov. The relevance of the article is related to the exacerbation of interest in the education of morality and spirituality of youth.

Keywords: *hero; moral principles; child; theme of childhood; compassion; mercy.*

Юрий Степанов, академик Российской Академии Наук, называет нравственные принципы Антона Павловича Чехова – «человека с моральным кодексом» [7, с. 1]. Он, в частности, пишет: «Чувство личной свободы и достоинства было, несомненно, краеугольным камнем этики Чехова. И это чувство, будучи социальным чувством, делает этику Чехова конкретно-историческим, социальным явлением» [7, с. 13].

Знатоками человеческой души в русской литературе принято считать Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Но чеховские картинки ничуть не уступают огромным полотнам предшественников по глубине наблюдения и тонкости изображения.

В рассказах А.П. Чехова, в которых читатель встречается с представителями разных социальных слоев, возрастов, профессий: крестьянами, певцами, взрослыми, детьми, помещиками, чиновниками и врачами, солдатами, ворами, генералами, священниками, охотниками и полицейскими надзирателями, следователями, банковскими служащими и держателями банков, художниками и дворниками, зеркально отражено время и человек на фоне этого времени. В произведениях у А.П. Чехова переплетаются разные жизненные ситуации: светлое и темное, трагическое и комическое. В основу своих произведений писатель закладывает не просто биографию героя или решение какой то общей проблемы, а определенную жизненную ситуацию, столкновение интересов, стремлений, противоположных сил. Рассказы коротки, но в то же время глубоки по содержанию. В них – философская основа и нравственные человеческие принципы.

И не столь важно, кто является героем или героями произведения: дворяне, простолюдины дети или взрослые.

Ионыч из одноименного рассказа в начале своей карьеры кажется себе благородным человеком, способным любить, быть любимым, приносить кому-то пользу. Но проходит время, он опускается физически и морально, уже не о чем не мечтает. Теперь он кажется благородным другим, окружающим его людям. Миросозерцание героя свелось до созерцания ассигнации – это теперь его единственная радость, смысл жизни, его философия.

А вот замечательный диалог деда и внука из рассказа “Весь в дедушку”. Поучая внука, дед старательно возвышает себя, либо не замечая собственных пороков, либо забывая о них. И всякий раз внук возвращает деда «с небес на землю», а потом, примирившись, они выпивают из одного графинчика и укладываются спать, чтобы завтра снова продолжить свой спор «отцов и детей». Вот уж поистине «в юности пошлость кажется только забавной и ничтожной, понемногу она окружает человека своим серым туманом, пропитывает мозг и кровь его, как яд или угар, и человек становится похож на старую вывеску, изъеденную ржавчиной: как будто что-то изображено на ней, а что? – не разберешь». Вот и пытается здесь автор помочь читателю разобраться в окружающих и в самом себе.

Очень интересны по композиции, похожи по содержанию рассказы «Вверх по лестнице» и «Толстый и тонкий». Две жизненные зарисовки, несущие огромную информацию о действующих персонах. Между этими рассказами звено антитезы. Это две лестницы, две площадки. На каждой из площадок – двое. Двое – пока не разговорились. Вот восторженные возгласы двух друзей, встретившихся на вокзале:

– Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

– Батюшки! Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

И как только тонкий получает информацию о том, что его друг (толстый) дослужился до тайного советника, он вдруг “побледнел, окаменел, ... съежился, сгорбился, сузился... Затем сужаются его коробки, вытягивается длинный подбородок жены, сын застегивается на все пуговицы и роняет фуражку. Явное движение вниз

от человека к рабу. Это ведь по сути своей – лестница, по которой люди – рабы идут вверх и вниз, вниз и вверх. Провинциальный советник Долбоносков, случайно попав на вечер к князю Фингалову, в его петербургском доме случайно встречает бывшего репетитора своих детей, бывшего студента – юриста Щепоткина. Долбоносков считает свое присутствие и одновременное присутствие Щепоткина в таком важном доме неуместным. Разговор начинается на снисходительно пренебрежительных тонах:

– Вы это... тово... как же сюда попали? – спросил он, зевая в кулак.

– Так же как и вы...

– То есть, положим, не так, как я... – нахмурился Долбоносков, оглядывая Щепоткина.

И вот небрежные сообщения молодого человека о том, где он бывает, о том, где он служит, о том, что он женат на племяннице статс-секретаря Лодкина поднимают его в глазах Долбоноскова. Служебная лестница, лестница рабской философии, поднимая одного, опускает другого. Такой прием восходящей и нисходящей градации Чехов использует достаточно часто.

Не ставя никаких вопросов, автор произведения заставляет своего читателя задуматься над увиденным, услышанным и понятым.

Можно перечислять всех героев Чехова и, если заглянуть в душу каждого из них, одним из порывов, о которых повествует Чехов, будет сострадание. А ведь писатель вовсе не сентиментален, никаких чувствительных сентенций мы не найдем в его рассказах. Порой кажется, что задался целью показать все темные уголки жизни и нарисовать картины со всех жизненных переплетений и ситуаций.

Творчество Чехова охватывает разные стороны жизни. Много рассказов он посвятил детям или сделал детей их героями своих произведений. Тема детства была близка художнику, очевидно потому, что его собственное детство легким назвать нельзя. Писатель показывает, что ребенок с самого момента рождения зависит от обстоятельств, в которые попадает. Жизненный путь ребенка сложен. Природная стихия, стихия жизни готова сломить его, но она же заставляет бороться и искать опору. Босоногая нищая девочка Фекла ищет сапожника

Терентия («День за городом»), заведомо зная, что никто, кроме него ей не захочет помочь. Маленький ее братишка защемил руку в дупле, и его надо освободить. Идти далеко, надвигается гроза, начинается дождь. «Идти тяжело, скользко...» И вот Терентий с девочкой находят Данилку. Картина трогательно – серьезная, вызывающая у читателя сочувствие и одновременно восхищение поведением ребенка. Мальчик не плачет и начинает разговор не о своей беде, а, будто, «светскую беседу: «Страсть какой гром, Терентий! Отродясь такого грома не было...» Ребенок уже знает, что показывать боль нехорошо, поэтому старается ее не замечать. И только освобождена рука мальчика, красная и помятая, разговор продолжается: «Страсть, как гремит! – повторяет мальчик, почесывая руку. – А отчего это гремит, Терентий?» И далее на фоне природы герои ведут разговор, что их окружает, сливаясь с природой: «соловей птица певчая, безгрешная, ее гнезда трогать нельзя. А вот с воробьями можно не церемониться, потому что «Когда Христа распинали, он жидам гвозди носил и кричал: «Жив, жив!» По дороге встречается размытый муравейник, пчелиный рой, целебная трава – и обо всем Данилка спрашивает, а Терентий отвечает. Он знает все: названия полевых трав, животных и камней. Он знает, какими травами лечат болезни не затруднится узнать, сколько лошади или корове лет. Глядя на заход солнца, на луну, на птиц, он может сказать какая завтра будет погода».

Оказывается, не один Терентий так разумен. Многие в деревне, может быть, все знают так же много. Эти люди – часть самой природы. И дети – тоже часть природы. И если бы можно было забыть о том, что и ученики и учитель босы и оборваны, то картина была бы идиллической. Ночью дети спят в заброшенном сарае, а Терентий, зайдя в кабак, как добрая фея заглядывает и к детям, кладет им под головы хлеб. Высшее человеческое милосердие в этом. Библейский смысл. Человек родился, чтобы жить, видеть, помнить все, что вокруг него происходит. Что ждет этих детей? Если выживут, станут такие, как Терентий. Не выживут – завянут, как трава, как цветы. Солнце и луна в рассказе и в жизни одинаково светят всем и одинаково равнодушно.

Чехов никогда не принимал насилия над человеком. Насилие рождает насилие. И самое страшное, если насилие совершает ребенок, испытывавший его на себе, и испытывающий его постоянно, как в рассказе «Спать хочется».

Порой кажется, что автор задался целью показать все темные уголки жизни, нарисовать картины со всех жизненных переплетений и ситуаций. Порой кажется, что единственное препятствие к человеческому счастью – внешнее благо. Появись они – горе отступит, пороки исчезнут сами собой. Случись это, частично мир, наверное, действительно будет исправлен. Но только частично [4]. То, что человек решить не может, он никогда не решит. А то, что может, должен решить сам. Возможно ли это? Над пониманием, раскрытием этого вопроса бьется не одно поколение людей. Мир тяжел и разноцветен. «Будь он прозрачен, – писал французский философ А. Камю, – не было бы искусства». А задача всякого писателя не хранить истину или сообщить ее человечеству в готовом виде, а искать ее вместе с читателем. Может быть, поиск истины и смысла человеческого бытия и есть основа творчества А.П. Чехова и основа его нравственно-философских исканий.

Список литературы

1. Горький М. Чехов А. «Переписка. Статьи. Высказывания» Москва, издательство Академии Наук СССР, 1937.
2. Линков В.Я. «Художественный мир прозы А.П. Чехова» Москва издательство «Советский писатель», 1987.
3. Каплан И. «Антон Чехов». «Литература» Приложение к газете «Первое сентября», №5, 1998.
4. Колмакова В.В. Повышение уровня духовно-нравственной культуры современной молодежи. Education & Science – 2016: Материалы Международной научно-практической конференции для работников науки и образования. 1 марта, 2016 г. Часть 2. Science and Innovation Center Publishing House Saint-Louis, Missouri, USA 2016. С. 155–159.
5. Курдюмов М. «Сердце смятенное» журнал «Литературное обозрение», №11-12, 1994.

6. Сухих И. “Чеховские писатели и литератор Чехов” журнал “Литературное обозрение”, №11–12, 1994.
7. Степанов Ю. “Моральный кодекс Чехова” “Литература” Приложение к газете “Первое сентября”, №9, 1998.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. М., 1983–1988.

ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩИЕ СРЕДСТВА И ИХ РОЛЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

Коккина И.А.

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию средств категории интенсивности в произведениях А.П. Чехова о детях и для детей. Повествование автор нередко ведет через призму восприятия персонажа–ребенка, поэтому Чехов в своих произведениях поручает повествование ребенку. Композиционные особенности языковых средств отражают существо образа персонажа, характер повествователя–ребенка и пронизывают все произведение. Категория интенсивности в рассказах А.П. Чехова о детях и для детей выполняет не только экспрессивную, усилительную и текстообразующую функцию, но и служит для создания комического эффекта в произведении.

Ключевые слова: автор; ребенок; псевдоавторская речь; интенсививы; интенсификаторы; интенсификация.

INTENSIFYING MEANS AND THEIR ROLE IN THE WORKS OF ANTON CHEKHOV

Kokina I.A.

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

The article is devoted to the study of means of the intensity category in the works of A.P. Chekhov about children and for children. Narrator

often leads through the prism of the perception of the character – the child, therefore Chekhov instructs the child in his works. Compositional features of language means reflect the essence of the image of the character, the nature of the narrator – the child and permeate the entire work. The intensity category in A. Chekhov's stories about children and for children performs not only expressive, amplifying and text-forming functions, but also serves to create a comic effect in the work.

Keywords: *author; child; pseudo-author's speech; intensives; intensifiers; intensification.*

Мир изображается автором так, каким он его видит и каким он ему нужен в литературном произведении.

Произведения А.П. Чехова о детях и для детей отличаются тем, что для передачи содержания автор чаще всего использует псевдоавторскую речь (несобственно-прямую), которая позволяет дать оценку происходящего, раскрыть внутренний мир персонажа и отражает точку зрения автора на то или иное событие. Этому служит изобилие интенсивов и интенсификаторов: «Все человечество Каштанка делила на две очень неравные части: на хозяев и на заказчиков; между теми и другими была существенная разница: первые имели право бить ее, а вторых она сама имела право хватать за икры» («Каштанка»). Повествование через восприятие персонажа в данном предложении сочетается с авторским. Оценочная позиция автора выражается через призму восприятия самой Каштанки. Об этом свидетельствует употребление интенсификатора «очень» часто употребляемого ребенком, с которым отождествляется Каштанка.

При исследовании текста необходимо иметь в виду не только тактику (как строится текст), но и стратегию текста (зачем он создается), так как они взаимозависимы и не могут быть разъединены.

Композиционные особенности языковых средств отражают существо образа персонажа, характер повествователя (которым у А.П. Чехова часто является ребенок) и пронизывают все произведение. Так, Чехов писал А.М. Федорову о своей пьесе: «Володя хорош, и нужно, чтобы он занимался теперь или когда-нибудь механикой и чтобы вы-

ражения “пар пущен”, “заработают теперь колеса” и прочие не были пустыми, а вытекали, так сказать, из глубины” [4, с. 243]. Этим принципом руководствуется Чехов в своих произведениях, особенно детских, поручая повествование тому или иному псевдоавтору–ребенку.

Ребенок впервые может сталкиваться с трагическими сторонами действительности, попадать в сложные ситуации, поэтому обычное, нормальное для взрослого проявление того или иного явления, свойства действительности кажутся ему крайне интенсивно проявляющимися, необычайно удивительными, а иногда и очень странными, необычными, выходящими за пределы для него обычного. В силу этого, автор, поручая ребенку (от 3 лица) описывать его собственные наблюдения, впечатления, отдавая отчет в наивности и непосредственности его восприятий, вынужден активно использовать языковые средства интенсификации, необходимость употребления которых вытекает в этом случае как бы «из глубины». Таковы его произведения «Каштанка», «Беглец», «Ванька», «Спать хочется», «Степь».

Следует отметить, что употребление средств интенсификации в произведениях о детях и для детей более высокое, нежели в произведениях для взрослых. Так, в рассказах о детях и для детей интенсификатор – наречие «очень» употребляется чаще, чем в произведениях для взрослых. Если в рассказе «Каштанка» «очень» встречается до 25 раз, а в повести «Степь» – более 40 раз, заставляя почувствовать ощутить наивность ребенка, робость его перед новой для него действительностью, эмоциональную восприимчивость, его ранимость, и как бы объединяет весь текст и его фрагменты, то в рассказах для взрослых его может не быть совсем. Например, в рассказе «Лошадиная фамилия», который не был изначально предназначен для детей, но впоследствии вошел в круг детского чтения, интенсифицирующих средств значительно меньше, а слово «очень» не употребляется ни разу.

Интенсификация здесь создается несколькими путями. Во-первых, употреблением интенсификаторов («Взбудоражилась вся усадьба») и деинтенсификаторов («Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами»). Как видно из

примеров, интенсифицирующие средства здесь отличаются от интенсифицирующих средств в детских рассказах. Так, вместо словосочетания «много людей» автор использует словосочетание «целыми толпами». Во-вторых, семантика интенсификации достигается за счет перечисления множества объектов возможно интенсивного действия: «Все домашние – жена, дети, прислуга, даже поваренок Петька – предлагали каждый свое средство». Частица «даже» еще более усиливает признак проявления действия, которое предпринимают окружающие, чтобы облегчить боль генералу.

Перечисление множества «лошадиных фамилий» кроме интенсификации действия (поиска человека с лошадиной фамилией) способствует созданию комического эффекта в произведении.

Интенсификация достигается за счет употребления сравнительно-сопоставительной синтаксической конструкции, построенной по схеме «такой, точно»: «Иван Евсеич . . . побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака». В данном примере несколько интенсифицирующих средств (интенсив–существительное «быстрота» и интенсив-глагол «гналась»), которые не только показывают быстроту бега приказчика, но и способствуют нарастанию динамики и экспрессивности текста. Кроме того, в данном предложении, насыщенном интенсификацией и находящемся в конце рассказа, заключена одновременно и кульминация, и предстоящая развязка всего действия.

Таким образом, категория интенсивности в рассказах А.П.Чехова о детях и для детей выполняет не только экспрессивную, усилительную и текстообразующую функцию, но и служит для создания комического эффекта в произведении.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
2. Диброва Е.И. Категории художественного текста //Семантика языковых единиц. М., т. 2, 1998.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
4. Литературный архив. Т.1. А.П. Чехов. М., 1994.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. М., 1983–1988.

ГОЛОФРАЗИС В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Котлярова Т.Я.

ORCID: 0000-0001-8634-6018, Костанайский филиал
Челябинского государственного университета, г. Костанай,
Казахстан, Российская Федерация

В статье рассматривается голофразис как один из способов реализации лингвокреативных интенций интернет-коммуникантов. Посредством анализа примеров выявлены наиболее продуктивные модели голофрастических конструкций и особенности их функционирования. Рассматриваются возможные причины количественного роста данного слоя лексики и обосновывается вывод о том, что голофразис можно рассматривать как самостоятельный способ русского словообразования, а не только как технический прием продуцирования окказионализмов, выполняющих частную экспрессивную или людическую функцию.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация; словообразование; словообразовательная модель; голофразис; голофрастическая конструкция; языковая игра.

HOLOPHRASIS IN THE RUSSIAN INTERNET DISCOURSE

Kotlyarova T.Y.

ORCID: 0000-0001-8634-6018, Kostanay Branch of the Chelyabinsk
State University, Kostanay, Kazakhstan, Russian Federation

This paper studies holophrasis as a way of expressing linguistic creativity in Internet communications. Example analysis is performed, and the most productive models are discovered and studied in-depth. Vari-

ous reasons for the increase in usage of holophrasis in Russian are discussed and the argumentation for treating it as a proper morphological derivational model and not just a technical language trick for quick occasionalism construction is presented.

Keywords: *Internet communication; word formation; derivational model; holophrasis; holophrastic construction; language-game.*

Языковые особенности интернет-коммуникации, в частности, процессы словообразования, требуют глубокого изучения и научного осмысления, поскольку эта коммуникативная среда, отличаясь функциональным многообразием и динамизмом, в настоящее время влияет на другие коммуникативные сферы и во многом определяет тенденции развития русского языка на всех его уровнях. Тенденцию к усилению диалогичности, коллоквиализации, экспрессивности общения в интернет-среде отмечают многие исследователи [2]. Именно интернет-коммуникация дает возможность реализации лингвокреативного начала пользователей посредством языковой игры, в том числе и на уровне словообразования. Л.Ю. Иванов отмечает, что «язык глобальной сети в целом восприимчив к новым, нестандартным и девиантным (отклоняющимся) лексико-семантическим явлениям, если они отличаются достаточной выразительностью» [1]. Эту характеристику можно отнести к функционированию голофрастических конструкций в интернет-коммуникации последних лет.

Рассмотрим несколько примеров употребления таких лексических единиц. Одной из наиболее продуктивных, по нашим наблюдениям, является модель «личное местоимение + частица же (ж) + название профессии, гендерной характеристики, социального статуса и т.д.»: *яжемать, тыжпрограммист, тыжпсихолог, тыжпереводчик, онжребенок, онаждевочка, тыжеврач, тыжемужчина* и прочее. При этом следует отметить, что коммуникант, употребляющий данные новообразования, эксплицитно или имплицитно противопоставляет их значения традиционным лексическим единицам *мать, программист, психолог, переводчик* и т.д. Так, целые

публикации посвящены дифференциации подобных лексических пар: Кто такой тыжпрограммист [3], Яжемать: болезнь или норма? [7]; Онажедевочка, или на тему воспитания [4] и т.д. Авторы таких статей пытаются анализировать семантику лексических новообразований («*Есть такая дивная профессия – тыжпрограммист. Я о ней знал давно, потому что сам работал тыжпрограммистом некоторое время назад..*» [3]; «*Сперва о том, что это за «зверь» такой – «яжемать». Очевидно, что это а) женщина, б) мать, то есть женщина с ребёнком. А вот отличия яжематери от просто матери вызывают много споров...*» [7]. Следует отметить высокую частотность употребления отдельных голофрастических конструкций: *яжемать* – примерно 484 000 результатов в поисковой системе Google; *тыжпрограммист* – 97 200; *онижедети* – 173 000; *тыж-переводчик* – 13 400; *онажедевочка* – 2 370 (данные на 13.06.2017).

Показательны также примеры цитат сайта «Цитатник рунета»: *По-моему, у нас отличная выжсемья: тыжпсихолог и тыжпрограммист!; (проблема) решается усердным постукиванием + усердным потряхиванием, а если не работает, то решается методом «дануего» или вызовом тыжпрограммиста и т.д.* [6].

На наш взгляд, причины популярности голофрастических конструкций в коммуникативном интернет-пространстве могут быть связаны с распространением хештегов для индексирования сообщений, относящихся к какой-либо группе или определенной теме. Хештеги начинаются с хэш-символа #, затем, если название темы состоит более чем из одного слова, как правило, используется запись без пробелов; таким образом, получаются голофрастические конструкции, например: #*мозгибыдоставть*; #*жизньпрекрасна*; #*женщинаможетвсе*; #*красотаспасетмир*; #*семьянапервомместе* и т.д. [5]. Также источником многих голофрастических единиц, достаточно часто употребляемых и в настоящее время, является так называемый «олбанский йезыг» или «йязык падонкафф», популярный в Рунете начала 2000-х годов. В данном случае голофразис сопровождается орфографически нарочно неправильным написанием слов: *ржунимагу*, *многобукаф*, *ничоси*, *фтем*, *фтонку* и т.д.

Таким образом, непосредственные наблюдения за фактами языка, их описание и интерпретация, установление дефиниций и анализ контекстуального окружения голофрастических конструкций позволяет установить статус голофразиса как самостоятельного способа русского словообразования, а не только как технического приема продуцирования окказионализмов, выполняющих частную экспрессивную или людическую функцию.

Список литературы

1. Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm> (дата обращения: 15.01.2017).
2. Интернет-коммуникация как новая речевая формация [Электронный ресурс]: колл. монография / Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинаова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. URL: <http://books.google.ru/books?id=meJbAQAQAQBAJ&pg=PA47&lpg=PA47&dq> (дата обращения: 15.01.2017).
3. Кто такой тыжпрограммист [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/tyzhprogrammist> (дата обращения: 10.06.2017).
4. Онаждевочка, или на тему воспитания [Электронный ресурс]. URL: <http://s30045428884.mirtesen.ru/blog/43132778100/Onazhedevochka,-ili-na-temu-vozpitaniya-> (дата обращения: 11.06.2017).
5. ТОП Хэштегов [Электронный ресурс]. – URL: <http://instatag.ru> (дата обращения: 10.07.2017).
6. Цитатник Рунета [Электронный ресурс]. – URL: <http://bash.im/> (дата обращения: 15.01.2017).
7. ЯЖЕМАТЬ: болезнь или норма? [Электронный ресурс] / Вечерний Екатеринбург. – URL: <http://xn----8sdbiiabb0aehp1bi2bid6az2e.xn--p1ai/sweethome/wearehealthy/17087-yazhemat-bolezn-ili-norma/>. (дата обращения: 02.02.2017).

СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Кудинова И.А., Сафонов Ф.С.

Тульский Государственный Педагогический Университет
им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Российская Федерация

Данная статья посвящена раскрытию построения семантики цветообозначений в русском и английских языках. Уделено внимание значениям различных цветов в языковых картинах мира населения англоговорящих стран и России. В том числе раскрыты культурно-национальные особенности рассматриваемых нами языков.

Ключевые слова: *английский язык; диахрония; коннотация; русский язык; семантика; цветообозначения; языковая картина мира.*

SEMANTICS OF COLORS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Kudinova I.A., Safonov F.S.

Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University,
Tula, Russian Federation

This article is devoted to the disclosure of the construction of semantics of color designations in Russian and English languages. The attention is paid to the meanings of various colors in the language world pictures of the population in English-speaking countries and in Russia. Also, cultural and national peculiarities of the languages we are considering are revealed.

Keywords: *english language; diachrony; connotation; Russian language; semantics; colors; language picture of the world.*

Значение цвета в жизни человека невозможно переоценить. Цвет оказывает важное значение эмоциональное и физическое состояние

людей. В научной среде лингвистов цветонаименование является одной из самых важных групп. В ходе исследовательских работ этимологи и лингвисты доказали существование универсальных признаков в системе цветообозначения. Так же стоит отметить, что в выражениях, носящих образный характер, и в том числе поговорках и идиомах, которые существуют в языке, отражается истинное отношение к тому или иному цвету. Это обусловлено тем, что они вбирают в себя эмоциональную и социально-историческую информацию того или иного характера нации, выступая в роли фильтра [3, с. 59].

Согласно исследованиям Ю.В. Норманской, в ходе своих многочисленных работ она пришла к выводу «для построения описания семантики цветообозначений, которое в свою очередь полностью соответствует наивной картине мира, крайне необходимо не ограничиваться лишь типологией основных цветообозначений, а так же построить типологию слов – определений цвета у которых отсутствует указание на их тон (светлый, тёмный, яркий, тусклый, густой, насыщенный, бледный и т.д.), составить систему толкования этих слов и создать универсальный инвентарь» [4, с. 5].

Можно допустить сравнение Ю.В. Норманской с мнением Р.М. Фрумкиной, которая в своих научных трудах приходит к логичному выводу, что на основе таких признаков как яркость, тон, насыщенность просто невозможно предложить какого-либо разумного и адекватного описания цветообозначений и их семантики. Ю.В. Норманская убеждена в том, что в абсолютно всех языках мира имеют место быть слова, которые носитель понимает на интуитивном уровне, а так же частотно применяет их для уточнения признаков цветообозначения. Зачастую они могут становиться постоянными признаками отдельных оттенков цвета (например, жёлтый и розовый человек опознает как светлые цвета, а коричневый не попадает под классификацию светлый/тёмный). Мы можем отметить тот факт, что научная работа Ю.В. Норманской, которая носит название «Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках» имеет направленность, которая характеризуется как сугубо диахроническая. Та типология, с которой описываются на данный момент

мёртвые языки крайне отличается от того способа, который используют Б. Берлин и П. Кей по отношению к живым языкам [7, с. 30].

Крайне необходимо отметить, что для нашей работы первостепенную ценность представляет именно диахроническое описание, поскольку оно основано на колоссально обширном фактическом материале. Тем не менее стоит обратить внимание, что Ю.В. Норманская всецело убеждена в том, что какие бы то ни было выводы, которые были получены на основе работ такого типа нельзя ставить в абсолют, это обусловлено тем, что состав, под которым подразумевается корпус дошедших до нас древних текстов, являющихся базой для изучения цветообозначений, не является полным и дающим исчерпывающую информацию. Однако стоит отметить один аспект, который заключается в том, что фиксация и описание фактов истории языка проливают свет на такой вопрос, как возникновение затруднений при переводе терминов цвета с одного языка на другой.

Диахроническое описание предоставляет возможность обнаружить те или иные внутрисистемные подходы (например, почему слово, которое в праязыке имеет значение оттенка красного цвета, в одном языке-потомке означает желтый, а в другом синий). Ставя во внимание точку зрения А. Вежбицкой [2, с. 129], на основе которой Ю.В. Норманская создала базис описания систем цветообозначений, Е.В. Рахилина делает наиважнейший вывод: коннотация занимает первостепенную позицию при изменении систем цветообозначений от праязыка к языкам-потомкам. Соглашаясь с важностью и ролью этой позиции, она утверждает, что «толкование будет апеллировать не к внеязыковому объекту, а к концепту, который делает стабильным «денотативный» фокус и одновременно порождает различия в фокусах для одного и того же цвета в разных языках» [6, с. 34]. В то же время так же хочется добавить следующее утверждение, которое состоит в том, что коннотации, которые появляются у понятий цвета в литературе художественного жанра, прежде всего, базируется на обыденной, повседневной картине мира, тем не менее, диаметрально противоположно они отличаются непостоянством и более плотной структуризацией своего типа. Коннотации в обыден-

ной картине мира присущи в подавляющем большинстве случаев именно основным цветообозначениям.

С самого своего начала цвет являлся аналогией на окраску каких-либо природных явлений и объектов, имеющих широкое распространение которые та или иная культура считает за эталон: «как кефир», «как вода», «как камень», «как ветер» (А.Вежбицкая разработала способ толкования семантики цветоименований, который базируется на таких аспектах как прототипические объекты, с которыми в сознании людей зарождаются ассоциации цвета). В дальнейшем, уже на втором этапе происходит появление слов, носящих специальный характер, и применяющихся для обозначения цвета (белый, чёрный, зелёный, синий). Подавляющее большинство языков использует этот способ толкования с целью выражения формулировки значений цветочных прилагательных. Данный способ в наименьшей степени востребован в языках, в которых наиболее высока частотность наблюдаемой конверсии, как способа словообразования в английском языке. Спустя некоторое время появляются слова, имеющие обозначение цвета, которые образованы от названий тех или иных предметов, которые являются для них своего рода эталоном, например, как небеса – синий, как небо – небесный. В русском языке по шаблону данного типа образуются относительные прилагательные лимонный, кофейный, молочный, и в том числе некоторые другие. Процесс этот крайне нетороплив и медлителен, причина этого обусловлена в первую очередь тем, что в лингвокультурах между появлением названия предмета и его использованием как базы для создания цветочного прилагательного зачастую проходит от ста до пятисот лет. В английском языке к пятнадцатому веку таких существительных было чуть более десяти, среди которых: снег, трава, мак, орех, зола, молоко, вишня, яблоко, кость, сапфир, облако и некоторые другие. Вышеописанный нами процесс имел место быть в различных языках, и проходил он весьма неравномерно, как с точки зрения временного интервала, так и с точки зрения рассредоточения. В связи с этим увеличивалось количество заимствований.

Общее количество слов, обозначающих цвета в языке, является зеркалом, мерой развития как народа, так и языка в частности. Это подтверждает факт того, что цвета имеют первостепенное значение в языковой картине мира.

Различные языки племён аборигенов Южной Америки, Африки или Австралии имеют в среднем около одного или двух десятков слов цветообозначений. Считается, что данный способ образования подобной лексики является наилучшим путём для максимального развития полисемии. Тем не менее, следует заметить, что определённая часть лексики с течением времени неуклонно теряют изначальную связь этимологической направленности и начинают восприниматься как слова, имеющие обособленное значение. Коричневый является цветом коры, малиновый же цветом малины, сиреневый в свою очередь первоначально был цветом сирени. В языке русского невероятно широко используется модель следующего характера «цвет плюс простое или составное наименование с опорным существительным в форме родительного падежа...». Примером может поступить цвет фуксии, цвет слоновой кости, цвет мха, при том что все вышеописанное может иметь эмоционально отвлечённые разновидности. В английском языке в то же время имеет место быть и аналогичная модель, которая функционирует по типу: «the color of the + существительное». Например, «the color of the grass».

Так же нельзя не упомянуть ещё один способ, предназначенный для расширения и углубления списка цветообозначений, который возможен благодаря словообразовательным и синтаксическим средствам. Ю.Д. Апресян и И.А. Мельчук в ходе своих совместных научных трудов выделили следующие продуктивные способы создания цветообозначений: цвет средний между цветом X1 и цветом X2 (сине-пурпурный, жёлто синий); - цвет Z1 с оттенком Z2 (лимонно-зелёный, бруснично-малиновый); - цвет Y оттенка Z (грязно-коричневый); - цвет плюс окончание -оватый (черноватый); - цвета типа сине-бело-зеленый; - цвет, выступающий отдельными участками или в качестве оттенка на поверхности другого цвета (зелёный с прожелтью); - цвет, господствующий в окружающем пространстве (кругом

черным - черно)[1 с. 98]. М.В. Попович, выдвинул справедливое и обоснованное утверждение, что восточнославянская культура - «заповедник славянской архаики» [5 с. 20], поэтому история развития русской лингвоцветовой картины мира во многом уникальна, так как при принятии христианства мифологическое осмысление цвета славянами вступило во взаимодействие с хорошо разработанной византийской цветовой символикой.

Резюмируя всё вышесказанное, мы приходим к выводу, что роль цвета крайне важна, поскольку она заключается в том как человек видит все то, что его окружает в этом мире, и какие ассоциации у него благодаря этому появляются. Ассоциативность цвета наиболее чётким образом мы можем проанализировать в языке в виде огромного количества устойчивых выражений, которые содержат в себе элемент цвета, это обусловлено тем, что они имеют своего рода целостное значение и неизменяемый лексический состав. Культурно-национальные особенности рассматриваемых нами языков являются причинами, из-за которых мы и наблюдаем различия в структурах семантики. Наличие сходств в свою очередь определяет совокупность общих признаков в восприятии цвета носителей языка.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Школа языка русской культуры, 1995.
2. Вежицкая А. Язык. Культура, Познание. М.: Русское слово, 1996
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
4. Норманская Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначения в древних и индоевропейских языках. Москва, 2005.
5. Попович М.В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985.
6. Рахилина Е.В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы. Москва, Индрик, 2005.
7. Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: University of California press, 1969.

МЕТАФОРА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОСТОЯНИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Павлова А.В.¹, Исаева С.К.²

¹ORCID: 0000-0003-1839-3538, ²ORCID: 0000-0003-4374-0589,
Оренбургский государственный университет, г. Оренбург,
Российская Федерация

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена повышенным интересом лингвистов к изучению репрезентации абстрактных явлений, например, чувств и эмоций, в языке. Данная статья выполнена в русле когнитивного подхода к исследованию языка, следовательно, язык рассматривается как одна из когнитивных способностей человека, связанных с другими областями, отражающими взаимодействие психологических, культурных, социальных и других факторов. Цель статьи – проанализировать роль метафорической репрезентации в процессе формирования в сознании человека представлений об одном из центральных феноменов эмоционально-чувственного мира человека - любви - на материале произведений Дж. Мойес.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концептуализация; концепт; сознание; концептуальная метафора; метафоричность сознания; любовь.

METAPHOR IN REPRESENTATION OF STATES OF HUMAN EMOTIONAL-SENSUAL WORLD

Pavlova A.V.¹, Isaeva S.K.²

¹ORCID: 0000-0003-1839-3538, ²ORCID: 0000-0003-4374-0589,
Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

The topicality of research is determined by the intense interest of linguists to mental representation of abstract phenomena, like feelings

and emotions in language. The article is written within the Cognitive Linguistics framework, so language is considered as one of the human cognitive abilities, connected with other areas, reflecting interaction of psychological, cultural, social and other factors. The aim of the article is to analyze metaphorical representation of love in novels by J. Moyes.

Keywords: *cognitive linguistics; conceptualization; concept; cognition; conceptual metaphor; metaphoricity of cognition; love.*

Проблема репрезентации абстрактных явлений в целом и состояний эмоционально-чувственной сферы человека в частности активно изучается актуальным в современной науке направлением – когнитивными исследованиями языка. Когнитивный подход к исследованию языка чувств и эмоций предлагает лингвистам необходимый инструментарий для объяснения абстрактных феноменов через исследование форм языкового сознания, выявляя механизмы концептуализации и категоризации окружающего мира. Одним из таких языковых механизмов является метафора, которую современная лингвистика рассматривает не только как языковое явление, но и как когнитивный механизм.

С точки зрения когнитивного подхода и теории концептуальной метафоры, основоположниками которой являются Дж. Лакофф и М. Джонсон, процесс метафоризации основан на различных способах восприятия событий, эмоций, чувств, идей, которые представлены в виде материальных сущностей и веществ, то есть данное явление представляет собой способ репрезентации знаний в языковой форме [1, с. 49].

Рассмотрим примеры метафорической репрезентации любви в произведении Дж. Мойес. В примере (1) любовь представлена одной из своих характеристик – способностью дарить тепло любимым. Статальная концептуализация (см. подробнее о статальной концептуализации [2]) батареи отопления с помощью когнитивного механизма метафоры приводит к формированию статального смысла ‘любовь – тепло, согревающее любимых’:

(1) *«But she loved people, and she loved her family, and she was true to herself. Radiators are what Jess was. She warmed us all up»* [3, с. 382].

Примеры (2, 3) иллюстрируют концепт LOVE IS A UNITY. Статальный смысл ‘любовь – единство, связь любящих людей’ репрезентирован метафорически:

(2) «*Douglas needs me, she said silently, enjoying the sensation of being united with him against the world*» [3, с. 367].

(3) «*Except that that would have implied she was bound even more tightly to Jason*» [3, с. 344].

Концепт LOVE IS EAGERNESS структурируется метафорически осмысленным голодом как страстным желанием видеть объект своей любви (4), мечтать о нем, искать и ждать с нетерпением встречи (5):

(4) «*But she had bumped into him in the foyer downstairs where, staring at him with the same curious hunger...*» [3, с. 164].

(5) «*Both single. Both middle-aged. I think they've been hankering after each other for years*» [3, с. 116].

Таким образом, концепты, которые путем метафорического переосмысления призваны описать и сделать доступнее нашему пониманию такое значимое для человека, и вместе с тем загадочное, непостижимое и пленяющее чувство, как любовь, подтверждают, что теория концептуальной метафоры, взятая за основу в настоящем исследовании, раскрывает ментальную основу языковой деятельности и объясняет одноименный механизм репрезентации знаний в языковой форме, являясь орудием мышления и познания мира.

Список литературы

1. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон: пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Павлова А.В. Статальная концептуализация знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка / А.В. Павлова. 2016. № 25. С. 751–755.
3. Moyes J. The Peacock Emporium / J. Moyes. London: Hodder & Stoughton, 2014. 436 p.

ПРОБЛЕМЫ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Павлова А.В.

ORCID: 0000-0003-1839-3538, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению проблем вербальной репрезентации эмоциональных состояний. Перечисленные трудности имеют под собой как психологическую, так и языковую основу. Предлагаемое решение находит обоснование в рамках когнитивного подхода к исследованию языковой репрезентации эмоционального состояния. Делается акцент на социокультурную специфику формирования эмоциональных статовых смыслов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; эмоциональное состояние; вербализация; интерпретация; концептуализация; концепт; статовый смысл.

THE PROBLEMS OF VERBAL REPRESENTATION OF EMOTIONAL STATES

Pavlova A.V.

ORCID: 0000-0003-1839-3538, Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russian Federation

The article is devoted to the study of verbal representation of emotional states. The enumerated difficulties has both psychological and linguistic basis. The suggested way out is proved in the framework of Cognitive Linguistics approach to language representation of emotional states. The significance of socio-cultural specificity of emotional stative senses is underlined.

Keywords: Cognitive Linguistics; emotional state; verbalization; interpretation; conceptualization; concept; stative sense.

Эмоциональные состояния, по сути, эмоциональные отношения человека к миру, – психическое явление, возникающее в результате реакции на какое-либо событие мира. Высокая психологическая значимость, широкая представленность в языке и сложность определения и классификации эмоциональных состояний поддерживают интерес ученых к их вербализации на протяжении нескольких последних десятилетий. Проблематика работ, посвященных языковой репрезентации эмоциональных состояний, характеризуется несколькими психологическими и языковыми аспектами.

Во-первых, не всегда и не все эмоциональные состояния получают языковую репрезентацию. Причинами этому могут быть как отсутствие прямой необходимости в вербализации того или иного состояния, так и нежелание определить его и дать ему наименование. В некоторых случаях одно эмоциональное состояние накладывается на другое, образуя комплекс эмоций, что, несомненно, также затрудняет вербализацию. Кроме того, эмоции – это один из компонентов внутреннего мира человека, попытки скрыть эмоции, завуалировать или репрезентовать в языке то, чего нет на самом деле (в плане эмоций) приводят к затруднениям дальнейшей интерпретации.

Во-вторых, определенной патологией считается неспособность человека адекватно воспринять и описать свое состояние. В частности, существуют исследования, подтверждающие, что человечество постепенно становится алекситимическим, то есть неспособным вербально выразить свои эмоциональные состояния.

В-третьих, языковая репрезентация эмоциональных состояний часто обусловлена социо-культурной спецификой. Например, английское восклицание «*Oh, typical*» означает крайнюю степень возмущения чем-либо [1, с. 10]. А выражение «*Well, it's not that bad*» (дословный перевод «*Не так уж это и плохо*») на самом деле означает «*Это ужасно. Но я сильный человек и буду это терпеть*» [1, с. 21].

Более того, для адекватной интерпретации эмоциональных состояний совершенно необходимо знание широкого когнитивного

контекста ситуации, включающего субъекта эмоционального состояния, объекта и причину, вызвавшую соответствующую реакцию.

Заявленный круг проблем вербализации эмоциональных состояний логично перерастает в трудности изучения их языковой репрезентации. Первичная интерпретация эмоциональных состояний и языковых средств их репрезентации достаточно хорошо изучена [2, 3, 4] и выступает основой для изучения их вторичной языковой интерпретации. Язык как прямой путь к человеческому сознанию является ключом не только к реальному (видимому), но и ощущаемому миру. Изучение вторичной языковой репрезентации эмоциональных состояний, то есть выявление источников вторичной концептуализации уже вербализованных знаний о мире, описание когнитивных и языковых механизмов формирования статальных эмоциональных смыслов позволит открыть новые пути решения проблемы репрезентации эмоциональных состояний в языке.

Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте») в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина.

Список литературы

1. Завьялова В. Британия: MIND THE GAP, или Как стать своим / В. Завьялова. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 266 с.
2. Бабенко Л.Г. Обозначение эмоций в языке и речи / Л.Г. Бабенко. Свердловск, 2001. 100 с.
3. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке / Е.М. Вольф // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55–75.
4. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учебное пособие к спецкурсу / В.И. Шаховский. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ин-т, 1999. 94 с.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Соловьев Д.Н., Шулика М.В., Яковлева Л.В.

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
г. Белгород, Российская Федерация

В данной статье авторы рассматривают влияние русской народной сказки на процесс становления духовно-нравственной личности по средствам изучения историографии фольклора и морально-ценностными аспектами сказок.

Ключевые слова: русская народная сказка; духовно-нравственное развитие; личность; фольклор.

RUSSIAN FOLK TALE AS A METHOD FOR FORMING A SPIRITUAL AND MORAL PERSONALITY

Soloviev D.N., Shulika M.V., Yakovleva L.V.

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
Belgorod, Russian Federation

In this article the authors discuss the influence of Russian folk tales in the process of formation of spiritual and moral personality by means of the study of folklore historiography and moral and value aspects of fairy tales.

Keywords: Russian folk tale; spiritual and moral development; personality; folklore.

Сказка являет собой некий базис, включающий в себя принципы и ценности, которые напрямую связаны с моралью и нравственностью, а также идеалами целого народа: именно они в любой период времени помогают людям проникнуться и ощутить свою нацио-

нальную культуру, являющейся основой для складывания личности и менталитета в целом.

В 2011 году была разработана «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», ставшая ядром методологии реализации федерального государственного образовательного стандарта общего образования для средней школы [5], подтверждающая основополагающий характер традиционных российских культурных ценностей и необходимость их сохранения и развития.

Современное состояние культуры представляет собой период переосмысления существующих парадигм, а также самой национальной культуры. По словам А.Н. Кантора, растущее поколение не связывает свои надежды на устроение жизни с государством, полагаясь, прежде всего на личные усилия, ум, талант, умение и ловкость, что требует переработки имеющихся положений и нормативов [6].

Духовно-нравственное развитие является неотъемлемой частью становления личности как целого: одним из важнейших ее компонентов является чувство патриотизма – любовь к семье и Малой Родине, гордость за свой народ, желание помогать развиваться своей стране. Отдельным столпом в данном формировании является знакомство с родным языком и его образцами в литературном творчестве. Именно поэтому большая часть проблем современного общества нашей страны, впрочем, и мирового, основывается на проблемах, связанных с духовно-нравственными вопросами и понятием этих ценностей и включенных в нее дефиниций.

Сказка является звеном, сохраняющие в себе те самые особенности национального характера, которые требуются для сложения потенциально развитой личности. Независимо от того, какие это сказки – народные или авторские, – мы можем с уверенностью утверждать о том, что они являются не только источником развлекательного и познавательного характеров, но и поучительного.

Изначально термин «сказка», каким мы знаем его сейчас, не имел такого значения: в XVII веке для него был характерен поэтический вымысел, и вплоть до XIX века сказка представляла для русского общества «забаву», которая волнует лишь детей и крестьян. В это время интерес к русской народной сказке больше проявляли ино-

странные гости: так, в 1619 году для английского путешественника в Архангельской области были записаны исторические песни о событиях Смутного времени, а в 1660 царский врач, урожденный англичанин, записал две сказки связанные с именем Ивана Грозного [2].

Не смотря на уничижительное отношение к данному виду творчества, представители русских литературоведов были заинтересованы сказками как предметом, через который можно узнать «настоящий русский дух». Первым в данном направлении актуальности изучения «души русского народа» начал работать В.Н. Татищев (1686–1750), который вывел свое понятие сказки, где она являлась отражением истории и жизни русского народного быта: он советовал описывать народные обычаи, обряды, а также записывать устную прозу, что было изложено в его труде «Истории Российской» [9].

В XVIII веке изучение фольклора было предоставлено в основном работами и трудами, связанными с этнографическими разработками и заметками: можно выделить таких деятелей как М.В. Ломоносов (1711–1765), А.П. Сумороков (1717–1777), А.Н. Радищев (1749–1802) и других. Хотя большее внимание в это время стало уделяться песенному жанру, который активно занимал лидирующие позиции, стоит отметить сборник сказок В.А. Левшина (1746–1826), а также книгу Н.И. Новикова (1744–1818) под названием «Русские сказки в ранних записях и публикациях».

Большую популярность линия работы изучения русских народных сказок приобрела в начале XIX века. Одними из известных работ, посвященных сказкам, являются сборники профессора И.М. Снигерева (1793–1868) «Русские народные пословицы и притчи» (1848) и труд И.П. Сахарова (1807–1863) под названием «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» и «Русские народные сказки» в двух томах.

В XX веке ведется большая работа по сбору и классификации имеющейся информации, начинают издаваться материалы прошлых экспедиций, начиная носить характер больше регионального и местного значения, чем всероссийский. Стоит выделить работы Э.В. Померанцевой (1899–1980), которые были посвящены русской сказке, где она обратилась к общим вопросам сказочного строя и их исто-

рическому пути становления: 1963 – «Русская народная сказка», 1965 – «Судьбы русской сказки» [7].

Стоит упомянуть и о таких деятелях как М.К. Азадовский (1888–1954), Ф.И. Буслаев (1818–1897), А.Н. Веселовский (1838–1906), В.М. Жирмунский (1891–1971), Д.С. Лихачев (1906–1999), Е.М. Мелетенский (1918–2005), Н.В. Новиков (1744–1818), В.Я. Пропп (1895–1970), Ю.М. Соколов (1889–1941) и других.

Всё, что находит отклик в душе человека, является частью нравственного воспитания. Например, с точки зрения гендерного подхода можно выделить следующие черты, которые сказка помогает сформировать и заложить не только в сознании у ребенка, но и взрослого человека [1]:

- мужские черты: желание побеждать противника, противостояние трудностям, мужество, уважение и любовь к женщине (всё это обуславливается методами сражений, важности соблюдения правил, типологии противостояний (сила, предусмотрительность, командная работа, тактическая беседа);
- женские черты: осмысление женственности, слушать сердце и уметь слушать окружающих, хозяйственность, терпимость;
- объединенные: сказки, которые завершаются воссоединением главных героев истории, формируют нравственные качества личности и национальных черт характера.

Круг ценностей, которые охватывают сказки, велик. Стоит говорить о том, что система «аксеологического я» не остается в стороне, так ценности связанные с саморазвитием творческой индивидуальности и самореализации представляют себя в роли ценностных ориентиров собственного самопознания.

Сказки играют роль некоего хранителя и транслятора уже сложившейся ранее национальной культуры, формируя восприятие понятийного содержания на трех уровнях[2]:

- языковой, то есть достижение понимания различных форм и средств текста;
- текстовый, то есть формирование сознательной последовательности сюжета по средствам прочтения сказок;
- концептуальный, то есть понимание основной идеи сказки.

Данные произведения являют собой накопленный опыт прошлых веков и для их полного восприятия нужно иметь определенный уровень знаний. Информация, трактуемая по средствам сказок, имеет ориентир на действительность, обусловленную национально-культурным компонентом, который важен, как и для становления личности детей и подростков, так и для полноценного восприятия чужой культуры. Мир сказки представляет собой некую интерпретацию сложившегося менталитета общества и его историю: эта картина мира помогает человеку сориентироваться в дальнейшем пути на данном пространстве, формируя национальные стереотипы и коммуникативные потребности современного общества.

Еще одним аспектом можно считать полноценное восприятие сказок, выделение основных дефиниций содержания основного текста, необходимых для выявления пословиц и поговорок, а также иных элементов данного вида народного творчества, актуализируя ассоциативный и символический подходы к рассмотрению текста.

Неотъемлемой частью для русской культуры стали такие сказочные персонажи как Баба Яга, Змей Горыныч, Кощей Бессмертный, различные волшебные предметы в роли самовара или скатерти-самобранки и другие. Именно они определяют визуальные образы, характерные для формирования общей картинки у носителей одного языка. В книге «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Проппа они рассматриваются как одни из основополагающих элементов для создания сюжета не только самой сказки, но и реальной картины мира в целом.

По мнению лингвистов, человек должен пройти процесс социализации для полноценного становления себя как личности, где с помощью родного языка сказка представляет собой транслятор культуры. Другой аспект, который помогает развивать духовно-нравственный потенциал общества с помощью сказок, является ориентация во временном пространстве. Как справедливо отмечает В.Я. Пропп «Время. Нет предшествующего времени и нет последующего. Пространство познается в действии, время – в абстракции. Поэтому в фольклоре есть пространство и нет времени» [8].

Соглашаясь с В.Я. Проппом, стоит отметить, что числа в сказках тоже имеют свое значение. Так число «три» представляет со-

бой, числовой предел: «Три – рубеж. Три – много и сильно. Все повторяется: три раза есть выражение интенсивности действия, а не количества. Поэтому третья задача – самая трудная, третья царевна – самая красивая и т. д.» [8]. Необязательно, что это имело именно прямое значение «третий по счету», это могут быть и три раза повторяющиеся различные части речи, будь то глаголы или существительные, повторы ситуаций или речей героев.

Отдельным столпом выделяется понятие «хронотопа», который включает в себе синтез временного и пространственного соотношения. По мнению М.М. Бахтина, «... в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-заметным; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп. Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе: этот образ всегда существенно хронотопичен...» [3].

Благодаря сказочному хронотопу, исследователь выделил следующие понятия временного континуума, которые, безусловно, можно перенести на существующую реальность современного общества:

- коллективное, то есть вся деятельность людей сводится не к индивидуалистическому потреблению и восприятию реальности, а к коллективному восприятию пространства;
- трудовое, которое означает единение различных процессов, обуславливающих временные промежутки, в которых действует человек;
- время расцвета, то есть процесс умножения ранее накопленных благ по средствам увеличения значимости морально-цен-

ностного ориентира в жизни общества без индивидуализации деятельности, оставаясь коллективным объектом;

- действие, которое максимально устремлено на достижение определенной цели и преследует основную нить все сказки (в жизни можно соотнести с перспективным или стратегическим планированием);
- цикличность пространства и времени, то есть «... времена года, возрасты, ночи и дни (и их подразделения), совокупление (брак), беременность, созревание, старость и смерть – все эти категории-образы одинаково служат как для сюжетного изображения человеческой жизни, так и для изображения жизни природы (в земледельческом аспекте)»;
- единство времени, то есть «... жизнь одна, и она вся сплошь исторична; еда, питье, совокупление, рождение, смерть не были здесь моментами частичного быта, – но были общим делом, были историчны, были неразрывно связаны с общественным трудом, войной и выражались и изображались в одних и тех же категориях-образах...»;
- «... время это все вовлекает в свое движение, оно не знает никакого неподвижного устойчивого фона. Все предметы – солнце, звезды, земля, море и другое – даны человеку не как предметы индивидуального созерцания или незаинтересованного размышления, но исключительно в коллективном процессе труда и борьбы с природой. Только в этом процессе он с ними встречается, и только сквозь призму этого процесса он их осознает и познает. Они участвуют в сюжете и не противопоставлены действиям как фон их».

Сказка дает осознать людям так называемые круги модели мира, то есть границы вселенной «от человека»: первый круг – это человек, а в данном случае границами является сам человек, его одежда и тело. В связи с этим и вытекают различные обряды не только в самих сказках, но и в жизни: прядение, ткачество, одевание-раздевание и другое [8]. Вторым кругом является дом человека и его ближайшее окружение, где с точки зрения мифологической картины мира он является местом жительства духов и домовых. Другой ча-

стью осознания не только ритуальности, но и бытовой жизни сказки, представляют собой следующие круги: граница своего и чужого, а другая – граница своей Родины.

Как и в далеком прошлом, так и сейчас, актуальность поиска ответа на вопрос значения истины или доброты, не угасает: сказки помогают нам сориентироваться в данных вариациях нашего мышления, так как именно вечные ценности, заложенные в данных произведениях, имеют беспрекословное влияние, как и на политическую, так и гуманитарные сферы современного общества.

Понятие такой ценности как добра является первоосновой сказочного мира, которая также ярко прослеживается и в реальной жизни, ведь все делится на доброе и плохое, будь то герои или их действия. «Добро – это наиболее общая оценочная категория, характеризующая все то, что способствует благополучию человека, общества, человечества в целом. Вследствие этого в разные эпохи представления о добре различны, и добро в понимании одних может расцениваться другими как его противоположность – зло. Борьба хаоса и порядка, присущая эволюции Вселенной, на социальном уровне предстает в виде борьбы зла и добра» [4].

Сказка как форма обучения и воспитания подрастающего поколения и народа в целом помогает осознать важность сохранения и развития накопленного ранее предками потенциала. Так, К.Д. Ушинский называет их «памятниками народной педагогики» и говорит, что «... лучшие природные педагоги России – это бабушка, мать и дед, не слезающий с печи, они понимали инстинктивно и знали по опыту, какую огромную воспитательную и образовательную силу таит в себе народная сказка...» [10]. Продолжая свою мысль, ученый говорит о том, что в сказке «... с логической мыслью срастается прекрасный поэтический образ, развитие ума идет дружно с развитием фантазии и чувства...» [10].

В своей статье Л.А. Харавева, рассматривает «русские сказки – это огромный фольклорный мир, в котором запечатлена тысячелетняя самобытная история русского народа. Веками по крупицам складывалась славянская ценностная картина, где, несмотря на смену историко-культурных эпох, всегда абсолютизировались доброта, жалость к слабому, отрицание эгоизма. Комплекс этих моральных

ценностей обнаруживается во всех жанрах русской народной сказки: сказках о животных, волшебных сказках, бытовых новеллистических сказках, сказках-анекдотах...» [11, 78].

Таким образом, идеалы истины, добра и красоты – вот основные точки соприкосновения, к которым должно стремиться современное общество. А сказка является тем инструментом, с помощью которого мы можем сформировать и воспитать полноценную и гармонически устойчивую личность.

Список литературы

1. Аверин В.А. Психология детей и подростков: Учеб. пособие / В.А. Аверин. СПб. 2010. 379 с.
2. Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций / В.П. Аникин. М.: 1996. 408 с.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман / М.М. Бахтин. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
4. Васильева Г.М. Ценностные приоритеты россиян / Г.М. Васильева, Л.И. Харченкова // Общество. Среда. Развитие. СПб.: Астерион, 2008. №1. С. 48–58.
5. Данилюк А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. М.: Просвещение, 2009. 29 с.
6. Кантор В.К. Стихия и цивилизация: два фактора «российской судьбы» / В.К. Кантор // Вопросы философии. № 5. 1994.
7. Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки / Э.В. Померанцева // АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1965. 220 с.
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп // Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, 1986. 362 с.
9. Татищев В.Н. История Российская [Электрон. ресурс] / Электрон. текст. дан. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rusTatishcev/>
10. Ушинский К.Д. Сказки и рассказы / К.Д. Ушинский. М.: Эксмо, 2009. 80 с.
11. Хараева Л.А., Берберова Л.Б. Русские народные сказки как средство воспитания альтруистически ориентированной личности / Л.А. Хараева, Л.Б. Берберова // Экономическое и гуманитарное исследование регионов. №2. 2015. С. 76–79.

**МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ
ЛАКУН (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА РОБЕРТА ИРВИНА
«АРАБСКИЙ КОШМАР»)**

Стукалова А.Г.¹, Дехнич О.В.²

¹ORCID: 0000-0003-3129-0189, ²ORCID: 0000-0001-6088-2656,
НИУ «БелГУ», Белгород, Российская Федерация

Данная статья посвящена рассмотрению смысловых пустот, возникающих на стыке разных языков и культур, что препятствует успешному завершению акта коммуникации в целом, и в художественном тексте в частности. Фактическим материалом исследования был выбран постмодернистский роман Роберта Ирвина «Арабский кошмар», заключающий в себе огромное количество лагун, завуалированных в тексте, где был проведён анализ данных смысловых пустот на основе контекста, а также поиск их семного состава в словарях. В результате исследования было выявлено несколько новых способов элиминирования лагун, к которым прибегает переводчик при переводе художественных текстов. Использование метафоры и её форм, коррелирующих с основными способами передачи лагун, показало достижение успешности и адекватности перевода с сохранением художественности текста.

Ключевые слова: лагуна; метафора; межкультурная коммуникация; лагунология; когнитивная лингвистика; постмодернизм; переводоведение.

**METAPHORS AS A WAY OF ELIMINATION
OF LACUNAS (A CASE STUDY OF THE NOVEL
OF ROBERT IRVIN "THE ARABIAN NIGHTMARE")**

Stukalova A.G.¹, Dekhnich O.V.²

¹ORCID: 0000-0003-3129-0189, ²ORCID: 0000-0001-6088-2656,
BelSU, Belgorod, Russian Federation

This article is devoted to consideration of the semantic emptiness arising on a joint of different languages and cultures that interferes

with a successful completion of the act of communication in general, and in the literary text in particular. As the actual material of a research has been chosen the postmodern novel of Robert Irvin the "The Arabian nightmare" comprising a huge number of the lacunas veiled in the text where it has been carried out the analysis of these semantic emptiness on the basis of a context, and also search of their semny structure in dictionaries. As a result of a research several new ways of elimination of lacunas to which the translator at the interpretation of literary texts resorts have been revealed. The usage of a metaphor and its forms correlating with the main ways of transfer of lacunas has shown achievement of success and translation adequacy with preservation of artistry of the text.

Keywords: *metaphor; lacuna; cognitive linguistics; cross-cultural communication; postmodern literature; theory of translation; lacunology.*

В процессе межкультурной коммуникации между собеседниками возникает множество недопониманий, возникающих по причине отсутствия определенных явлений и понятий в одной из культур, разницы в представлении об одних и тех же предметах, а также пропуски на всех уровнях языка.

Основные **проблемы**, которые поднимаются в данном научном исследовании, являются, во-первых, невысокий уровень изученности категории лакунарности в области переводоведения, по сравнению с этнопсихологией и лингвокультурологией. А, во-вторых, необходимость выявления новых способов адаптации лакун при переводе художественных текстов. **Объектом** исследования выступила категория лакунарности в английском языке на фоне лексического и лингвокультурного пласта русского языка.

Основополагающими теоретическими исследованиями в данной области являются работы И.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокина, которые ввели науку лакунологию, характеризующие понятие «лакуна» как «термин, для того, что есть в одной локальной культуре и чего нет в другой» [3, с. 20]. Исходя из учений, зафиксированных в учебном пособии «Культура и текст. Введение в лакунологию»,

лакуны встречаются на всех языковых уровнях, затрагивают все имеющиеся в русском языке части речи, а также непосредственно коррелируют с экстралингвистическими и культурными особенностями нации.

Основной сложностью, с которой сталкиваются исследователи, изучая категорию лакунарности, являются способы передачи лакун, которые отражают национально-специфическое своеобразие одного языка на фоне другого. И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин, Э.А. Николаева, Т.В. Акашева и Е.А. Морозова выделяют различные способы элиминации лакун на язык перевода, которые пересекаются с трансформациями, зафиксированными в учениях по теории перевода. В совокупности, все их классификации сводятся к следующему перечню способов элиминирования лакун: заполнение, компенсация, перифраза, смешанный перевод, транслитерация, транскрипция, калькирование [3, с. 89–107; 5, с. 4; 1, с. 14–15].

Фактическим материалом исследования были выбраны пост-модернистский роман англичанина Роберта Ирвина «Арабский кошмар» и его перевод на русский язык, выполненный переводчиком В. Коганом, из-за достаточного содержания лингвистических и этнокультурологических лакун. В процессе исследования, было зафиксировано несколько интересных примеров адаптации лакун, при помощи метафор, которая является одним из самых распространённых изобразительно-выразительных средств. Одним из примеров является лакуна «*spreadeagled*» в предложении «*One Franciscan lay face-down, spreadeagled in front of the altar*» [6, с. 8], которое было переведено как «распластавшись ниц» при помощи метафорического перевода, что даёт более яркую картину происходящего. Ещё одним примером выступило использование заполнения с метафорическим приукрашиванием лакуны «*in disguise*», переведённой переводчиком «скрываются под чужой личиной», данный способ благоволил большей успешности перевода, так как обычное заполнение привело бы к утрате всей художественности предложения. Также элиминирование лакуны «*wryly*», при помощи компенсации с метафорическим уклоном, и перевод «с горькой

усмешкой» помогают сохранить национальное своеобразие языка и культуры оригинала произведения.

Таким образом, при переводе художественных произведений невозможно упускать из виду передачу изобразительно-выразительных средств, которые помогают сохранить адекватность текста и привести к успешности перевода. Использование метафорического перевода, заполнения с метафорическим приукрашиванием и компенсации с метафорическим уклоном способствуют усилению художественности текста перевода и сохранению фонового лингвистического и культурного пространства произведения. В результате, метафора и её разновидности, адаптированные под способы элиминирования лакун, являются отличными инструментами передачи языкового и культурного своеобразия, избегая при этом сухости текста перевода.

Список литературы

1. Акашева Т.В. Проблемы перевода безэквивалентной лексики на немецкий язык (на примере повести Б. Акунина «пиковый валет») / Т.В. Акашева, Е.А. Морозов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4. С. 13–16.
2. Арабский кошмар: Роман / Пер. с англ. В.Когана. Илл. Д. Робертса. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2011. 334 с.
3. Марковина И.Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. М.: ГЭОТАР, 2008, 144 с.
4. Мюллер В.К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300000 слов и выражений / Complete English-Russian Russian-English Dictionary: 300000 Complete. М.: Эксмо, 2013. 1328 с.
5. Николаева Э.А. Лакунарность языка как переводческая проблема (опыт классификации лакун) / Э.А. Николаева // Современные проблемы перевода. М., 2005. С. 1–6.
6. Robert Irwin The Arabian nightmare // Dedalus. 1983. 172 p.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ УЧЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Турлова Е.В.

ORCID: 0000-0002-2234-626X, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Коммуникативно-прагматическая ситуация определяет возможности воздействия в названиях англоязычных учебно-методических пособий посредством определенных лингвистических и экстралингвистических средств. В статье описываются информативной, механистическое и имиджевое речевое воздействие в текстах названий англоязычных пособий и учебных материалов.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация; речевое воздействие; название; учебный дискурс; информативное воздействие; механистическое воздействие; имиджевое воздействие.

COMMUNICATIVE IMPACT STRATEGIES IN CONTEMPORARY ENGLISH-LANGUAGE EDUCATIONAL DISCOURSE

Turlova E.V.

ORCID: 0000-0002-2234-626X, Orenburg state university,
Orenburg, Russian Federation

The communicative and pragmatic situation determines the possibility of exposure in the titles of English-language teaching textbooks through certain linguistic and extra-linguistic means. The article describes informative, mechanistic and brand-image speech impact in the texts of the English-language manuals and teaching materials titles.

Keywords: communicative situation; verbal impact; title; educational discourse; informative impact; mechanistic impact; image impact.

Интеграция прагматического и коммуникативного подходов играет ведущую роль в описании языка и его возможностей в процессе изучения роли языка как инструмента интерпретации мира человеком, что создает объективные условия для полного извлечения информации из коммуникативной ситуации. Материал нашего исследования представлен выборкой из 1200 названий англоязычных учебно-методических пособий иностранных издательств, выпущенных с период с 2008 по 2017 годы, поскольку именно эти учебные издания являются отражением англоязычной картины мира и являются некой обобщенной моделью мира, представленного данным типом учебных текстов. Исследование структуры и характера коммуникативно-прагматического воздействия является основной задачей нашего исследования, поскольку каждый текст названия отражает как обобщенную, предметную, так и коммуникативную ситуацию, описывая особенности воздействия на заданную аудиторию.

Названия англоязычных учебно-методических пособий рассматриваются нами как малоформатные тексты рекламного характера, осуществляющие воздействие на адресата-получателя рекламной информации – студента, преподавателя, родителя, любого лица или группы лиц, заинтересованного в данного рода товаре. Представляется необходимым описать функциональные параметры рекламно-учебной составляющей текста названий англоязычных учебных пособий, которые позволяют обнаружить его прагматические маркеры, обеспечивающие воздействие на адресата. В связи с этим представляется целесообразным обобщить основные сведения о маркерах прагматического воздействия с целью их дальнейшей классификации.

Вопросом воздействия, вербального и невербального, занимались такие отечественные и зарубежные ученые, как А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, А.А. Романов, и др. Среди факторов, обеспечивающих воздействие, исследователи называют лингвистический и экстралингвистический. Лингвистический фактор интерпретирует реальность, отражает действительность и репрезентируется лексическими средствами - квазисинонимия намеренная двусмыслен-

ность, коннотативные компоненты значения, эксплицитность и имплицитность плана содержания; помещение желаемого для адресата компонента смысла в имплицитный пласт высказывания относятся именно к этому типу воздействия [1]. Экстралингвистический фактор объединяет такие компоненты, как социальный, когнитивный и семиотический. Данные компоненты отражают информационную структуру прагматического потенциала исследуемых текстов.

Достижение воздействия наиболее оптимальным способом предполагает исследование и описание вербальных и невербальных маркеров воздействия, позволяющих достичь желаемого результата. Прагматическое воздействие в названиях англоязычных учебных пособий осуществляется на основе различных коммуникативных стратегий. В рамках нашего исследования под *коммуникативным воздействием* мы будем понимать спланированное разно уровневое воздействие. Когнитивный уровень предполагает воздействие на знания адресата, аффективный уровень – на отношения и коннотативный – на намерения. Так воздействие осуществляется на рациональную сферу через рациональную аргументацию и убеждение, на эмоции реципиента – через воздействие на эмоциональный компонент [2].

В практике отечественных и зарубежных языковедов отмечается, что рекламная функция может осуществляться посредством использования различных техник речевого воздействия:

1) информативное (рациональное) воздействие, вызывающее к разуму потенциального клиента. Данный вид воздействия основан на убеждении, т.е. воспроизведение референтной ситуации обеспечивает концептуализацию знания при восприятии с минимальными субъективными коннотациями. Например:

Grammar Goals, Nicole Taylor, Macmillan ELT Catalogue 2015: 9;
Macmillan Children's Reader, Macmillan ELT Catalogue 2015: 17;
Grammar Practice, Brigit Viney, Pearson, режим доступа – <http://www.pearsonelt.ru/showpage.php?pageID=45&categoryId=78185>

2) механистическое воздействие осуществляется за счет апелляции к определенным стереотипам:

Eyewitness, Adriadna Ridaelli, Pearson, режим доступа – <http://www.pearsonelt.ru/showpage.php?pageID=45&categoryId=80027>

The Business 2.0, John Allison, Macmillan ELT Catalogue 2015: 38;
English for Law Enforcement, Charles Boyle, Macmillan ELT Catalogue 2015: 42.

3) имиджевое или эмоциональное воздействие обращено к чувствам, эмоциям адресата. В данном случае моделируется денотативная ситуация, в которой образ и референт вступают либо в отношения противопоставления для нейтрализации отрицательных или сложных жизненных ситуаций. Например:

Ready for First, Roy Norris, Macmillan ELT Catalogue 2015: 46;

Ready for Advanced, Roy Norris, Macmillan ELT Catalogue 2015: 46;

Direct to IELTS, Sam McCarter, Macmillan ELT Catalogue 2015: 47;

Direct to FCE, Roy Norris, Macmillan ELT Catalogue 2015: 47.

В рамках проведенного исследования представляется возможным говорить о наличии определенных коммуникативно-прагматических стратегий воздействия в названиях англоязычных учебно-методических пособий. Выявление и описание маркеров воздействия в исследуемом типе текстов позволяет побуждать адресатов к определенным действиям, мотивировать учебную деятельность. Поэтому адекватная интерпретация механизмов и способов воздействия в названиях англоязычных учебно-методических пособий позволяет раскрыть прагматический потенциал исследуемых текстов.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М., 2004. 390 с.
2. Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство языкового воздействия и манипулирования / Ю.К. Пирогова // Проблемы прикладной лингвистики. М.: Азбуковник, 2001. С. 209–227.
3. Macmillan Education Catalogue 2015, English Language Teaching, 2015–2016, 57 p.
4. Longman Pearson English Language Teaching Catalogue. Режим доступа – <http://www.pearsonelt.ru/showpage.php?pageID=45&categoryId=78138>

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА ПРОПОВЕДИ КАК ЖАНРА РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ

Файзуллина Э.Ф.

ORCID: 0000-0002-8208-0977, Российский исламский институт,
г. Казань, Российская Федерация

В конце 20 в. ученые обратили внимание на особый функциональный стиль речи – религиозный, своеобразие которого связано не только с нормами литературного языка, но и с высоким замыслом проповеди имама. Проповедь как жанр религиозного стиля – особенный: и по силе воздействия, и по содержанию, и по глубине высказываемых в ней мыслей. Полагаем, что уменью составлять, а затем и читать проповеди необходимо учиться.

Ключевые слова: русский язык; религиозный стиль; жанры; проповедь.

THE SERMON AS GENRE OF RELIGIOUS STYLE

Faizullina E.F.

ORCID: 0000-0002-8208-0977, Russian Islamic University,
Kazan, Russian Federation

At the end of the 20th century the scientists paid attention to the specific and functional style of speech that is religious, the peculiarity of which is not only connected with the norms of literary language but with the high sense of the sermon produced by imam. The sermon as genre of religious style is specific due to the power of influence and the plot and the thoughts expressed in it. It is imperative to study to create and then to read the sermon.

Keywords: Russian; religious style; genres; sermon.

В конце XX века ученые-языковеды обратили пристальное внимание на проблему, связанную с разнообразием функциональных

стилей в современном русском литературном языке. Миллионы русскоговорящих граждан обратились тогда к вере, активно создавая тем самым новый вид коммуникации – религиозный, который начал свое формирование на постсоветском пространстве, а вслед за ним и ученые заговорили о новом функциональном стиле – религиозном. В учебном пособии по социальной лингвистике Н.Б. Мечковская отмечает, что обращение к высшим силам требовало речи, отличной от обиходной...» [4, с. 18].

Лингвистов в первую очередь интересовали стилистические и жанровые особенности религиозного стиля. Языковеды, изучающие религиозный стиль речи, выделяют разновидность жанров, представляющих данный стиль. К нему относятся молитва, проповедь, притча, жизнеописание Пророков. Большая часть исследователей считает, что основным жанром религиозного стиля является проповедь.

Сами проповеди можно некоторым образом классифицировать. С одной стороны, это тексты, посвященные изучению и толкованию Корана, жизни Пророка. С другой стороны, так называемые праздничные проповеди, произносимые в особые дни: Маулид, Рамадан, Ураза-байрам, Курбан-байрам и им подобные. Есть и проповеди, содержащие в себе социальную направленность, затрагивающие проблемы воспитания, отношений между людьми, семейные вопросы, общественные резонансные события и иные.

Вместе с тем проповеди можно классифицировать и по-иному: разъяснительные, свободные, повествовательные и т.д.

Какой бы классификации мы не подвергли проповеди, вне сомнений тот факт, что этот жанр религиозного стиля – особенный: и по силе воздействия, и по содержанию, и по глубине высказываемых в ней мыслей. Полагаем, что умению составлять, а затем и читать проповеди необходимо учиться.

Многие словари определяют понятие «проповедь» как речь религиозно-назидательного содержания, произносимая в храме, по-иному можно трактовать проповедь как монологическое высказывание, посвященное отдельно взятому разделу религиозного учения или явлению современной действительности. Можно попытаться сравнить проповедь с лекцией, но лекция имеет иное предназначение. Во-

первых, она имеет достаточно строгую научную форму, содержит объективный взгляд на вещи, без каких-либо субъективных оценок, во-вторых, в ней не могут присутствовать возвышенная тональность, чувства, которые бы оказывали воздействие на слушателей. Если сравнить проповедь с беседой, то и тут невозможно найти полного совпадения, ведь беседа – это речь, не требующая четкого плана, конкретной темы, беседовать можно обо всем. И в этом – отличие её от проповеди. Таким образом, проповедь – это и ни беседа, и ни лекция. Проповедь содержит конкретную тему, которую необходимо логически развить, и чувства, которые наполняют сердце и душу слушающего.

Проповедь должна иметь смысл, то есть у нее должны быть предмет, тема, тезис (утверждение), который необходимо раскрыть всем её содержанием. Предмет речи – это некий фрагмент действительности, которому посвящено речевое произведение. В большинстве случаев при подготовке к выступлению известен именно предмет речи, то есть то, какому событию будет посвящена речь. В качестве предмета можно выделить изучение конкретной суры или аята Корана, хадисов, учение о двух мирах, о человеческих добродетелях и подобное. Тема проповеди – это своеобразная проекция предмета, то, что положено в основу выступления, о чем говорится в тексте, то есть та конкретная мысль, согласно которой строится логически выверенная цепочка аргументов, доказывающих её.

А.А. Волков выделяет следующие требования к теме:

«Тема представляет собой по возможности простое, завершённое, полное, двусоставное предложение.

Тема должна быть краткой и легко воспроизводимой. Поэтому предложение, содержащее тему, распространяется умеренно.

Тема должна быть понятной как аудитории, так и самому риторю. Поэтому при формулировке темы следует избегать необычных слов, специальных терминов или слов с неопределённым значением.

Тема должна быть приемлемой для аудитории. Поэтому при её формулировке следует избегать резких, оскорбительных и нелитературных слов и оборотов.

Тема должна быть интересной и актуальной. Поэтому ритор, формулируя тему, стремится привлечь к ней внимание и интерес аудитории.

Формулировка темы должна быть проблемной. Очевидные и бесспорные суждения тривиальны.

Тему следует формулировать таким образом, чтобы она могла быть раскрыта исчерпывающим образом.

Тема должна быть обильной – содержать такие ключевые слова, которые позволяют полностью раскрыть и обосновать мысль, положенную в ее основу» [1].

Откуда черпать темы выступлений? Сама жизнь подсказывает их. На выбор темы влияют и такие факторы, как личность говорящего, его опыт и жизненные переживания, уровень образования, кругозор. Немаловажное значение имеют и особенности аудитории, перед которой придется выступать: социально-профессиональный состав, культурно-образовательный уровень, возрастные особенности. В любом случае, формулируя тему выступления, оратор определяет цель, которую будет преследовать на протяжении всего выступления.

Известно, что любой текст имеет классическую композицию: вступление, основная часть, заключение. Проповедь строится таким же образом, однако план её следует несколько видоизменить, исходя из типа речи. Текст проповеди – это в первую очередь текст-рассуждение, который предполагает наличие тезиса, нескольких доказательств с разъяснениями их, и, безусловно, вывод в качестве заключения.

Вступление в тексте проповеди играет важную роль: искусно составленное вступление должно не просто привлечь внимание слушателей, а настроить на восприятие важных вещей, расположить человека и к самому выступающему. Чаще всего вступление прямо указывает на тему проповеди. Полагаем, что первые слова должны содержать общие сведения: о чем будет идти речь, чему посвящена тема выступления, то есть сформулирован тезис, требующий последующих доказательств.

Вторым компонентом проповеди является основная часть – самая значимая часть проповеди, раскрывающая тему на основе подобранных доказательств. Здесь очень важно подобрать фактический материал, обратившись к основным источникам: Корану, хадисам, жизнеописаниям Пророка, притчам. Однако разъяснения могут быть взяты и из современной жизни, благо материала сегодня предостаточно: газеты, журналы, телевидение, интернет предоставляют исчерпывающее

количество примеров, главное – уметь и уместно их подобрать. Стоит помнить, что важен не сам материал или информация, а умение эту информацию переработать и дать ей нужную оценку. Наряду с композиционно-логической стороной большое значение имеет и содержательная сторона. Яркость и эмоциональную насыщенность придают речи оратора различные назидательные примеры из жизни Пророков.

Заключительная часть проповеди (третья) особая: с одной стороны, она служит окончанием речи, с другой – звучит как напутствие, ещё раз подтверждающее тезис и предполагающее дальнейшее размышление по теме выступления.

Разделив проповедь на смысловые части, выступающий последовательно и ясно изложит тему, что в свою очередь сделает речь логически завершенной и позволит донести мысль до окружающих. Следовательно, содержание проповеди, ее качество в первую очередь зависят от личного вклада самого говорящего и его подготовки.

В заключение хотелось бы отметить следующее: каждый оратор должен помнить о том, что монотонная речь не привлекает внимание слушателей, утомляет. Необходимость следить за темпом речи, дикцией, интонацией и голосом – это не рекомендации, а обязательное условие успешного произнесения проповеди.

Список литературы

1. Волков А.А. Курс русской риторики. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/03v/volkov/ritorika/37.html> (Дата обращения 04.04.2015).
2. Гадомский А.К. Стилистический подход к изучению религиозного языка // Стил. № 7. Белград, 2008. С. 21–36.
3. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты современного русского языка. М.: Наука, 1989. С. 136.
4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 1996. 207 с.
5. Рассуждения о профессиональном религиозном образовании. [Эл. ресурс]. URL <http://www.tarihi-mechet.ru/> (Дата обращения 28.12.2014).
6. Русский язык и культура речи. Семнадцать практических занятий: учеб. пособие / Под ред. Е.В. Ганапольского; А.В. Хохлова. СПб.: Питер, 2010.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Хрущева О.А.

ORCID: 0000-0002-5640-4165,

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург,
Российская Федерация

В статье рассматривается проблема отражения культуры в языке. Автор исследует культурно-обусловленные единицы, образованные по типу блендинга на материале русского и английского языков. В результате анализа получены данные о культурных ценностях конкретной нации и реалиях общественной жизни в той или иной стране.

Ключевые слова: *бленд; бленд-культурема; блендинг; ключевые слова; культура; окказионализм; словообразование.*

THE KEY WORDS OF THE CONTEMPORARY TIMES

Khrushcheva O.A.

ORCID: 0000-0002-5640-4165, Orenburg State University,
Orenburg, Russian Federation

The paper deals with the problem of culture and language. It studies culture motivated blends in the Russian and English languages. As a result of the analysis the author draws conclusions on culture values of the nation and public life in the country.

Keywords: *a blend; a culture-motivated blend; blending; key words; culture; a nonce word; word building.*

Взаимодействие, взаимопроникновение и взаимовлияние языка и социума является доказанным, но, тем не менее, открытым вопросом в среде ученых-лингвистов, для которых степень и харак-

тер воздействия социальных явлений на язык представляют значительный интерес. В фокусе нашего внимания находится проблема формы отражения исторически значимых событий и феноменов в языке, а именно те языковые средства, которые носители языка избирают для именования тех или иных важных для них объектов или процессов. Таким образом, объектом изучения выступают лексемы, характеризующиеся культурно-исторической значимостью для представителей конкретного общества.

Согласно Е.А. Земской, лексические единицы подобного рода могут быть названы «ключевыми словами»; к ним относятся лексемы, которые появляются в языке как реакция на конкретные события общественно-политического характера, хранят и транслируют дух эпохи [1, с. 23]. Несмотря на то, что такие единицы являются образованиями на случай, окказионализмами, возникающими под давлением среды и обстоятельств, их план содержания и выражения способствует узнаваемости и закреплению в речи.

Зачастую анализируемые нами единицы образуются по типу блендинга несмотря на то, что данный способ словообразования признается периферийным. По нашему определению, бленд образуется в результате взаимодействия двух или более исходных коррелятов, которые проходят процесс усечения и объединяются в единую лексему, либо имеют сходные фрагменты в своей структуре и объединяются путем наложения [2, с. 6].

Ключевые слова-бленды широко известны в среде носителей языка и активно ими используются, о чем свидетельствуют результаты ежегодных выборов «Слово года», которые проводятся как в России, так и в других государствах. Ярким примером, часто упоминаемым как в средствах массовой информации, так и звучащем из уст обывателей, может послужить лексема Brexit < Britain (British) + exit, значение которой связано с выходом Великобритании из состава Европейского Союза.

В 2016 году по результатам выборов названная единица стала словом года в России, но стоит отметить, что в русский язык данное слово было заимствовано с соблюдением фонематиче-

ских норм и обрело форму «брекзит\брексит». В списке популярных лексем также значатся дериваты «кадыринг», «трампизм», а также бленды «зловцо», «предскажулики» [3]. Необходимо отметить превалирующую отрицательную коннотацию анализируемых единиц с ироническим или саркастическим оттенком, что может свидетельствовать об озлобленности и мрачном настроении в обществе.

На настоящий момент материал исследования составляют бленды-культураны русского и английского языков в количестве 120 и 340 единиц соответственно. Анализ образцов корпуса примеров позволяет сделать выводы о национальных ценностях и приоритетах, об особенностях менталитета, мышления и образа жизни носителей того или иного языка. Диахронический срез демонстрирует эволюцию общественных взглядов на внутрисударственные и внешнеполитические события.

Список литературы

1. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. М.: Изд-во КомКнига, 2005. 224 с.
2. Хрущева О.А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.А. Хрущева. Челябинск, 2011. 22 с.
3. Эпштейн М. Дар слова. Проективный словарь русского языка [Электронный ресурс] / М. Эпштейн. – Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20021104_slovo.html.

**ВИЗУАЛЬНЫЕ КОДЫ МОДУЛЯ-ОТНОШЕНИЯ
«ВОСПРИЯТИЕ-ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ ОБРАЗЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. БАРНСА
“THE SENSE OF AN ENDING”)**

Ярыгина О.Н.

ORCID: 0000-0002-0237-4423, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет, г. Белгород,
Российская Федерация

В статье рассматриваются визуальные коды восприятия информации, представленные цветовыми явлениями в дискурсе Дж. Барнса. Выявляются их основные характеристики, участвующие в раскрытии вербализованного образа «жизнь». Фактический материал взят из произведения “The Sense of an Ending”.

Ключевые слова: зрительное восприятие; вербализованный образ; познание; лингвосенсорика; постмодернизм; авторский дискурс; Джулиан Барнс.

**VISUAL CODES OF THE RELATION MODULE
“PERCEPTION-VERBALISED IMAGES” (BASED
ON JULIAN BARNES’S “THE SENSE OF AN ENDING”)**

Yarygina O.N.

ORCID: 0000-0002-0237-4423, Belgorod State National Research
University, Belgorod, Russian Federation

The paper dwells upon visual sensory codes of information, i.e. shades of colours reflecting various things and events in the discourse under study. The main cognitive features of these codes are singled out and proved to reveal the verbalised image “life”. The illustrations exemplified in the article are taken from Julian Barnes’s “The Sense of an Ending”.

Keywords: visual perception; verbalised image; cognition; language sensory perception; postmodernism; author’s discourse; Julian Barnes.

Как известно, перцептивная целостность, включающая в качестве частей сенсорную информацию или чувственные модальности (боль, жажда, соматические, двигательные ощущения), называется восприятием. Вербализация этой целостности определяется В.К. Харченко (2012) как лингвосенсорика (см. подробнее: [2]). Перцептивный лингвистический синтез зависит от имеющихся у субъекта когнитивных моделей различных предметов и картины мира в целом, то есть от приобретенных и от врожденных, синтез которых является процессом категоризации воспринимаемого. Образ становится панорамным: «То, что воспринималось линейно и последовательно, теперь приобретает одновременную и целостную картинку, а сукцессивное содержание сенсорно-перцептивного образа перерастает в симульный образ. В нем происходит «сжатие» информации, которая, в свою очередь, предполагает делимитации в семантической структуре языкового знака сигнификативных и фоновых смыслов» [1, с. 122].

Зрительному восприятию доступны световые и цветовые явления. По мнению Л.Ф. Чертова, особые символические потенции визуальных образов проявляются не только в семиотизации видимых пространственных структур, но и в активном использовании в качестве символов «явлений, доступных лишь зрительному восприятию» [3, с. 109]. При этом ученый опирается на мнение Э. Кассирера, который показывает, что эти виды символики «генетически связаны друг с другом; различия света и тьмы, дня и ночи сопряжены с символикой «стран света», осмыслением оппозиции «высокое – низкое» и т.п.» [Там же, с. 109]. Подобные визуальные коды находят благоприятную почву в исследуемом нами дискурсе, в котором обнаруживается способность автора выражать мировоззрение, характерное для целой эпохи. Приведем пример: ... *a French way of doing this which is even fancier. They put slices of black truffle under the skin – and do you know what they call it? Chicken in Half-Mourning. I suppose the recipe dates from the time people used to wear nothing but black for a few months, grey for another few months, and only slowly return to the colours of life. Full-, Half-, Quarter-Mourning. I don't know if those were the terms, but I know the gradations of dress were fully tabulated. Nowadays, how long do people wear mourning? Half a day in most cases – just long enough for the funeral or cremation*

and the drinks afterwards [4, с. 109–110]. Через *антитезу*, которая заключается в противопоставлении понятий, связанных между собой внутренним смыслом, постигается образ *жизнь*. Данный прием автор использует для обозначения процесса познания: а) однородности в прошлом (*to wear nothing but black for a few months; grey for another few; and only slowly return to the colours of life*) и неоднородности, разнохарактерности, разноликости, смешанности, многокрасочности жизни в настоящем (*Chicken in Half-Mourning*); б) видимого глазу (цвет: *black, grey, the colours of life*) и того, что доступно лишь умственному взору, а именно: потеря ценностной градации (*Full-, Half-, Quarter-Mourning*), обесценивание культурных феноменов (*Nowadays, how long do people wear mourning? Half a day in most cases...*).

Как видно из примера, в постмодернистском мире отвергается единая ценностная система координат, *жизнь* в этой действительности не вписывается в определенные рамки, *не является жестко регламентированной*.

Таким образом, рассмотренные в рамках модуля-отношения «восприятие-вербализованные образы» визуальные коды, представленные цветовыми явлениями в исследуемом авторском дискурсе, помогли выявить и осмыслить один из смыслообразующих элементов поликодовой системы авторского сознания Дж. Барнса – лингвоперцептивный образ *жизнь*. Проанализированный фактический материал позволяет сделать так же вывод о том, что одной из ключевых, но не единственной, характеристик данного вербализованного образа в постмодернистском тексте является то, что *жизнь* – это «то, что не имеет жестких рамок, что является открытой системой».

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н.Ф. Алефиренко. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Харченко В.К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты / Харченко В.К. М.: Либроком, 2012. 216 с.
3. Чертов Л.Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянской культуры, 2014. 560 с.
4. Barnes J. *The Sense of an Ending*. London: Vintage, 2012. 150 p.

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ КОСТА ЛЕВАНОВИЧА ХЕТАГУРОВА

Бестаева Э.Ш.

Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация

В статье рассматриваются религиозно-философские идеи великого осетинского поэта, гуманиста, выдающегося мыслителя, философа К.Л. Хетагурова. Религиозная тематика является новым этапом творчества Коста. Характерной чертой его творчества является обращение к Божественному бытию и стремление к высшим христианским ценностям.

Ключевые слова: *К.Л. Хетагуров; осетинская философская культура; просвещение; развитие; этические и эстетические особенности; духовное просвещение; православие; религиозно-философские идеи Коста.*

THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TRADITION IN THE WORKS OF KOSTA KHETAGUROV

Bestaeva E.Sh.

North Ossetian State University of a name of K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, Russian Federation

The article considers the religious-philosophical ideas of the great Ossetian poet, humanist, an outstanding thinker, philosopher

K.L. Khetagurov. The religious theme is a new stage in the work of Kosta. A characteristic feature of his work is the appeal to the Divine being and the desire to the highest Christian values.

Keywords: *K.L. Khetagurov; an Ossetian philosophical culture; education; development; ethical and aesthetic features; spiritual enlightenment; Christianity; religious-philosophical ideas Kosta.*

«Я – осетин Коста Хетагуров, художник,
поэт и народный певец, всю жизнь мою
посвятил воспитанию наших и всего
Северного и Южного Кавказа»

Вторая половина XIX века в Осетии характеризуется национальным пробуждением, развитием свободомыслия, ростом числа прогрессивных деятелей и передовых идей. В процессе становления и развития национальной философской мысли большую роль сыграли исследования представителей осетинской интеллигенции – А.А. Гассиева, А.Д. Ардасенова, К.Л. Хетагурова, мн. др. Буржуазные реформы второй половины XIX века оказали огромное влияние на многие стороны общественно-культурной, экономической, социальной и духовной жизни осетинского этноса. Эпоха модернизации выражала социально-историческое самосознание народа, когда старый образ мироздания не могло, уже существовать и создавался новый в результате включения горцев в общероссийское экономическое и культурное пространство. С момента своего зарождения, представители осетинской демократической интеллигенции, выступали за насущные интересы своего народа. Были сформулированы основные концепции, которые положили начало борьбы за уничтожение царского самодержавия и установления справедливого государственного и общественно строя. Горская интеллигенция видела свое предназначение в борьбе и защите интересов своего народа, самобытности осетинской культуры, утверждала идеалы нравственного бытия, основы просвещения и образования.

Ключевой фигурой в истории развития философской и общественной-политической мысли Осетии является Коста Леванович Хетагуров (1859–1906). Он был поэтом гуманистом, философом, художником, публицистом, основоположником осетинской литературы, драматургом и общественным деятелем. Его основные произведения: сборник стихов – «Осетинская лира», поэмы – «Перед судом», «Фатима», «Плачущая скала», «Хетаг»; повесть – «Охота на туров»; пьесы – «Дуня», «Чердак» и «Поздний рассвет» и др.

Коста выходец из феодально-дворянской среды, родился 15 октября 1859 года в горном ауле Нар, в семье прапорщика русской армии. Он учился, в Нарской школе, затем в прогимназии во Владикавказе. Его отец принадлежал к числу первых переселенцев из Нарского ущелья в Кубанскую область в 1870 году, где основал Георгиевско-Осетинское поселение (ныне селение Коста Хетагуров) куда вскоре переезжает Коста. И поступает там, в Каланджинское начальное станичное училище. С 1871 по 1881 год учился в Ставропольской губернской гимназии. В 1881 году Хетагуров был принят в Петербургскую академию художеств, где формировались нравственные и эстетические взгляды будущего художника. В 1885 году возвращается на родину в Осетию. По 1891 год жил во Владикавказе, где была написана значительная часть его стихотворений на осетинском языке, хотя большую часть своих произведений написал на русском языке. В 1891 г. за свою литературную и общественную деятельность он был выслан за пределы Осетии.

Философские идеи К.Л. Хетагурова были предельно четко сформулированы в его произведениях. Научное мировоззрение формировалось в русле русской науки, большую ценность представляют, проблемы, посвященные нравственно – патриотическим, духовным вопросам – пробуждение чувства национального достоинства в родном народе, и внедрение просвещения и культуры в народные массы, облегчение участи народа и освобождение его от социального гнета самодержавия. Большую роль в формировании осетинского самосознания оказала нартиада – это культурное

наследие осетинского народа, включающее систему древнейших верований, художественные, нравственные и идеологические ценности. В образах мудрых и бесстрашных героев воплощены главные качества самого народа, и их врожденной любви к свободе, о чем и воспевает и повествует Коста:

*«Если бы я пел как нарт вдохновенный,
Если бы до неба мой голос взлетел,
Все бы созвал я народы вселенной,
Всем бы о горе большом рассказал»* [9, с. 8].

Как говорил основоположник английского материализма Ф. Бэкон «Знание – сила» так же и осетинский философ К.Л. Хетагуров видел в знании и образовании мощный инструмент социальных, прогрессивных изменений осетинского народа. Самым главным и необходимым этапом для просвещения осетин Коста считал открытие национальных школ. А их основание считал главным средством интеллектуального и духовного воспитания подрастающего поколения. Об этом свидетельствует его стихотворение «Как мужчина», который посвящает Коста актуальным вопросам нравственно-духовного развития и образования:

*«Скорей беги учиться,
Да сумку не забудь!
Не будешь ты лениться –
Найдешь свой верный путь!
Учись дружок с охотой,
Чтоб мудрость всю познать,
И с радостью работай
Чтоб человеком стать»* [9, с. 96].

Под влиянием идей русских демократов формировалось мировоззрение К.Л. Хетагурова. Философское мировоззрение Коста связано с жизненными задачами существующей эпохи, которые характеризовали экономическую отсталость осетинского народа этого периода. Существенную роль на развитие осетинской культуры оказали его эстетические взгляды, где красоту он рассматривает как меру истинности и гармоничности бытия. Эстетические идеи

Хетагурова отражают объективные тенденции развития реального бытия существующей эпохи. В области искусства он был талантливым художником, об этом свидетельствуют его картины: «Спас нерукотворный», «Скорбящий Ангел», «Моление о чаше», «Перевал Зиккара», «За водой», «В осетинской сакле», «Портрет Анны Цаликовой», «Портрет Тхостовой», «Дети на каменоломне», «Природный мост», «Гора столовая» и др.

Основной социально-исторической предпосылкой формирования религиозно-философских взглядов Коста Хетагурова стало вхождение Осетии в состав России, открывшее новые возможности культурного и социально-экономического развития горских народов Кавказа в рамках православно-христианской цивилизации. Следует отметить, что работы многих ученых советского периода, таких как: С.Ш. Габараева «Мировоззрение Коста Хетагурова»; Н. Джуссойты «Коста Хетагуров»; Кабисова Р.С. «Атеизм Хетагурова Коста» и многие др., характеризуют К.Л. Хетагурова как атеиста, т.е. рассматривают его творчество с материалистической точки зрения, что в корне отличает их от научных взглядов современных исследователей. Очевидно, что эти принципиальные различия были обусловлены идеологическими позициями самих авторов как проводников марксистской теории, свойственной философскому мировоззрению начала XX века. Однако рассматривая, религиозно-философское мировоззрение творческого наследия Коста есть все основания говорить о его приверженности христианской тематике, которые отражены в его поэтических произведениях. Характерной чертой его поэзии является обращение к Божественному бытию и стремление автора к высшим христианским ценностям. Стихотворение «Христос воскрес» проникнуто христианским гуманизмом:

*«Ликует мир, цветет природа,
Повсюду свет, любовь свобода,
Разверзлась твердь небес,
И ангелы предвечным клиром
Над возрождающимся миром
Поют «Христос воскрес» [8, с. 38].*

Он был православным христианином, и большая часть его творческого наследия обращена к религиозной тематике. Стихотворения: «Воспоминание» (1889) «Когда тебя мой друг» (1893), «Христос воскрес» (1893), «Страстная неделя» (1895), «На пасху» (1896), «Под пасху» (1899), поэме «Се человек» и др., картины – «Спас нерукотворный», «Скорбящий Ангел», «Моление о чаше» – отражают религиозно-философский характер его произведений. Научное и богословское осмысление христианских аспектов творчества Коста свидетельствует о том, что для него образ Христа является высшей инстанцией справедливости, любви, милосердия и спасения человеческой сущности. Религиозно-философские идеи К.Л. Хетагурова отражают стремление к высшим идеалам, ценностям, воспевая патриотические чувства он, приветствует всех одной фразой: Братья, живите в любви к друг другу, – где он пытается по евангельски молодежь призвать к созиданию и братскому единению между людьми. Свои гуманистические идеи Коста выражает в стихотворении «Я не пророк» где личность человека-творца вырастает до вселенских масштабов, и ставится в центр мира как высшая ценность:

*«Весь мир – мой храм
любовь – моя святыня,
Вселенная – отечество мое»* [9, с. 122].

Огромная заслуга К.Л. Хетагурова в истории религиозно-философской мысли Осетии конца XIX века определяется тем, что он был одним из первых осетинских ученых, воспитанных на христианских ценностях. Это человек своей эпохи, который внес большой вклад в развитие осетинской национальной культуры, а его творчество и общественная деятельность оказали огромное воздействие на становление и развитие подрастающего поколения и интеллектуальной элиты своего времени.

Список литературы

1. Бестаева Э.Ш. Религиозно-философские взгляды протоиерея Алексея Гатуева // Современные исследования социальных проблем. 2016. №4–3(28). С. 52–56.

2. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998.
3. Габараев С.Ш. Мировоззрение Коста Хетагурова М., 1959.
4. Дзугаев К.Г. Бестаева Э.Ш. Социально-философский анализ этических особенностей осетин // В мире научных открытий. 2015. №7.10. С. 3550–3556.
5. Дзугаев К.Г., Бестаева Э.Ш. Этнос осетин (К вопросу об этико-мировоззренческих детерминантах Югоосетинского национально-освободительного движения). Новые тенденции развития общественных наук. Выпуск II. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (10 августа 2015 г.), г. Ростов-на-Дону, 2015 г. С. 48–52.
6. История Северной Осетии: XX век М., 2003.
7. Кабисов Р.С. Общественно-политические и философские взгляды К.Л. Хетагурова. Автореф. дисс. ... к. ф. н. М., 1953.
8. Мальцев С.И. Душой с Коста. Владикавказ 2014.
9. Хетагуров К. Избранное. Орджоникидзе 1953.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ
СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА**

Бормотов И.В., Журавлев М.С.

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Тульский филиал), г. Тула,
Российская Федерация

В статье дается социально-философский анализ основных методологических принципов исследования особенностей функционирования ценностей современного человека. Основанием для их отбора и рассмотрения может служить онтологический подход. Раскрывается содержание и смысл основных ценностей человека.

Ключевые слова: методология; принципы; ценности; человек.

**METHODOLOGICAL PRINCIPLES
OF RESEARCH OF FEATURES OF FUNCTIONING
OF VALUES OF MODERN MAN**

Bormotov I.V., Zhuravlev M.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation
(Tula branch), Tula, Russian Federation

The article presents a socio-philosophical analysis of the basic methodological principles of research of features of functioning of values of modern man. The basis for their selection and consideration can serve as the ontological approach. The content and meaning of basic human values.

Keywords: methodology; principles; values; and people.

Рассмотрение заявленной проблемы обусловлено следующими обстоятельствами:

- во-первых, отсутствием в систематизированном виде единой методологической основы для исследования ценностей;
- во-вторых, сложностью самого объекта исследования, который представлен различными по своей направленности ценностными ориентациями современного человека;
- в-третьих, отсутствием единых критериев отбора принципов исследования ценностей современного человека.

Данная статья представляет собой одну из попыток обоснования методологии исследования ценностей современного человека, ее построение позволяет констатировать, что изучение ценностей современного человека возможно при условии преобладания процесса над результатом, функционального над объектным.

Такое понимание роли и значения ценностей человека в российском социуме *предполагает выделение ряда методологических принципов, позволяющих исследовать сущностные особенности функционирования ценностей человека* в современных условиях. Основанием для их отбора и рассмотрения может служить онтологический подход.

1. Принцип рефлексии – это имманентное свойство человеческого мышления. Благодаря нему осуществляется процесс отнесения знаний к соответствующим познавательным способностям, в качестве них выступают способности человека сосредотачиваться на содержании своих мыслей, абстрагировавшись от внешнего, телесного. В рефлексии сосредотачивается социальный опыт человека, в котором она существует в двух основных формах:

1. Экстравертная рефлексия. Рефлексия возможна при наличии внешних восприятий, которые мотивируются внешним опытом – ценностными ориентациями современного человека. Осуществляется критическое рассмотрение ценностей, убеждений, предрассудков и верований, создаются новые образы мира.

2. Интровертная рефлексия. Здесь к анализу знания, полученного от воздействия внешнего мира, присоединяется способность представлять в качестве предмета внутренний мир человека.

2. *Принцип единства эмпирического и теоретического.* На каждом из этих компонентов исследователь может иметь дело с одной и той же ценностной реальностью, которая изучается в разных предметных срезах и аспектах, а поэтому ее видение, представление, осмысление будет осуществляться в двух плоскостях. Эмпирический компонент в основе своей ориентирован на изучение аксиологических явлений и зависимостей в социальной среде, где сущностные связи еще не выделяются в чистом виде. На теоретическом уровне в анализе ценностей человека происходят процессы сравнения, абстрагирования и обобщения, позволяющие выделить их сущность в чистом виде.

Следует также различать внутренние и внешние основания данного принципа. Внутренние представляет собой аксиологическое начало, которое присутствует одновременно в эмпирическом и логическом, оно имманентно присуще познавательной и практической деятельности индивида. Внешние же аксиологические ценности человека направлены вовне и регулируют их отношения с обществом, социальными группами и другими структурами.

3. *Принцип единства объективного и субъективного в обосновании ценностей.* Актуальность рассмотрения данного принципа связана с тем, что в нем отражается одна их острейших проблем в истории философии связанная с взаимодействием объекта и субъекта, которая представлена в трех различных по своему содержанию и направленности подходах. «Первый подход находит свое отражение у представителей субъективизма, которые рассматривают ценности в качестве разумной воли, проявляющейся в отыскании значений и смыслов человеческого существования. Второй подход реализуется в объективизме, где ценности представлены в качестве существующей независимо от субъекта духовной и материальной реальности. Третий подход представляет собой попытку по объединению первых двух подходов и рассмотрению ценности в качестве надындивидуального бытия» [1, стр. 59].

Основное предназначение выделенных подходов состоит в объяснении того, какую роль играют субъективное или объективное в

обосновании ценностей. Для того чтобы рассмотреть единство этих понятий необходимо сначала показать специфические особенности проявления субъективного и объективного в аксиологии.

Представители *субъективизма* абсолютизируют роль человека и его способности наделять предметы и явления объективного мира ценностными свойствами. В результате чего ценность из свойства объекта превращается в субъективную оценку, которая представляет собой процесс формирования ценностей как соотношения внешнего и внутреннего, имеющего смысл-для-себя. Представляют интерес философские взгляды В.К. Шохина, который исходит из того, что ценности определяются в «партикуляристском» дискурсе, а именно как «ближайшие энергии» «личности как единственной непознаваемой в принципе сущности» [4, стр. 75]. С этой точки зрения ценности суть различительные выражения каждого уникального субъективного бытия. Вне субъекта ценности невозможно чётко зафиксировать. В субъекте они проявляются как модели (Докучаев), значимости (Шохин), нормы, принципы, идеалы и т.д.

Для того чтобы рассмотреть *объективизм*, давайте, зададимся простыми, на первый взгляд, вопросами о том, как могут соответствовать друг другу знание и реальность, как соотносятся истинное описание реальности и ценностное отношение к ней? Представители материализма и объективного идеализма по-разному отвечают на эти вопросы.

В рамках материалистического подхода определенный интерес представляет философская позиция Дж. Локка, который исходит из утверждения о том, что «естественная ценность» есть способность вещи удовлетворять потребность человека. Другими словами, любой материальный предмет или явление в потенции может содержать свойства, которые являются полезными для удовлетворения нужд субъекта.

Однако наряду с материальными предметами и явлениями природного мира существует и природа, сотворенная человеком – «вторая природа», которая также призвана удовлетворять человеческие

потребности, а, следовательно, выступать в качестве основы для материальных ценностей людей.

Идеалистический вариант объективизма находит свое отражение в ценностных проявлениях высшего духовного начала (абсолютного духа или мира идей) призванного посредством самопогружения в себя изменить, улучшить ценностный мир конкретного человека.

Таким образом, объективизм рассматривает ценность не в качестве предмета, а его свойства, которым этот предмет обладает. Это свойство является объективной основой ценности, оно неотделимо от предметного содержания, с которым ценность нельзя отождествлять.

Сторонники *третьего подхода* исходят из представления о том, что ценности не являются продуктом индивидуального сознания людей и результатом развития материального мира. Они рассматриваются как надиндивидуальная реальность, а поэтому наделяются такими характеристиками как: неизменность, неделимость и абсолютность.

В процессе рассмотрения ценностей мы постоянно сталкиваемся с единством объективного и субъективного. «Люди воспринимают окружающий объективный мир как данность и живут среди условностей и значений. Субъективная реальность способна оказывать на них не меньшее значение, чем объективная, в которую они не верят или о которой не знают» [2, стр. 16].

Такое понимание взаимосвязи субъективного и объективного применительно к рассмотрению ценностей позволяет исследовать ее возможности.

4. *Принцип аксиологической опосредованности* состоит в том, что ценности с одной стороны, выступают как чисто объективные феномены, а с другой – они субъективно воспринимаются людьми в процессе их жизни и деятельности. Поэтому «аксиологическая опосредованность представляет собой специфическую форму выражения содержания интеграционных ценностных механизмов, которые находят свое отражение в системе ценностей современного человека» [3, стр. 1889–1890].

Данный принцип позволяет избегать однозначности и дает возможность трактовать осмысление и формирование ценностей, по крайней мере, как триединый процесс. Это означает, что он получает воплощение: а) в области науки; б) в аксиологии; в) в различных областях деятельности. Он находит свою реализацию в терминах целеполагания, целесообразности, дифференциации, интеграции, нормирования, обоснования путей развития и соответствующих им общественных проектов и программ. Это дает возможность с помощью аксиологической опосредованности выявить средства изучения ценностей, объяснить специфику языка описания соответствующих им процессов.

В качестве промежуточного вывода отметим, что для обоснования и развития ценностей имеются определенные методологические предпосылки, в качестве которых рассмотрены методологические принципы. Это позволяет не только выявить и обосновать новейшие идеи методологии науки и социально-философского познания, но и способствовать комплексному освоению потенциала различных исследовательских позиций.

Список литературы

1. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: монография / Л.В. Баева. М.: Прометей; МПГУ, 2003. 240 с.
2. Бормотов И.В. Методология социально-философского анализа ценностей // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2014. № 1. С. 12–19.
3. Бормотов И.В. Основные ценностные парадигмы российского общества // В мире научных открытий, 2015. № 5.5. С. 1879–1892.
4. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. 455 с.

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Дедюлина М.А.

ORCID: 0000-0001-9226-1264, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В данной работе исследованы случаи, при которых возможно введение моральных норм проектировщиками ИТ как преднамеренно, так и непреднамеренно, в артефакты. Проектирование возможно рассматривать как форму «материализации морали» (П.-П. Вербек), но теория моральных посредников не разрешает проблему ценностных конфликтов, которая в свою очередь успешно решается ценностно-ориентированным дизайном. В статье рассматриваются моральные проблемы, которые могут возникнуть в результате действий разработчиков программного обеспечения.

Ключевые слова: артефакт; моральная ответственность; проектировщик; технологический посредник; ценностный-ориентированный дизайн; мораль; технологии.

THE PROBLEM OF MORAL RESPONSIBILITY IN THE SPHERE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Dedyulina M.A.

ORCID: 0000-0001-9226-1264, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation

In this paper, we describe cases in which it is possible to impose moral standards by IT designers, both intentionally and unintentionally, into artifacts.

Design may be considered as a form of ‘materialization of morality’ (P.-P. Verbeek), but moral theory of mediators does not resolve the prob-

lem of conflict of values, which in turn was successfully solved Value Sensitive Design. The article deals with moral problems that may arise as a result of the actions of software developers.

Keywords: *artifact; moral responsibility; designer; technological mediation; Value Sensitive Design; morality; technology.*

Сегодня мы живем в эпоху промышленного Интернета, который охватывает машины, приборы, устройства и другие артефакты, включая системы и процессы, в которых они играют определенную роль. В настоящее время все эти артефакты могут общаться друг с другом благодаря цифровым технологиям.

Целью данной работы является исследование проблем моральной ответственности проектировщиков программного обеспечения.

Признание моральной ответственности означает установление прямой связи между действиями агента и их моральным воздействием на пользователя, получателя действий.

Агенты несут моральную ответственность, когда их добровольные действия имеют результат, который является морально значимым и, когда, они могут стать объектом вины, либо похвалы.

Для агента, чтобы быть морально ответственным должна быть причинно-следственная связь между агентом и результатом действия, т.е. контроль за действиями. Агент должен: 1) знать о возможных последствиях; 2) иметь возможность свободно выбрать определенный курс действий; 3) понимать смысл наказания, либо поощрения. Когда артефакты имеют моральную значимость и олицетворяют определенную форму морального устройства, этика может не только определять концептуальные границы для морального размышления, но также должна участвовать в развитии материальной среды, которая поможет сформировать моральные действия, при принятии решений.

В философском плане эту проблему достаточно аргументированно решает нидерландский философ П.-П. Вербик [3]. По его мнению, технологические артефакты помогают формировать человеческие действия и восприятия, а также создавать новые методы и

способы жизни. Смартфоны, например, вносят свой вклад в характер наших сообщений и взаимодействий.

В своих работах философ показывает, что технологии не являются нейтральными «посредниками», которые просто соединяют пользователей со своей средой. Например, телефон и пишущая машинка первоначально не были разработаны как технологии связи и письма, а были приборами для слепых и слабо слышащих. Эти информационные технологии должны были помочь им научиться слышать и писать. Сегодня у них совершенное иное предназначение.

Изменяя наше восприятие, технологии помогают определить, как реальность может существовать и интерпретироваться людьми. Они помогают сформировать то, что считается «реальным». Это имеет важное этическое последствие, поскольку это означает, что технологии могут манипулировать людьми при принятии моральных решений.

Итак, чтобы справиться с непредсказуемостью и сложностью технологического посредничества, нужно найти звенья между контекстом проекта и будущим контекстом использования. Это возможно, если проектировщик будет при создании технологического артефакта включать в проект посредническую функцию, либо моральную оценку на этапе создания проекта. Перспектива технологического посредничества показывает, что проектирование следует рассматривать как форму «материализации морали» [2].

Тогда может возникнуть проблема ценностных конфликтов уже на этапе проектирования технологии, потому что проектировщики могут быть, например, представителями разных культур, религий, и т. д. Ценностные конфликты могут быть морально проблематичными, поскольку они вполне могут привести к тому, что дизайнеры не смогут справедливо относиться ко всем соответствующим моральным ценностям одновременно одинаково.

Один из подходов, который учитывает возможность разрешения или ослабления, аксиологических конфликтов посредством инженерного проектирования является ценностный-ориентированный дизайн (Value Sensitive Design). Этот подход направлен на интеграцию

ценностей этического значения на систематическом уровне в рамках инженерного проектирования [1]. Value Sensitive Design придерживается позиции, согласно которой технологии в целом, а также информационные и компьютерные технологии, в частности, обеспечивают ценность, которая вытекает из свойств технологии. То есть данная технология более подходит для определенных видов деятельности и более легко поддерживает определенные значения, в то же время делая другие действия и ценности более сложными для реализации.

Однако и вышеперечисленный подход не способен решить в области информационных технологий «проблему многих рук». Очень часто возникает ситуация, когда коллектив разумно может быть морально ответственен за результат, в то время как никто из участников проекта не считает себя индивидуально ответственным за конечный результат. Большинство программистов пишут компьютерную программу небольшим коллективом. Каждый из них пишет свой кусочек программы и только один из них потом соединяет ее в единый программный продукт.

Социальные последствия технологии, однако, являются результатом взаимодействия между действиями многих разных участников. Помимо проектировщиков, сюда входят пользователи, правительства, компании, менеджеры и т.п. Можно предположить, что, если бы все участники действовали индивидуально ответственно, общий результат был бы полезен для социума.

Список литературы

1. Friedman B., Kahn P.H., Borning A. Value Sensitive Design and Information Systems / Zhang P. and Galletta, D. (eds.), Human-Computer Interaction and Management Information Systems: Foundations. N-Y: M.E. Sharpe Inc, 2006, pp. 348–372.
2. Verbeek P.P. Materializing Morality: Design Ethics and Technological Mediation // Science, Technology & Human Values, 2006. No 31(3), pp. 361–380.
3. Verbeek P.P. Technology Design as Experimental Ethics / S. van den Burg and Tsj. Swierstra, Ethics on the Laboratory Floor. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013, pp. 83–100.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Ивенкова О.А.

ORCID: 0000-0001-7534-1238, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

На современном этапе развития технологий происходит трансформация и, во многом, замещение традиционных структур повседневности феноменами виртуальной реальности. Огромное число людей посредством Интернета и других компьютерных технологий приобретает новые цели, интересы, ценностные ориентации, влияющие на мотивацию и поведение в привычном жизненном мире. Трансформационный процесс прослеживается с опорой на существенные характеристики повседневности, выделенные представителем феноменологической социологии А. Шюцом.

Ключевые слова: *повседневность; повседневное сознание; виртуальная реальность; Интернет; темпоральность; Шюц; трансформация.*

VIRTUAL REALITY AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF EVERYDAY CONSCIOUSNESS

Ivenkova O.A.

ORCID: 0000-0001-7534-1238, Smolensk State University,
Smolensk, Russian Federation

At the present stage of development of technologies there is a transformation and, in many respects, replacement of traditional structures of daily occurrence with phenomena of virtual reality. The huge number of people by means of the Internet and other computer technologies gets the

new purposes, interests, valuable orientations influencing motivation and behavior in the habitual vital world. Transformational process is traced with a support on the intrinsic characteristics of daily occurrence selected with the representative of phenomenological sociology A. Shchyuts.

Keywords: *daily occurrence; daily consciousness; virtual reality; Internet; temporalnost; Shchyuts; transformation.*

Повседневность по многим критериям составляет общую, объединяющую основу каждого проживаемого человеком дня, являясь смыслодержающим стержнем, вокруг которого личность организует свою жизнедеятельность в соответствии с потребностями, убеждениями, интересами, ценностями. Она многоаспектна и вариативна рациональной действительности общества и индивида, динамична и ориентирована исторически.

Яркой характеристикой современного общества является развитие информационных технологий и систем телекоммуникаций, выражающееся через функционирование глобальной сети Интернет, переросшей формат системы хранения и передачи информации. Она становится важным структурным элементом повседневности. Жизнедеятельность значительной части общества постепенно все больше становится зависимой от нее. Огромное число людей, изо дня в день использующих Интернет для выхода в виртуальное пространство, приобретает новые цели, интересы, ценностные ориентации, влияющие на мотивацию и поведение в социальной реальности. Влияние вышеуказанных явлений на личность, её социальную активность и возможность прогнозирования последующих трансформаций, безусловно, требует философского осмысления и анализа.

Феномен виртуальной реальности не является для человека и общества чем-то новым, неизведанным, поэтому некорректно связывать его исключительно с современным уровнем развития техники и компьютерных технологий. На протяжении веков виртуальная реальность помогала оторваться от окружающей социальной реальности, воплощаясь в литературе, живописи, театре, киноиндустрии и пр. Зачастую понятие «виртуальный» используется как синоним потенциального, мнимого, нереального [4, с. 81]. Но отрываясь от

насущенного жизненного мира, человек не занимал активной позиции, он оставался зрителем, фактически не участвующем в процессах и событиях мира виртуального. Современное виртуальное пространство в корне отличается от предыдущих форм. Со второй половины XX в. в жизнь людей входит реальность, формируемая компьютерными технологиями, противопоставляется т.н. «константной реальности» [3, с. 32] и приобретает черты повседневности.

А. Шюц выделяет шесть элементов, конструирующих повседневность как особую форму реальности. Это трудовая деятельность, специфическая уверенность в существовании мира, напряжённое отношение к жизни, особое переживание времени, специфика личной определённости действующего индивида и особая форма социальности [2, с. 112].

Трудовую деятельность можно считать основополагающим признаком повседневности. Воздействуя на мировоззрение человека, виртуальная реальность меняет отношение к труду. Технологический прорыв второй половины прошлого века изменил соотношение сферы производства и сферы услуг, порождая новую систему отношений, что выражается в трансформации потребностей и ценностных ориентиров человека. Сам процесс трудовой деятельности все чаще протекает не в социальном, а виртуальном пространстве.

Специфическая уверенность в существовании мира – это, по А. Шюцу, воздержание от всякого сомнения в существовании объектов повседневности. Виртуальная повседневность создает пространство, сочетающее в себе идеальное и реальное, которое в определенный момент нахождения человека в сети Интернет выступает для него в качестве внешней, но при этом непосредственно формируемой, субъективной среды. Динамичность и плюрализм этой среды через пользователей передается и окружающей реальности, что приводит к изменчивости, подвижности и неопределенности. Тем самым привычная повседневность перестает быть устойчивым фундаментом, некой константой человеческого бытия.

Вышеуказанное обостряет третью черту повседневности – напряжённое отношение к жизни. Данное понятие позволяет объяснить специфику некоторых психологических явлений виртуальной реаль-

ности: изменения в исполнении ролей, эволюцию ценностей, социальных норм и даже форм социального контроля. Изменяются когнитивные процессы пользователя: неспособность воспринимать поток информации и узнавать в течение дня большинство персоналий сети, безразличие к девиантному поведению и селективность реакций на призывы других пользователей. Из этого вытекает отсутствие веры в регулируемость и предсказуемость виртуальной и, как следствие, социальной жизни, позволявшей бы планировать и рассчитывать действия. Происходит искажение видения окружающего жизненного мира, порожденное постоянными переходами от виртуального к константному и обратно, приводящее к двойственности сознания.

Следующая характеристика – темпоральность, особое переживание времени. Повседневная реальность, в первую очередь, предполагающая решение насущных проблем, подчинена биоритмам человека, физиологическим потребностям в питании, отдыхе, гигиене, однако в нем скрыта необходимость понимания времени социального, исторического. Континуальность является основным качеством этого понимания. Однако в сравнении с временем повседневности, виртуальное время дискретно и обратимо (компьютерная игра), но только при условии перехода из одной реальности в другую. Это нарушает привычное восприятие течения времени, зачастую вызывая стресс.

Специфика личной определённости действующего индивида позволяет понять, насколько полно человек включён в деятельность. В отдалённом прошлом каждый момент времени характеризовался качественной определённой и не воспринимался отдельно от вещей. За видимой повторяемостью событий стояла неповторимость: действие каждый раз было новым, совершалось с самого начала и впервые. Сору-paste, или копипаст, заимствование как явление виртуальной реальности и следствие обратимости, широко распространенной повторяемости действий приводит к обезличенности самой деятельности, отсутствию осознанности и вовлеченности.

Особая форма социальности предполагает специфику переживания наличия другого или других, а так же своеобразии взаимодействия, коммуникации с ним. Виртуальные личные коммуникации

могут продолжаться независимо от временных и пространственных ограничений, «здесь» и «сейчас» участников коммуникации протекают в одном пространстве, но имеют разное время. В такой ситуации сложно познать субъективность «другого». «В ситуации лицом к лицу другой совершенно реален. <...> Можно даже сказать, что в ситуации лицом-к-лицу другой гораздо более реален для меня, чем я сам» [1, с. 23]. Виртуальная коммуникация зачастую лишена экстралингвистических смыслов, позволяющих в повседневной жизни идентифицировать собеседника. Переноса свой личный опыт на собеседника, пользователь чаще всего общается сам с собой.

Виртуальная реальность, все больше проникая в структуры повседневности, становится рутинной и задает темп жизни. Личность, переноса свой досуг, быт, профессиональную и организационную деятельность в виртуальную среду, начинает ориентироваться на модели поведения, нормы и ценностные установки, превалирующие в сетевом пространстве коммуникации. Четкая, привычная структура расплывается, становится многовариантным набором и заставляет существовать в условиях необходимости постоянного выбора. Такая повседневность из некой константы бытия может стать источником тревоги и неуверенности.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
2. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2000. 280 с.
3. Носов Н.А. Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. Выпуск 7, Труды Центра профориентации. М.: «Путь», 2000. 69 с.
4. Носов Н.А. Фома Аквинский и категория виртуальности // Виртуальная реальность. Философские и психологические проблемы. М.: Институт повышения квалификации государственных служащих Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, 1997. С. 68–85.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭТНОСА

Корнильцева Е.Г.¹, Кузьмина О.В.², Юшкова Т.А.³

¹ORCID: 0000-0002-0125-450X, ²ORCID: 0000-0001-8385-7330,

³ORCID: 0000-0003-0547-5876, Уральский государственный
экономический университет, г. Екатеринбург,
Российская Федерация

В статье даётся обзор социально-философских концепций этноса. Обозначены этнодифференцирующие признаки этнического самосознания. Авторы описывают социальные основания взаимодействия между этносами.

Ключевые слова: этнос; социальность; этническое самосознание; межэтническое сообщество; взаимодействие.

THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT IN THE STUDIES OF THE ETHNIC GROUP

Kormiltseva E.G.¹, Kuzmina O.V.², Yushkova T.A.³

¹ORCID: 0000-0002-0125-450X, ²ORCID: 0000-0001-8385-7330,

³ORCID: 0000-0003-0547-5876, Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russian Federation

The article provides an overview of the socio-philosophical concepts of ethnicity. Differential features of ethnic identity are marked. The authors describes the foundation of social interaction between ethnic groups.

Keywords: ethnos; social; ethnic identity; ethnic community; interaction.

Социально-философский статус понятия «этнос» в настоящее время ни у кого, по крайней мере в русскоязычной литературе, не

вызывает серьёзных возражений. Однако, содержательные объяснения фундаментального качества этноса до сих пор случались спорадически. Примером могут служить историософские интуиции русских философов о значении и роли этнического разделения человечества во вселенском процессе. Так, Вл. Соловьёв видел в многочисленных народах Земли взаимно необходимые органы единого мирового организма, согласиём обретающие полноту жизнедеятельности. Но религиозно-мистический символизм, включающий явление во всеобщую связь, всё же недостаточно раскрывает его природу и сущность. Тот же организм предполагает взгляд на проблему этноса как бы извне, а именно – из онтологического императива полноты бытия. Поэтому «сущностное измерение этноса должно быть зафиксировано в специфических, присущих этносу и только этносу, определениях» [5]. В противном случае, признаваемая на словах первичность этнической формы социальности так и не найдёт себе достаточного теоретического подтверждения.

Социально-философская концепция этноса подразумевает сущностную, «человекообразующую» функцию этнического существования. Понимание этноса как формы коллективности, в рамках которой удовлетворяются все основные жизненные потребности людей, т.е. обеспечивается их воспроизводство в качестве целостных, индивидуально-родовых существ, снимает многочисленные антинормии традиционных подходов и позволяет выделить этносы из бесконечно разнообразных совокупностей социальных общностей, противопоставив первые всем прочим, как более или менее «специализированным» коллективам, обеспечивающим воспроизводство человека только как частичного существа. При этом характер и степень «специализации» последних могут выступить критерием их общей типологии. Что же касается самого этноса, то в социально-философской интерпретации реальное многообразие его конкретно-исторических вариаций представляет картину противоречивого прогресса полноты и целостности коллективных структур собственно человеческого воспроизводства.

Многие исследователи неявно подразумевают самостоятельный, субъективный характер этнической организации. Логично искать предпосылки и основания исторической самостоятельности этноса в процессах, структурах и механизмах самого этнического существования. Любое другое объяснение автоматически превращает субъект в объект. Так что у этнической коллективности должна быть такая же – социальная – сущность. Но, привычно акцентируя объективно-структурный аспект общественного бытия, нынешние «исторические материалисты» порой даже не подозревают о какой-то другой, внутренней, субъективно-творческой размерности социального феномена, во всяком случае, не придают таковой отдельного значения. Вместо истории людей получается история самой истории. В результате одни авторы берут буквально выше («сверхсоциальная этничность»), другие – ниже (адаптивная этничность). Отсюда фактически спиритуализация этничности – у первых, и такая же закономерная натурализация – у вторых [6].

Чтобы избежать объективизации этничности, необходимо постулировать и раскрыть её собственные социальные основания и механизм. Таким механизмом и содержанием выступает этническое самосознание. Его важную роль в генезисе, функционировании и развитии этноса единогласно признают практически все исследователи. В отечественной этнографической науке наиболее распространенной остаётся точка зрения П.И. Кушнера, предложившего понятие этнического самосознания в качестве главного этнического маркера, принципиальной границы между собственно этническими общностями и любыми другими социальными образованиями, прежде всего, так называемыми этнографическими группами [4].

Последовательнее других этноинтегрирующие и этнодифференцирующие функции этнического самосознания раскрывает Ю.В. Бромлей. При этом он пытается преодолеть категоричный характер дискуссии, развернувшейся в конце 60-х гг. на страницах журнала «Вопросы истории» по теории нации: «национальное самосознание...является субъективным отражением в сознании чело-

века объективного факта существования нации» [1]. Но, постоянно подчёркивая активность самосознания в качестве обязательного этноформирующего фактора, Бромлей не находит достаточных внутренних оснований его самостоятельности, ссылаясь на объективные условия существования этноса.

Но чем объяснить устойчивый, инвариантный характер сдерживания этнического самосознания в его изменчивых, зачастую взаимно противоречивых наличных формах? Каким образом после всех перипетий и потрясений, почти полного самозабвения, необратимой, казалась бы, самоутраты этнос вновь обретает себя и, в первую очередь, свой прежний самосознательный этнонизм?

Самопроизвольная интеграция собственных содержаний – важнейшая характеристика и уникальная функция субъективности. Этничность, как принцип целостности, устойчивости, определённости и универсальности социального бытия, и есть такая, придающая групповой жизнедеятельности спонтанное качество, коллективная субъективность. Этническое самосознание, соответственно, выступает механизмом её опосредования. Отсюда многозначность и ценностно-мировозренческое постоянство, инвариантная метафизическая интенциональность этнического самосознания. Поэтому из «эмпирических» индикаторов только смена самосознания означает переход в другое этническое состояние, а его (самосознания) утрата – фактическую деэтнизацию.

Из сказанного очевидно, что попытка в рамках традиционной (позитивистской) парадигмы рассматривать взаимодействия между этносами как частный случай социального взаимодействия вообще игнорирует онтологический и гносеологический приоритет этнической коллективности. Вторая неизбежная деформация межэтнической темы связана с объективистским пониманием самого социального взаимодействия как самодостаточного анонимного процесса, растворяющего в собственной логике произвол непосредственных участников.

Более адекватное концептуальное пространство задаёт онтология межличностного взаимодействия. Будучи коллективной лично-

стью в самом фундаментальном смысле, этнос совершенно «несоизмерим» концепциям личности, но в ряде важных моментов вполне вписывается в указанную «персональную» онтологию. В целом межэтнические процессы изоморфны способам, структуре и динамике межличностного со-бытия [3]. Таким образом, межэтническое взаимодействие в точном смысле слова и есть субъект-субъектное, взаимно активно-преобразующее отношение этносов.

Одностороннее воздействие, утвердившееся в этнологии как едва ли не основной смысл и одновременно вариант ассимиляции, такая логика изначально выносит за рамки непосредственной сферы межэтнических взаимодействий, а в чистом виде – вообще исключает. Отношение означает взаимное проникновение сторон. Субъект-субъектное взаимопроникновение как таковое возможно лишь в той степени и тогда, в какой и когда взаимное преобразование одновременно выступает способом самоутверждения и саморазвития.

Сущность межэтнического сообщества (формы и процесса воспроизводства межэтнических отношений) заключается во взаимопроникновении как механизме целостности и самоидентичности этнических субъектов. Общая жизнедеятельность этносов (этнических сообществ) возможна только в качестве механизма и системы воспроизводства и развития этничности как возможности интеграции и самодетерминации [2]. В изначальное отсутствие указанного механизма, либо по мере его разрушения, разворачиваются противоположные по форме, но одинаково отрицающие межэтнический смысл, процессы этногенеза. Прежде всего слияния этнических субъектов в новую общность, и в этом же механизме самовоспроизводства через взаимопроникновение, только с другой стороны, отличие межэтнического феномена от так называемых гетероэтнических сообществ, как простого совместного проживания внутренне взаимно обособленных, т.е. независимых в собственном воспроизводстве друг с другом этнических групп.

В стадионально-историческом плане такая самодостаточность характерна для докапиталистических формаций, и первобытной

эпохи в особенности. Целостность этнического бытия опирается здесь на естественные основания, так что другие этнические образования выступают, подобно природным обстоятельствам и вместе с ними, лишь «внешним условием внутриэтнического развития» [4]. С расширением масштабов жизнедеятельности этносы вступают во всё более многочисленные и разнообразные контакты друг с другом. Однако развитие последних в собственно межэтнические взаимодействия (отношения), тем более формулирование на их основе межэтнических сообществ не является устойчивой тенденцией. Одних благоприятных внешних условий, объективных причин и предпосылок здесь недостаточно.

В конечном счёте, межэтническое сообщество является результатом свободного выбора этнических субъектов. Лишь произвольная санкция и непрерывное взаимное стремление реализует интеграционный межэтнический потенциал.

Список литературы

1. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография [Текст]. М., 1973. С. 35–46.
2. Кемалова Л.И., Сидоренко Н.А. Специфика этнокультурной маргинальности в условиях полиэтничного региона». Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы [Электронный научный альманах] №4. 2014 г.
3. Корнильцева Е.Г., Кузьмина О.В., Лагутина Е.Е. Межэтнические сообщества Сибири: особенности развития [Текст] // Перспективы науки. 2016. №11(86). С. 34–37.
4. Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы [Текст]. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 285 с.
5. Мархинин В.В. Начала социально-философской теории этноса [Текст]. Новосибирск. 1996. С. 7.
6. Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1995. №5.

**УТОПИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА
В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ ХРИСТИАНСКИХ ОБЩИН
(НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА Н.Н. НЕПЛЮЕВА И Н. ПОПОВА)**

Митина Н.Г.

ORCID: 0000-0002-6435-4479,
Дальневосточный государственный институт искусств,
г. Владивосток, Российская Федерация

В статье рассматриваются аспекты гендерного равенства в российских коммунитарных общинах Н.Н. Неплюева и Н. Попова. Проекты реализуют идею социально-справедливого общества на основе христианской православной религии. Выявлены причины несостоятельности утопии гендерного равенства.

***Ключевые слова:** утопия; гендерное равенство; Братство; коммунитарное движение; патриархат.*

**UTOPIA OF GENDER EQUALITY IN PRACTICE
RUSSIAN CHRISTIAN COMMUNITIES (ON THE EXAMPLE
OF THE EXPERIENCE OF N.N. NEPLYUEV AND N. POPOV)**

Mitina N.G.

ORCID: 0000-0002-6435-4479, Far Eastern State Institute of Arts,
Vladivostok, Russian Federation

The article discusses the aspects of gender equality in the Russian communitarian communities of N.N. Neplyuev's and N. Popov's. Projects implement the idea of a socially just society based on Christian Orthodox religion. Identify the causes of the Utopia of gender equality have been identified.

***Keywords:** Utopia; gender equality; Brotherhood; communitarian movement; patriarchy.*

Проблему равенства полов в социальной истории можно рассматривать на примере социальных утопий, где ей уделено значительное внимание в проектах создания будущего общества равенства и справедливости. На протяжении Нового времени были предприняты попытки практического воплощения в жизнь некоторых идей. Одним из первых кто попытался воплотить утопический идеал в жизнь был Р. Оуэн, который в 1825 г. в США основал, руководствуясь своей теорией, общину «Новая Гармония», чтобы доказать преимущества коммунистических поселений. Главной целью создаваемой ассоциации было обеспечение всех ее членов наибольшей суммой истинного физического и духовного богатства на началах самой неограниченной свободы [21, с. 7–8].

Однако опыт оказался неудачен. Случайные люди, оказавшиеся в общине, не осознавали поставленных перед ней задач, а пытались паразитировать на «шее общины», общинники предпочитали интеллектуальные занятия физическому труду, что привело общину к экономическому краху. Таким образом, идея и практика вошли в противоречие: нормы общежития и предполагаемых отношений к труду оказались чрезвычайно завышенными и несоответствующими условиям, в которых создавались общины. М.И. Туган–Барановский, рассматривая причины краха идей Оуэна, пришел к выводу: «Новый социальный строй требует и нового человека, который не может явиться по первому зову благородного мечтателя» [21, с. 8]. С.Б. Кан видит причины краха в слишком поспешном переходе «от социалистического принципа «общности имущества орудий производства и вознаграждения членов общины сообразно труду каждого», обеспечивавшего относительный успех общины в первые два года, к коммунистическому принципу «полного равенства»» [9, с. 169–170]. Эксперимент потерпел крах, но подтолкнул многих подвижников к созданию общин.

В России одна из первых попыток реализации утопических идеалов гендерного равенства была предпринята в XIX в. Основное отличие российской практики воплощения утопии – создание социально-справедливого общества на основе христианской православной религии. Ее реализация стала возможна благодаря особен-

ностям общественного сознания народов России – общинности. Коммунитарность, то есть общинность, отмечает Н. Бердяев, определяется как «духовное, как бы метафизическое свойство русского народа, не прикрепленное ни к каким экономическим формам». «Если не брать социализм в документальном смысле, – подчеркивает Н.А. Бердяев, – то можно сказать, что социализм глубоко вкоренен в русской природе. Это выражалось уже в том, что русский народ не знал римских понятий о собственности. О московской России говорили, что она не знала греха земельной собственности, единственным собственником являлся царь, не было свободы, но было больше справедливости. Это интересно для объяснения возникновения коммунизма». Развивая свою мысль, Н.А. Бердяев также отмечает, что «русские умудрялись быть социалистами при крепостном праве и самодержавии. Русский народ самый коммунотарный в мире народ, таковы русский быт, русские нравы» [2, с. 129–130].

Исследователь российского коммунитарного движения И.А. Гордева, отмечает, что участников этого движения объединяет «цель изменения общества путём внутреннего духовного перерождения каждого отдельного человека в условиях небольшой общины, осуществление которой они готовы начать с самих себя и немедленно». Рассматривая опыт Н.Н. Неплюева, она приходит к выводу, что он «стоит особняком среди других общин, так как почти единственным коммунитарием в Братстве был сам Неплюев, а остальными его участниками были крестьяне, для которых выбор данной формы общежития не был обусловлен коммунитарными мотивами» [7, с. 7, 56].

Главный принцип, заложенный в основу Братства его создателем, – христианская братская любовь. Цель Братства сформулирована следующим образом: «осуществить христианство в несравненно большей степени, чем оно осуществляется в окружающей жизни, основать отношения и труд на единой христианской основе братолюбия» [16, с. 9]. Осуществление социального проекта Неплюев начал с создания приюта и сельскохозяйственной школы для мальчиков, для того чтобы дать крестьянским детям необходимое образование и воспитать их в духе христианской морали. Некоторые выпускники этой школы

и стали первыми членами Православного Кресто-Воздвиженского Трудового Братства, созданного в 1891 г. В этом же году была создана и женская школа, а в 1893 г. был утвержден Устав Братства.

Практика воплощения социальной утопического проекта подкреплялась религиозно-нравственным учением Н.Н. Неплюева, представляющим, по сути, философскую концепцию социально-справедливого общества, где основой мира является любовь, которую он характеризует как – «дисциплину любви», т.е. смиренную, Братскую любовь: «Человечество страстно желает свободы и не хочет понять, что никакая свобода невозможна без дисциплины любви, когда из любви к добру и ближним при свете этой любви к добру не хотят делать зла и тем становятся способными пользоваться безграничной свободой, не злоупотребляя ею» [12, с. 4]. Что касается организации социальной жизни на основе братской любви, то здесь Неплюев считает необходимым изменение крестьянской общины, вступление ее «на путь нелицемерной любви» [14, с. 40].

Попытки создания Братских общин предпринимались не только Неплюевым. Аналогичный Неплюевскому Трудовому Братству социальный проект был реализован в 40-е годы XIX в. в Макарьевском уезде Костромской губернии диаконом села Бовыкина Николаем Поповым. «Единомышленники Попова, – отмечает А.И. Клибанов, – представляли собой религиозную общину, имевшую своеобразную социальную организацию. В этом качестве ее характеризует принцип общности имущества, именованный «братолюбием», это имело место в других крестьянских ассоциациях, существовавших во второй половине XVIII – начале XIX в. Это наименование было ко времени возникновения общины Попова традиционным и, принадлежа к области морально-нравственных ценностей, определилось в опыте народного социального творчества в значении термина, обозначающего уклад общественных отношений на основе коллективизма» [11, с. 121]. Он подчеркивает особенность данной общины, как православной, что позволяет говорить о связи социальных утопий Неплюева и Попова в части их духовно-нравственной деятельности.

Если рассматривать Неплюевское Трудовое Братство и его социальную доктрину с точки зрения гендерного анализа, то в его практике и теории отсутствуют возможности для реализации принципа равенства полов, характерного для коммунитарных общин Запада. В Братстве поддерживался патриархатный тип семейных отношений, основанных на нормах христианской этики. Христианство твердо определяет место каждому полу и не изменяет своего отношения к данному вопросу на протяжении тысячелетий. «Между мужчиной и женщиной, как людьми, полное равенство», – говорит Климент Александрийский, – «оба пола имеют одинаковую натуру, а следовательно, и способны к одинаковой добродетели. Следует ли из этого, что назначение женщины то же самое, что и мужчины? Физическая организация первой служит доказательством противного: но различие в назначении не препятствует равенству» [6, с. 130]. Апостол Павел в Послании к Галатам поучает: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3: 28) [4, с. 4]. Однако провозглашенное равенство полов, на деле исключает саму возможность такого равенства. Во-первых, стирание половых различий само по себе есть нарушение прав пола, являющихся неременным условием подлинного равенства. Во-вторых, речь в Послании Павла идет о духовном подвижничестве, усилия в котором доступны и женскому полу. Допуская в этом смысле равенство духовное (но не интеллектуальное), христианство закрепляет за мужчинами и женщинами неравенство социальное. В соответствии с центральным догматом о грехопадении христианство требует безусловного подчинения одного пола другому.

Все члены неплюевского Братства пользовались одинаковыми правами в питании, одежде, получении доходов (их распределение было уравнительным). Братство считало необходимым развивать замеченный талант, а отличающиеся способностями братчики получали необходимое образование [22, с. 19]. Последнее правило «негласно» распространялось только на мужчин, о чем свидетельствуют лишь мужские фамилии выпускников Братства, достигших значительных успехов в разных областях наук и искусств [1, с. 18, 45–50]. Женщины

занимались предписанными их полу видами труда. Об этом свидетельствует распределение братчиков по Семьям-артелям: швейная артель – Девы Марии; прачечная артель – Св. Александры, создавались только из незамужних женщин и вдов [15, с. 20–21]. Кроме того, женщины занимались домашней работой и воспитанием детей в детских садах при Семьях. Мужчинам предназначались иные «мужские» виды трудовой деятельности. Н.В. Сомин в своем исследовании отмечает строгие патриархатные нормы отношений между мужчинами и женщинами в Братстве. Под контролем находились личные симпатии и строго ограничивалась свобода выбора супругов. Согласие на брак давала Дума. «Блудных» связей быть не могло [19, с. 5–6]. Семья в Братстве являлась оплотом собственности и воспроизводства следующих поколений. Брак отражал главенство мужчины, его власть над женщиной. Религия поддерживала патриархатные традиции, формировала нравственные устои Братства и подчеркивала подчиненное положение женского начала к мужскому, его вторичность по отношению к нему. «Почти всегда один пол/гендер считается вторичным и подчиненным другому, и это всегда женщины», отмечает О.А. Воронина [6, с. 27]. И характерная для русской философии более высокая оценка женского начала носит, таким образом, абстрактный характер. Можно сказать, что в неплюевском Братстве, как в социальном микромире, сконцентрировались все патриархатные устои российского общества. В силу закрытости и определенной изолированности от внешнего мира, их действие проявлялось особенно явно. Женщины не допускались ни к принятию решений, ни к участию в общих задачах.

Так, например, несмотря на провозглашенную возможность выбора женщин на руководящие посты в Братстве, это право не было реализовано. Исключение составила сестра Н.Н. Неплюева, М.Н. Уманец, которая, по мнению исследователей, занимала свой пост Наместника только благодаря родственным отношениям. Да и ее роль как руководителя при жизни Н.Н. Неплюева была незначительна, а после его смерти, несмотря на занимаемый пост, она опиралась на авторитет Н.Н. Неплюева, став продолжателем идей брата. Таким образом, «полное равноправие мужчин и женщин, вплоть

до избрания Блюстителя», о чем свидетельствует В.И. Экземплярский [23, с. 20], вовсе не является признаком равноправия мужчин и женщин в Трудовом Братстве, так как оно не было реализовано.

Идеал аскетизма, присутствующий в христианской доктрине, а также и во многих утопиях, не является, по мнению Н.Н. Неплюева, единственным и лучшим путем к спасению [13, с. 42]. Он полагал, что «поняв первенствующее значение любви в деле веры, спасения и честной жизни по вере, нам нечего бояться подменять любовь аскетизмом;... надо достигнуть высшего самообладания, чтобы быть в состоянии целно отдать себя на дело любви. Любовь не позволяет нам возвести это средство в самодовлеющую цель, оградит нас от узости, робости и мертвенной сухости фанатичного аскетизма» [17, с. 43]. Создание Трудовых Братств, принимающее вселенские масштабы, должно было по проекту Неплюева способствовать полноценной жизни. Н.В. Сомин подчеркивает: «В братствах типа Крестовоздвиженского он видел более высокий тип христианской жизни, сочетающего лучшие традиции монашества (в частности, общежительное устройство, молитвенность, дисциплину, высокий нравственный уровень) с семейной и общественной жизнью» [20, с. 4].

Отношение Попова к аскетизму отличается от концепции Н. Неплюева. Его проповеди призывали прихожан к аскетизму, под его влиянием они «приклонялись за воздержание, трезвость и целомудрие». Сюда входило и «регулирование Поповым семейно-брачных отношений и вообще отношений между полами в его общине», отмечает А.И. Клибанов, подтверждая свое предположение архивными документами: «Внушено диаконом: мужатым – жизнь воздержанная, а холостым – целомудренная». «Всего естественнее», – продолжает он, – «считать, что эта регламентация формулировалась в духе той, что относилась к вегетерианским поучениям Попова». Исследователь видит причину противоречий и несогласия общества с проповедями диакона в его трактовке «благословенного» брака как добровольного союза любящих [11, с. 127–128]. Однако с этим нельзя согласиться, так как основы взаимоотношений, предлагаемые Поповым, исключали свободу и добрую волю. Как и в Братстве Неплюева, они пол-

ностью основывались на патриархатных и религиозных традициях, требовавших подчинения, в первую очередь от женщины. Попов руководствовался в своих требованиях евангельской нормой: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем» (Еф. 5: 22–24) [4, с. 6]. Если вне общины решение по всем вопросам принимал глава семьи или помещик, которому принадлежали крестьяне, то внутри общины регулирование половых отношений возлагал на себя духовный пастырь, то есть руководитель общины. Следовательно, говорить о равенстве и свободе чувств нельзя. Но и Трудовое Братство Н.Н. Неплюева, несмотря на внешний отказ от канонов христианского аскетизма также исключало какую-либо свободу. Таким образом, можно утверждать, что решение проблемы гендерного равенства в обоих проектах было невозможно.

Необходимо отметить, что даже использование терминов «братство», «братчики», свидетельствует об андроцентристских позициях Неплюева. В его концепции нет деления членов общины по признаку пола. Категории «мужчина» и «женщина» отсутствуют в его рассуждениях полностью. «Дисциплина любви», провозглашаемая Неплюевым, смиренная братская любовь, предполагает жертвенность, которая требуется, прежде всего, от женщины. Она обязана отдавать свою свободу, мысли, чувства родственникам и пастырю. Таким образом, над нею осуществляется двойной контроль – родственников-мужчин и института власти в лице священника. В общине Попова соблюдалось видимое разделение полов при помощи обращений «братья» и «сестры». Однако речь идет о религиозном братстве, и поэтому социальная функция обращений в общине предполагала достижение ими чувства духовного единения, принадлежности единому целому, «одному телу и духу». Общий смысл употребляемых терминов включал подспудно соблюдение тех обязанностей, которые предназначались женщине как жене и матери и мужчине как мужу, отцу, главе семейства в их традиционном исполнении ролей. Равенство мужчины и женщины в общине Попова отсутствует,

женщина в соответствии с нормами православия дискриминируется достаточно жестко.

В основе взаимоотношения полов как в Братстве Н.Н. Неплюева, так и в общине Попова лежали традиции патриархатной культуры, закрепившиеся еще в эпоху средневековья в схоластической философии, оформившей представление об абсолютистском характере патриархатной власти по аналогии с властью бога, где все права принадлежат только одному субъекту – патриарху, а остальные члены сообщества, даже жена и мать, полностью лишены каких бы то ни было прав, подчеркивает в своем исследовании С. Жеребкин [8, с. 399–400]. Патриархатная власть предполагала разделение сфер между мужчиной и женщиной: если для женщины местом реализации была семья, то для мужчины – широкое социальное пространство. В патриархатной семье главное назначение женщины состояло в ее роли хранительницы домашнего очага и продолжательницы рода. Данные принципы нашли свое отражение и в нормах жизни Братства, предписывавших «сестрам» традиционные женские виды занятий, строгость и ограничение общения с лицами противоположного пола. Патриархатная культура, отмечает М.В. Кехтер, является маскулинной по своей сути, характерная ее черта – жестоко детерминированная структура социальных отношений с преобладанием авторитарного типа управления [10, с. 1]. Поддержание патриархатных устоев в созданных социумах погубило провозглашаемые принципы равенства.

Авторитарный стиль руководства, присутствовавший как в Братстве, так и в общине Попова, создавал почву для недовольства и не давал возможности реализации свободы личности. На это указывает ученик Воздвиженской школы И. Абрамов: «В этих школах закладывается фундамент той лицемерной иезуитской дрессировки, которая завершается уже в братстве. Всякой кто не сумеет заглушить в себе личности и отлиться в общую форму, немедленно исключается из школы» [19, с. 12–14]. В рамках подобного рода системы воспитания и общежития не приходится вести речь о возможности полного раскрытия индивидуальности и социальной реализации для всех членов Братства, а особенно женщин. Социальный проект Н.Н. Неплюева

строится, таким образом, на абсолютном и неограниченном характере патриархатной власти характерной для эпохи средневековья.

И.А. Гордеева отмечает, что «у подавляющего большинства участников коммунитарного движения община ассоциировалась с семьей, причем этот феномен не был осмыслен ими и проявлялся в основном на уровне языка». Они воспроизводили в своей общинной жизни семейно-родственные отношения, строя общину по архетипу «духовной семьи». Одной из проблем существования общины стало наличие ценностного конфликта между поколениями. Второй проблемой стал брак, который рассматривался как духовный инцест, вследствие особых близких духовных отношений внутри общины-семьи между мужчинами и женщинами. «Духовный инцест не перестает быть инцестом, и таким образом романтические чувства молодых людей оказывались в заложниках у преломившейся в образе общины-семьи нерешенной психологической проблемы отношения человека к его родительской семье и «большому обществу» [7, с. 158–161].

Указанные проблемы становились препятствием для свободы выражения чувств, особенно для женщин. Для них в соответствии с патриархатными традициями существовало огромное количество запретов. В целом коммунитарные общины, в том числе и Неплюевское Братство, не ставили перед собой прямо задачу достижения равенства, предполагалось, что оно сложится само собой в ходе решения идеи самосовершенствования человека. Чаще всего, отмечает И. Гордеева, коммунитарный идеал «перерастал в идею бесконечности пути внутреннего самосовершенствования, успех которого зависит только от тебя лично, от способности человека обрести Царствие Божие внутри самого себя» [7, с. 212]. Достижение его полагал Н.Н. Неплюев возможно при соблюдении закона любви: «Любовь и есть верховный закон вечной истины правды Божией, верховный завет Откровения Божия, верховный завет христианской нравственности» [18, с. 3]. Однако необходимо отметить, что любовь к ближнему, провозглашаемая христианской этикой, является не чем иным, как любовью к Богу, что изменяет само общечеловеческое

понятие любви. Таким образом, христианская любовь к ближнему становится возвращением к традиционным устоям, подчиняющим, а не освобождающим личность, что является главным препятствием к решению проблемы гендерного равенства.

Православное Крестовоздвиженское Трудовое Братство созданное Н.Н. Неплюевым, как и Братская община Н. Попова страдали теми же просчетами в реализации проблемы равенства полов, что и теоретические утопические построения. Попытка воплотить ее в жизнь при условии сохранения идеи второстепенности женского начала по отношению к мужскому, идеологии маскулинизма, андропатризма, патриархатности потерпела крах.

Список литературы

1. Авдасев В.Н. Трудовое братство Н.Н.Неплюева. Его история и наследие. Сумы: РИО «АС–Медиа», 2003. 64 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: ООО Изд-во Аст, 2000. С. 5– 242.
3. Библия. Новый Завет. Послание Апостола Павла к Галатам 3, 28. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliaonline.narod.ru/biblia/nz16.html> [Дата обращения 05.06.05]. 7 с.
4. Библия. Новый Завет. Послание Апостола Павла к Ефесеянам 5, 22–24. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliaonline.narod.ru/biblia/nz17.html> (дата обращения 05.06.05). 8 с.
5. Вера. Молитва. Любовь //Библиотека семейного чтения. Выпуск 1. М.: Русский духовный центр, 1993. 160 с.
6. Воронина О.А. Универсализм и релятивизм культуры в конструировании гендерной системы // Теория и методология гендерных исследований / Под общ. ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. С. 13–28.
7. Гордеева И.А. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М.: АИРО–XX, 2003. 240 с.
8. Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендрные исследования: учеб. пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ – СПб.: Изд-во Алетей, 2001. С. 390–426.

9. Кан С.Б. История социалистических идей (до возникновения марксизма): курс лекций. М.: Высшая школа, 1967. 296 с.
10. Кехтер М.В. Гендерное равенство: интеграция женского как составляющей новой эволюционной парадигмы. [Электронный ресурс]. URL: <http://infmed.narod.ru/Gender>. HTML (дата обращения 06.08.05). 14 с.
11. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М.: Наука, 1978. 343 с.
12. Неплюев Н.Н. Воззвание к друзьям свободы и порядка // О Вере, Любви, России и Крестовоздвиженском Братстве. (Выписки из сочинений Неплюева и др. авторов). Дисциплина любви. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: http://chri-soc.narod.ru/NEPUP2.htm#_Toc89243047 (дата обращения 03.03.05). 45 с.
13. Неплюев Н.Н. Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора // О Вере, Любви, России и Крестовоздвиженском Братстве. (Выписки из сочинений Неплюева и др. авторов). – Отношение к монашеству, аскетизма, постам. С. 34. [Электронный ресурс]. URL: http://chri-soc.narod.ru/NEPUP2.htm#_Toc89243116 (дата обращения 03.03.05). 45 с.
14. Неплюев Н.Н. Доклад Глуховскому Комитету Высочайше Учрежденного Особого совещания о нуждах Сельско-хозяйственной промышленности по вопросу о крестьянской общине // О Вере, Любви, России и Крестовоздвиженском Братстве. (Выписки из сочинений Неплюева и др. авторов). Отношение к крестьянской общине. С. 31. [Электронный ресурс]. URL: http://chri-soc.narod.ru/NEPUP2.htm#_Toc89243114 (дата обращения 03.03.05). 45 с.
15. Неплюев Н.Н. Отчеты блюстителя о религиозно-нравственной жизни братства // О Вере, Любви, России и Крестовоздвиженском Братстве. (Выписки из сочинений Неплюева и др. авторов). Брак, семьи в Братстве. С. 16. [Электронный ресурс]. URL: http://chri-soc.narod.ru/NEPUP2.htm#_Toc89243082 (дата обращения 03.03.05). 45 с.
16. Неплюев Н.Н. Отчеты блюстителя о религиозно-нравственной жизни братства // О Вере, Любви, России и Крестовоздвиженском Братстве. (Выписки из сочинений Неплюева и др. авторов). Глав-

- ная цель Братства. Значение Братства. С. 8. [Электронный ресурс]. URL: http://chri-soc.narod.ru/NEPUP2.htm#_Тос89243063 (дата обращения 03.03.05). 45 с.
17. Неплюев Н.Н. Отчеты блюстителя о религиозно-нравственной жизни братства // О Вере, Любви, России и Крестовоздвиженском Братстве. (Выписки из сочинений Неплюева и др. авторов). Отношение к монашеству, аскетизма, постам. С. 34. [Электронный ресурс]. URL: http://chri-soc.narod.ru/NEPUP2.htm#_Тос89243116 (дата обращения 03.03.05). 45 с.
 18. Неплюев Н.Н. Путь веры // О Вере, Любви, России и Крестовоздвиженском Братстве. (Выписки из сочинений Неплюева и др. авторов). Основной закон христианского Откровения. С. 2. [Электронный ресурс]. URL: http://chri-soc.narod.ru/NEPUP2.htm#_Тос89243044 (дата обращения 03.03.05). 45 с.
 19. Сомин Н.В. Апостол братской любви (Жизнь и труды Н.Н.Неплюева). [Электронный ресурс]. URL: http://www.sobor.ru/doctrina/6Somin_ru.asp (дата обращения 06.06.04). 27 с.
 20. Сомин Н.В. Новые монастыри. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sobor.ru/doctrina/6Somin_ru.asp (дата обращения 06.06.04). 5 с.
 21. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему // Сборник социально-философских произведений. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.auditorium.ru/books/653/gl6.pdf> (дата обращения: 8.08.05). 25 с.
 22. Экземплярский В.И. Памяти Николая Николаевича Неплюева // О Вере, Любви, России и Крестовоздвиженском Братстве. (Выписки из сочинений Неплюева и др. авторов). Устав Братства. С. 15. [Электронный ресурс]. URL: http://chri-soc.narod.ru/NEPUP2.htm#_Тос89243079 (дата обращения 03.03.05). 45 с.
 23. Экземплярский В.И. Памяти Николая Николаевича Неплюева // О Вере, Любви, России и Крестовоздвиженском Братстве. (Выписки из сочинений Неплюева и др. авторов). Брак, семьи в Братстве. С. 15. [Электронный ресурс]. URL: http://chri-soc.narod.ru/NEPUP2.htm#_Тос89243082 (дата обращения 03.03.05). 45 с.

МЕТАЛОГИКА Н.А. ВАСИЛЬЕВА И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Прядко И.П.¹, Болтаевский А.А.²

¹ORCID: 0000-0002-8570-6533, НИУ МГСУ,

г. Москва, Российская Федерация

²ORCID: 0000-0002-7866-0063, Международный славянский
институт, г. Москва, Российская Федерация

Настоящая статья затрагивает логические и психологические аспекты учения казанского профессора Н.А. Васильева. Автор сопоставляет основные положения его «воображаемой» логики и выводы современных теорий о психике человека. В качестве примера приведены положения современных теорий мотивации (Герцберг и др.).

***Ключевые слова:** Н.А. Васильев; металогика; закон исключенного третьего; психологизм; бинарная логика; противоречие; мотивация.*

N.A. VASILIEV'S METALOGIC AND MODERN PSYCHOLOGY

Pryadko I.P.¹, Boltaevsky A.A.²

¹ORCID: 0000-0002-8570-6533, MSU of Civil Engineering,

Moscow, Russian Federation

²ORCID: 0000-0002-7866-0063, International Slavonic Institute,

Moscow, Russian Federation

The article touches upon logical and psychological aspects of doctrine by N.A. Vasiljev. By the author is compared imaginary logic of Vasiljev with particular parts of modern psychology. As an example used here the motivation theory of Herzberg.

***Keywords:** N.A. Vasil'ev; metalogic; the law of the excluded third; psychologism; binary logic; a contradiction; motivation.*

Оценка валидности отдельных методологических схем прошлого не дана до сих пор. Так обстоит дело с наследием Н.А. Васильева, наряду с логикой проявившего себя в психологии, философии, литера-

туроведении [1, с. 28] [3, с. 62]. Его логические разработки, имеющие своим основанием психологические взгляды ученого, оказались базой для развития паранепротиворечивых и интуиционистских логик. Исходным пунктом для Васильева стала установка, в соответствии с которой законы логики отражают реальные процессы мышления. Подход Васильева разделяли европейские логики – так наз. *психологисты*, среди которых следует назвать Т. Липпса [6] и Х. Зигварта [5]. В противоположность им исследователи – антипсихологисты говорили об онтологическом, объективном характере законов логики. Указывая на психологистский характер концепции Васильева, исследователи его творчества ссылаются на признания самого ученого. Васильев подчеркивал, что он стремился найти законы чистого мышления, взятого до (и вне) опыта. Философ произвел селекцию законов логики: одни из них, по его мнению, описывают то, как происходит мыслительный процесс, а другие являются обобщением опыта. Они суть эмпирические или онтологические законы [2].

Психологизм Васильева проявляется не только в выделении чистых законов мышления. Свое рассуждение о статусе логических законов Васильев поместил в статье, посвященной частным суждениям и закону исключенного четвертого. Отказываясь от закона исключенного третьего, Васильев объявил его эмпирическим правилом, менее значимым, чем закон тождества и несамопротиворечия (последний есть в субъективном ключе истолкованный закон противоречия традиционной логики). В статье *Логика и металогика* Васильев высказывает идею метода, который мог бы служить описанием мыслительных операций более совершенного существа, психологически не способного ошибаться [4, с. 119]. Законом мышления такого существа стал бы закон исключенного второго. Автору представляется, что формулировка этого закона связана не только с установкой Васильева как логика-психологиста, но и с собственно психологическими идеями ученого. Некоторые подтверждения правомерности подхода Васильева были получены в 1960-е гг. В работе А. Роутенберга говорится о существовании двух систем активации высших отделов головного мозга [9]. Первая связана с механизмом негативного побуждения, которое нахо-

дит свое выражение в стремлении избежать, покинуть зону действия какого-либо нежелательного для индивида фактора, отрицать что-либо. Ее исследователь связывает с ретикулярной формацией [8]. Другая система, локализована в структурах лимбической системы мозга. Она имеет отношение к положительным эмоциям. Ее активация причинно связана с позитивным влечением и наградой. Легко предположить, что др. структура головного мозга формировала бы иной характер мышления. Отсутствие первой из названных систем придало бы мышлению человека металогиический характер. Но такое существо не было бы приспособлено к существованию в нашем мире, а могло уверенно себя чувствовать только в воображаемом мире – скажем, в мире платоновских идей. Недаром металогику Васильев считал формально-логической схемой не человеческого, а Божественного мышления. Однако психологам приходится иметь дело не с небожителями, а с простыми людьми, мозг которых устроен так, как устроен. И психология делает обычную бинарную логику удобной схемой для практической работы, и поэтому формальная, а не какая-либо иная логика изучается в школе [7]. Наличие независимых друг от друга систем активации высших отделов мозга делает продуктивными для нас неклассические формализованные системы. Именно наличие негативного и положительного влечения учитывается в двухфакторной мотивационной теории Ф. Герцберга. Но это тема отдельной статьи.

Список литературы

1. Алексеев П.В. Философы России XIX–XX в. М.: РОССПЭН, 2009. 953 с.
2. Васильев Н.А. Воображаемая логика. М.: Изд. МГСУ, 1989. 264 с.
3. Васильев Н.А. Культурология: люди и идеи. М.: Акад. проект, 2006. С. 87.
4. Васильев Н.А. Логика и металогика // Логос. М.: Тип А. Левенсона, 1912.
5. Зигварт Х. Логика. Т.1. М.: Территория будущего, 2008. 461 с.
6. Липпс Т. Основы логики // Обр. библиотека Сер. IV, №7. 1902. 301 с.
7. Непейвода Н.Н. Роль логики в преподавании // Современная логика: проблемы теории и применения в науке. СПб, 2014. С. 92–94.
8. Ретикулярная формация URL: <http://medkarta.com/?cat=article&id=20630>
9. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиолог. М.: Наука, 1970. 49 с.

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ЛИЧНОСТИ**

Фатина Д.Д.

ORCID: 0000-0002-3007-7232, Рязанский государственный
радиотехнический университет, г. Рязань, Российская Федерация

Статья посвящена роли гражданско-правового образования в формировании гражданской ответственности современной российской личности. Обоснована актуальность осуществления гражданского образования в условиях современной социально-политической реальности. Представлены необходимые компоненты гражданско-правовой образовательной программы.

Ключевые слова: гражданское общество; гражданственность; гражданское воспитание; правовое воспитание; личность.

**THE CIVIC CONSCIOUSNESS AS BASIS OF LIFE
OF THE MODERN RUSSIAN PERSONALITY**

Fatima D.D.

ORCID: 0000-0002-3007-7231, Ryazan state radio engineering
university, Ryazan, Russian Federation

The article is devoted to a role of civil education in formation of civic consciousness of the modern Russian personality. The relevance of implementation of civic education in the conditions of modern socio-political reality is proved. The necessary components of the civil educational program are presented.

Keywords: civil society; civic consciousness; civil education; legal education; personality.

Сегодня темы развития гражданского общества и формирования гражданственности населения стали штампованными «хедлайнерами» дискуссий на любых уровнях: от урока обществознания в школе до общероссийских гражданских форумов.

Необходимость раскрытия данной темы требует рассмотрения понятия «гражданственность» с его различных аспектов: как форму идентичности человека, как политическую позицию личности и как качественное состояние общества и личности [3].

В антропологическом аспекте гражданственность выражается в формировании связи между человеком, обществом и государством на основе принятия и усвоения общих ценностей, смыслов и норм поведения и взаимной ответственности.

В политическом смысле гражданственность реализуются в способности личности участвовать в решении общественных и государственных проблем, в ощущении сопричастности и интересе к ним.

И наконец в социуме гражданственность рассматривается как то состояние общества и личности, которое противоположно традиционности и радикализму, и базируется на принципах равноправия и свободного обмена результатами своей деятельности [3].

Именно в этой интерпретации гражданственности российские граждане чаще всего сталкиваются с одним парадоксальным противоречием. С одной стороны между социумом и государством есть законодательно обусловленная потребность в самостоятельной, независимой, организованной жизни общества, а с другой, на местах закреплена устойчивая и, к сожалению, произвольная регламентация прав российского гражданина.

Ввиду отсутствия долгого опыта демократического участия государства в данном направлении, работать и развиваться в сфере гражданско-правового образования безусловно сложно, но необходимо.

Именно в инициировании развития гражданского образования мы видим ключевой механизм формирования гражданственности современной российской личности с целью освоения ею своих прав и обязанностей, необходимых для жизни в молодом демократическом обществе.

Гражданское образование – это обучающий и воспитательный процесс, ориентированный на формирование совокупности гражданских свойств личности [5].

Цель гражданско-правового образования – это формирование гражданско-правовой компетентности на основе присвоения социально-духовных ценностей [2].

Составными частями гражданского образования на наш взгляд являются:

- обучение правам человека;
- обучение культуре мира;
- воспитание толерантности;
- развитие межсекторного социального партнерства;
- менеджмент самоуправляющихся ассоциаций граждан (НКО).

Человек, воспитанный в культуре гражданственности – это уникальная личность для современного российского общества. Тем самым гражданско-правовое образование представляет собой целостный механизм, взаимодействующий с социально-психологическими и духовно-нравственными аспектами развития личности и направленный на укрепление ее самостоятельной гражданской активности.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (действующая редакция, 2016). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/15956ae575273a483e753fc119fb41fc4c37f846/
2. Асташова Н.А. Гражданско-правовое образование. Аксиологический подход. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoe-obrazovanie-aksiologicheskij-podhod>
3. Морозова Т.И. «Проблема формирования гражданственности и патриотизма у современной молодежи». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-grazhdanstvennosti-i-patriotizma-u-sovremennoy-molodezhi>
4. Сунгуров А.Ю. Гражданское образование и правовое просвещение: модели регионального развития. [Электронный ресурс] – Ре-

жим доступа: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_obrazovanie.pdf

5. Элиасберг Н.И. Петербургская модель гражданско-правового образования и воспитание гражданина России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/projects/elias.pdf>

МЕТОДОЛОГИЯ КЕЙС-СТАДИ В ПРЕПОДАВАНИИ БИОЭТИКИ

Чашина Ж.В.

Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема применения методологии кейс-стади в преподавании биоэтики. Рассмотрены основные характеристики метода, описан алгоритм анализа ситуаций. Делается вывод, что с помощью кейс-стади можно развивать навыки решения сложных смысложизненных моральных дилемм.

Ключевые слова: кейс-стади; метод; преподавание; биоэтика; этика; мораль; дилемма.

CASE-STUDY METHODOLOGY IN THE TEACHING OF BIOETHICS

Chashina J.V.

Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

The article deals with the problem of application of the case study methodology to the teaching of bioethics. The main characteristics of the method are considered, an algorithm for more effective analysis of the sit-

uations is described. It is concluded that with the help of case studies it is possible to develop skills for solving complex important moral dilemmas.

Keywords: *case study; method; teaching; bioethics; ethics; morality; dilemma.*

Несмотря на многочисленные публикации последних десятилетий, биоэтика остается пространством открытых вопросов, однозначных ответов на которые до сих пор не существует. По поводу нравственной допустимости разрешения абортов, эвтаназии, применения биотехнологий и т.д. ведутся дискуссии, наиболее яркой чертой которых, по словам А. Макинтайра «является их незавершенность» [3, с. 11].

В традиционной этике та или иная ситуация рассматривается с позиции конкретной этико-философской теории – деонтологии, утилитаризма, религиозной этики и т.д. [7, 8] Однако, поскольку в современном мире большинство членов общества не признают претензий ни одной из известных традиций на истину в последней инстанции, выдвигается несколько взаимоисключающих вариантов решений, блокирующих процесс практического разрешения проблем [4, 7, 8]. По этой причине в прикладной этике предлагается принципиально иной метод исследования моральных проблем – кейс-стади, в котором исследователь идет не от теории к практике, а от практики (конкретных ситуаций) к обобщениям [1, 2, 5, 6, 13].

Кейс-стади (применительно к этике) является исследованием эмпирического уровня, в фокусе рассмотрения которого находится реальное явление взятое в определенном месте и в определенное время, при этом анализируется оно без отрыва от своего конкретного социокультурного контекста и с учетом самых разнообразных источников информации [12, с. 330]. Так, в ходе преподавания биоэтики успешно используются такие кейсы, как пересадка сердца К. Барнардом, ситуация с «Божественным комитетом» в г. Сиэтл, случай Татьяны Тарасовой, допинговые скандалы в спорте и т.д.

Практика преподавания биоэтики посредством анализа кейс-стади [См.: 9, 10, 11] показывает, что этот процесс является эффективным при следовании преподавателя определенному алгоритму: следует четко определить дилемму, выявить ее моральные аспекты, идентифицировать проблему, поставить вопросы, определить центральные понятия, собрать информацию из различных источников, показать точки зрения на проблему, эксплицировать стоящие за ними ценности и теории, разобрать возможные варианты решения и их практические следствия, очертить возможность применения полученных выводов при разрешении других ситуаций.

С помощью кейс-стади можно развивать и закреплять знания, умения и навыки по этической оценке ситуации, критическое и творческое мышления, работе в группах, аргументации и отстаиванию своего мнения, а в итоге – решать сложные смысложизненные моральные дилеммы. С этой позиции методология кейс-стади должна стать основой преподавания ряда практико-ориентированных тем биоэтики в вузе.

Список литературы

1. Езова С. К профессиональной этике через метод кейсов. Эффективная техника обучения // Библиотечное дело. 2012. № 8. С. 26–27.
2. Иванова Г.А. Метод ситуационного анализа в решении этических коллизий как средство совершенствования профессиональной культуры студентов // Право и образование. 2013. № 6. С. 51–57.
3. Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический проект, Деловая книга, 2000. 384 с.
4. Национальные проекты и реформы 2000-х годов: модернизация социальной политики. М.: ЦСПиГИ, 2009. 227 с.
5. Спринчан С. Экологическая этика как форма интеграции естественно-научного и гуманитарного знания // Интеграция образования. 2015. № 3. С. 100–107.
6. Сычев А. А. Трансформация профессиональной этики врача // Вестники прикладной этики. 2015. № 46. С. 93–104.

7. Сычев А.А. Этические измерения биоразнообразия // Постигаая добро. М.: ИФ РАН, 2013. С. 385–401.
8. Фофанова К.В. Качество жизни в аспекте морального творчества: Автореф. дис. ... канд. философ. наук / Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Саранск, 1997. 15 с.
9. Чашина Ж.В. Анализ межпредметных связей в процессе обучения на примере биоэтики // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 1 (78). С. 100–105.
10. Чашина Ж.В., Картанова А.Д. Технологии процесса обучения при изучении биоэтики // Интеграция образования. 2016. Т. 20. № 1 (82). С. 97–104.
11. Чашина Ж.В., Чекушкина Е.Н. Междисциплинарный подход в вопросе изучения профессиональных врачебных ошибок // Вестник Мордовского университета. 2014. № 3. С. 194–198.
12. Якина Л.А., Курмаева К.К. Метод ситуационного анализа (кейс-стади) в экологической этике // В мире научных открытий. 2013. № 11. т. 5. С. 329–334.
13. Koval E.A., Sukonkina T.N. Normative foundations of environmental ethics // В мире научных открытий. 2014. № 9.3. С. 1285–1301.

**РЕЛИГИОЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
В.И. НЕСМЕЛОВА КАК МЕТОДОЛОГИЯ РУССКОЙ
ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ**

Шевцова Э.А.¹, Тугаров А.Б.²

¹ORCID: 0000-0001-5347-1648, ²ORCID: 0000-0003-3918-3804,
Пензенский государственный университет, г. Пенза,
Российская Федерация

Религиозная и философская антропология В.И. Несмелова (1863–1920) с её «загадкой о человеке» и проблемой зла в человеческой жизни выступает как методология русской философии социальной превенции. Религиозная деятельность человека в конкретных социальных условиях рассматривается как проявление социальной превенции. Познание содержания этой деятельности применительно к русской действительности является одной из задач русской философии социальной превенции.

Ключевые слова: методология; русская социальная философия; религиозная антропология; философия социальной превенции.

**V.I. NESMELOV'S RELIGIOUS ANTHROPOLOGY
AS THE RUSSIAN PHILOSOPHY OF SOCIAL
PREVENTION'S METHODOLOGY**

Shevtsova E.A.¹, Tugarov A.B.²

¹ORCID: 0000-0001-5347-1648, ²ORCID: 0000-0003-3918-3804,
Penza State University, Penza, Russian Federation

V.I. Nesmelov's religious and philosophical anthropology with its "man's enigma" and the evil in human life's problem acts as the Russian philosophy of social prevention's methodology. The person's religious activities in specific social conditions are seen as a manifesta-

tion of social prevention. The content of these activities' cognition in relation to the Russian reality is the task of the Russian philosophy of social prevention.

Keywords: *methodology; Russian social philosophy; religious anthropology; philosophy of social prevention.*

Научно-теоретический интерес представляет идея рассматривать социальные процессы, явления и события в современном обществе, которые не характеризуются отклонением от социальной нормы, с точки зрения наличия в их содержании превенции, т.е. конкретного целенаправленного воздействия на них. Социальная превенция, как вид превенции в обществе, проявляется через предупреждение, устранение причин возможной социальной аномии, т.е. предупреждение возникновения социальных проблем; в форме деятельности, направленной на социальное благополучие индивидов в обществе [4, с. 125].

В процессе теоретико-философского познания социальной жизни открывается перспектива расширить понимание превенции в обществе до понимания её смысла как феномена социально-философской мысли. Шагом в решении этой эпистемологической задачи становится сравнительное исследование сущности основных направлений русской социальной философии, которое позволяет не только определить конкретные формы социальной превенции в различные периоды истории российского общества [6, с. 187], но и выявить в содержании этих направлений методологические основы русской философии социальной превенции.

Мы считаем, что религиозная антропология В.И. Несмелова, яркого представителя русского религиозного идеализма конца XIX – начала XX века, оказывается весьма актуальной для формирования представлений о методологии русской философии социальной превенции. Исследователи его философского творчества отмечают, что «рассмотрение Несмеловым человека ... как сознательно свободной личности, носителя разумных идеальных целей бытия представляет для нас существенный интерес» [3, с. 144].

В разделе «Несколько предварительных справок и замечаний» В.И. Несмелов определяет соотношение социальной науки и философии в понимании человека: «... жгучие вопросы о том, что следует желать человеку во имя его человечности, и как ему следует жить по истине его человечности, в пределах положительной науки не могут даже и ставиться; ... люди всегда говорили о конечных вопросах мысли и жизни, ставили и решали эти вопросы и деятельно создали философию как специальную науку о человеке» [2, с. 13].

В главе VI «Формация живого мировоззрения» у В.И. Несмелова содержится методологический принцип обоснования социальной превенции: «Когда основная цель человеческой жизни ... выражается необходимостью для человека поддерживать свою физическую жизнь в условиях наличного данного мира, то для осуществления этой цели необходимо устранение тех реальных условий, в которых действительно совершается жизнь и в которых она постоянно подвергается опасности неминуемого разрушения, и необходимо создание таких условий, при которых она могла бы совершаться, не подвергаясь этой опасности» [2, с. 220].

Н.А. Бердяев считал, что «по своей религиозной и философской антропологии» В.И. Несмелов «интереснее Вл. Соловьёва, но в нём, конечно, нет универсализма последнего...». «Загадка о человеке – вот проблема, которая с большой остротой им ставится. Человек для него и есть единственная загадка мировой жизни». Н.И. Бердяев подчёркивал, характеризуя философско-религиозное творчество В.И. Несмелова: «Он – религиозный психолог, и он хочет иметь дело не с логическими понятиями, а с реальными фактами человеческого существования, он гораздо конкретнее Вл. Соловьёва» [1, с. 230].

В этой конкретности раскрывается религиозная антропология В.И. Несмелова как методология русской философии социальной превенции. Он писал: «Гораздо скорее можно выводить нравственную деятельность человека из условий его общественной жизни, т.е. объяснять нравственное сознание человека как естественный продукт цивилизации. Но цивилизация охватывает собою одни

только внешние отношения людей и развивается только в упорядочении этих одних отношений» [2, с. 236].

В.И. Несмелов сам обращал внимание на конкретность своей религиозной и философской антропологии, когда, завершая первый том «Науки о человеке», отметил: «... мы оставляем пока психологию личности и переходим к метафизике жизни» [2, с. 418].

В этой связи он утверждал: «Философия непосредственно выходит из факта противоречия между идеальной природой человеческой личности и физическим содержанием человеческой жизни. Религия выходит из объяснения этого факта в признании связи человеческой личности с бытием безусловной личности Бога. Поэтому для философии независимо от религии, роковое противоречие внешнего мира и человеческой личности может ещё представляться непонятным фактом бытия...» [2, с. 400].

Антропологические идеи В.И. Несмелова по своей смысловой направленности и перспективности их интерпретации становятся основанием для предположения, что русская религиозная философия представляет собой методологический «ключ» к русской философии социальной превенции, проявляясь и как её метафизическое подобие, своеобразный аналог, и как её «иное», как антипод, поскольку русская философия социальной превенции, выступая как форма светского философствования, методологически «вырастает» из идей русской религиозной философии.

Другими словами, то, что русская религиозная философия в своём содержании трактовала как разнообразные проявления жизни человека с Богом и по Божьим законам в российском обществе конца XIX – начала XX века, по целям, задачам и направленности такой жизни может быть объяснено современной русской социальной философией как деятельное предупреждение «социального зла», т.е. в определённой мере – как социальная превенция.

Таким образом, русская религиозная философия, в частности, религиозная антропология В.И. Несмелова, и содержательно, и своей смысловой направленностью, и методологическими свойствами детерминирует структуру русской философии социальной превенции. П.А. Флоренский отмечал, что «христианская философия, т.е.

философия идеи и разума, философия личности и творческого подвига, ... это – философия духовная» [5, с. 80].

Воспользовавшись противопоставлением П.А. Флоренского такой философии «рационализму, философии плотской», сделаем предположение, что русская философия социальной превенции по своему *смыслу* и *содержанию* проявляет себя и может быть рассмотрена как «философия понятия и рассудка».

Методологическое значение религиозной антропологии В.И. Несмелова для исследования проблем русской философии социальной превенции заключено в признании того утверждения, что религиозная по своему характеру деятельность человека в условиях конкретной социальной среды и в конкретном обществе в целом по существу и оказывается социальной превенцией, т.е. деятельностью по предупреждению социального зла в обществе, процессы и явления которого не достигли состояния социальной аномии.

Следовательно, познание целей и содержания такого вида общественной деятельности применительно к русской действительности в различные периоды истории российского общества и в настоящее время оказывается одной из основных исследовательских задач русской философии социальной превенции.

Список литературы

1. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 300 с.
2. Несмелов В. Наука о человеке. Т. I. Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни. К.: Центр. типография, 1905. 418 с.
3. Праздников Д.А. В.И. Несмелов и проблема свободы воли // Философские науки. 1991. № 2. С. 143–145.
4. Тугаров А.Б., Шевцова Э.А. Идея социальной превенции как философский феномен // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4–1 (28). С. 122–137.
5. Флоренский П.А. Том 1. Столп и утверждение Истины. М.: Изд-во «Правда», 1990. 837 с.
6. Шевцова Э.А. Социальная превенция и революция (опыт русской социальной философии) // Современные исследования социальных проблем. 2017. Том 9. № 3–2. С. 183–188.

ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ О БОЖЕСТВЕННОЙ БЛАГОДАТИ

Шлепин В.В.

ORCID: 0000-0001-6356-117X,
г. Ярославль, Российская Федерация

В статье представлено описание особенностей и действий Божественной благодати, начиная от ее дарования от Бога, проявлениях в высокой духовно-нравственной жизни до дальнейшего совершенства в Царствии Небесном.

Ключевые слова: *благодать; стяжание благодати; цель жизни; покаяние; смирение; кротость; любовь; плоды благодати; церковные Таинства; преображение.*

ORTHODOX TEACHING ABOUT THE DIVINE GRACE

Shlepin V.V.

ORCID: 0000-0001-6356-117X, Yaroslavl, Russian Federation

The article describes the features and actions of the Divine grace, beginning from her gift from God, manifestations in a high spiritual and moral life to further perfection in the Kingdom of Heaven.

Keywords: *grace; the acquisition of grace; the goal of life; repentance; humility; meekness; love; the fruits of grace; the sacraments of the Church; the transfiguration.*

Божественная благодать – нетварная энергия Божия. Она даруется по благодати Божией по мере приближения к Богу. Цель жизни христианской, по словам преп. Серафима Саровского, это стяжание благодати Святого Духа. Согласно учению свт. Василия Великого, Божественная благодать подается от Бога Отца как первопричины

всего сущего через Сына как создателя и совершителя спасения людей и усваивается в Духе Святом как усовершенствователем и Утешителем, шествующих путем спасения в исполнении евангельского учения и учения святых отцов. Необходимым условием обретения Божественной благодати является православная вера: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16:16), поэтому только крещенный член Православной Церкви может ее испросить, воспринять, усвоить, сохранить и преумножить. Божественная благодать испрашивается покаянием через раскаяние, плач о своих грехах, осознание своей немощи и ничтожности без Бога; восприятие и усвоение благодати, а также ее сохранение зависит от меры смирения и кротости, потому что «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4:6); преумножение благодати происходит от возрастания в любви к Богу и ближним в связи с тем, что любовь «есть совокупность совершенства» (Кол 3:14). Обилие Божественной благодати дается в ответ на молитву, однако преп. Макарий Великий предупреждает: «Кто принуждает себя к одной только молитве, а к смирению, любви, кротости и прочим добродетелям не принуждает себя и не подвизается в них, тому дается иногда, по его прошению, благодать Божия; поелику Бог, будучи благ, человеколюбиво подает просящему просимое; но поелику такой человек не упражняется в добродетелях, не преучил себя к исполнению их, то или впадая в гордость, лишается благодати, которую получил, или не приобретает в ней ничего более и не возрастает в ней» [1, с. 178]. Следовательно, от православного христианина требуется постоянная добродетельная жизнь.

Божественная благодать, подаваемая вначале в изобилии, затем обучает православного христианина хранить ее и делает опытным в преодолении искушений тем, что скрывается на продолжительные периоды времени, но по мере очищения сердца от греха и страстей, являет свое действие чаще и преумножается.

Плодами Божественной благодати является умерщвление живущего в православном христианине грехов, легкое исполнение запо-

ведей Божиих, освобождение от привязанности ко всему земному и тленному, происходит тесное единение с Богом, даруется возможность стать обителем Пресвятой Троицы, созерцать нетварный свет и познавать Божественные тайны.

Божественная благодать подается в Православной Церкви в церковных Таинствах через ее служителей: епископов, священников, которые имеют от Бога власть священнодействия, пастырства и учительства. Однако действительным совершителем Таинств является сам Бог. Божественная литургия совершается вне времени и пространства, поэтому приобщает к вечному благу Богу в Таинстве Евхаристии, в котором православным христианам, очистившимся от грехов в Таинстве Покаяния, подается животворящее Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа. Через это вкушение православный христианин теснейшим образом соединяется со Христом и с другими православными христианами, являющимися членами Православной Церкви – мистического Тела Христова. Причащающийся православный христианин духовно-нравственно возрастает и обоживается, постепенно становясь другом Христа: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин. 15:14) и усыновленным Богу Отцу: «Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф. 12:50).

Божественная благодать не только подается в церковных Таинствах через священнослужителей, но может быть передана от старца к послушнику, примером чего служит оптинское старчество, а может передаться и очищенному сердцем по мере его усердия в подвижничестве, как это было у преп. Порфирия Кавсокаливита, который получил благодать в храме, будучи незамеченным, от одного молящегося монаха. Стяжавший Божественную благодать, находясь в определенном месте, своим присутствием вносит в него Божественную благодать, которая влияет на окружающих и на само место. Преп. Серафим Саровский призывает стяжать мирный дух и тогда тысячи вокруг спасутся. Следовательно, стяжавший Божественную благодать своим присутствием, и особенно молитвой, воздействует на весь тварный космос, преображая его.

Стяжавший Божественную благодать являет на себе славу Божию и Его благодать. Он обретает дары от Бога и в доступной мере Божественные свойства, становясь способным преодолевать временные и пространственные рамки и физические законы, становится тайнозрителем Божественных тайн, ему повинуются природа, а небожители становятся ближайшими друзьями. Например, преп. Порфирий Кавсокалит вител видел события прошлого в конкретных местах, а также подземные недра, ясно видел благодать и человеческие души, валаамский старец схимонах Онуфрий (Герасимов) во время молитвы поднимался на воздух и стоял во свете, преп. Серафим Саровский кормил с руки медведя, преп. Паисию Святогорцу являлись святые и беседовали с ним.

Стяжавшие Божественную благодать могли помогать людям в любой части Земли, даже могли видимым образом одновременно находиться в другом месте. Например, преп. Серафим Саровский, находясь в Сарове, начал копать Богородичную канавку в Дивееве. Даже когда тело стяжавшего благодать спало, он мог духовно стать на молитву.

В Царстве Небесном продолжится стяжание Божественной благодати, потому что на Земле человеческое естество ограничено. Например, преп. Макарий Великий называет двенадцать ступеней до достижения совершенства живущему в теле, а в Царстве Небесном совершенство безгранично, потому что познать Бога в полной мере невозможно.

Следовательно, стяжавший Божественную благодать оживотворяется Святым Духом, исцеляет свою человеческую природу жертвой любви Сына Божия, просвещается познанием Божественных Тайн первейшего Ума Бога Отца, освящается священнодействуя в алтаре своего сердца непрестанной молитвой и оживляет весь свой духовно-душевно-телесный состав, преображая тварный космос и достигая всецелого единения с Пресвятой Троицей.

Список литературы

1. Путь ко спасению. М.: Благовестник, 2009. 1256 с.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ИГРОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Лебедева Л.В. 8
- УЧАСТИЕ ТВОРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЛЕНИНГРАДА
В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1970–1980-е гг.
Мезит Л.Э., Валюнова А.В. 11
- СЕЛЬСКАЯ ЖЕНЩИНА: ПАТРИАРХАЛЬНОСТЬ И СИЛА.
1940 – НАЧАЛО 1950-х гг.
Новинская Т.Ю. 19
- ДОНСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО МНОГОВЛАСТИЯ
Щукина Т.В., Воскобойников С.Г. 22
- К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ИСТОЧНИКОВ
ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОЙ
КАЗАЧЬЕЙ ДЖИГИТОВКИ
Юрченко Н.В. 30

ФИЛОЛОГИЯ

- АНТРОПОКОСМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС АНДРЕЯ БЕЛОГО
Акопова Ю.А. 37
- МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
РАЗВЕРТЫВАНИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕДЕБАТАХ ГЕРМАНИИ
Барков Е.А., Егорченкова Н.Б., Петрова А.А. 42

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ СМЫСЛОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕДЕБАТАХ Барков Е.А., Егорченкова Н.Б., Петрова А.А.	52
К ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМА ШИЛАН Беленов Н.В.	61
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ШЕКСПИРИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ТРАГЕДИИ «ОТЕЛЛО» С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ И ОСЕТИНСКИЙ) Бизикоева Л.С.	64
РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ В РАМКАХ СИТУАЦИЙ МЕНТАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ Генералова Л.М., Ребрина Л.Н.	71
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОСЛВИЦ ПОЛЯ «ДЕНЬГИ» Демьяненко В.П., Сержанова Ж.А.	84
ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКИХ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК Евстафиади О.В.	91
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА КРИСТОФЕРА ПАОЛИНИ «ЭРАГОН» Еремин А.С.	96
ВНЕКОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ МЕТОДИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ Иноземцева Н.В.	103
РАССКАЗЫ В.В. ВЕРЕСАЕВА В ОЦЕНКЕ Ф.Д. КРЮКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСНОГО ЖУРНАЛА «ШКОЛЬНЫЕ ДОСУГИ») Казеева Е.А.	106

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО НАЧАЛА ГЕРОЕВ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА Кокина И.А.	110
ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩИЕ СРЕДСТВА И ИХ РОЛЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА Кокина И.А.	116
ГОЛОФРАЗИС В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ Котлярова Т.Я.	120
СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ Кудинова И.А., Сафонов Ф.С.	124
МЕТАФОРА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОСТОЯНИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА Павлова А.В., Исаева С.К.	130
ПРОБЛЕМЫ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ Павлова А.В.	133
РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ Соловьев Д.Н., Шулика М.В., Яковлева Л.В.	136
МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ ЛАКУН (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА РОБЕРТА ИРВИНА «АРАБСКИЙ КОШМАР») Стукалова А.Г., Дехнич О.В.	145
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ УЧЕБНОМ ДИСКУРСЕ Турлова Е.В.	149

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА ПРОПОВЕДИ КАК ЖАНРА РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ Файзуллина Э.Ф.	153
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ Хрущева О.А.	158
ВИЗУАЛЬНЫЕ КОДЫ МОДУЛЯ-ОТНОШЕНИЯ «ВОСПРИЯТИЕ-ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ ОБРАЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. БАРНСА “THE SENSE OF AN ENDING”) Ярыгина О.Н.	161
ФИЛОСОФИЯ	
РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ КОСТА ЛЕВАНОВИЧА ХЕТАГУРОВА Бестаева Э.Ш.	164
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА Бормотов И.В., Журавлев М.С.	171
ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ Дедюлина М.А.	177
ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ Ивенкова О.А.	181
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭТНОСА Корнильцева Е.Г., Кузьмина О.В., Юшкова Т.А.	186

УТОПИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ ХРИСТИАНСКИХ ОБЩИН (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА Н.Н. НЕПЛЮЕВА И Н. ПОПОВА)	
Митина Н.Г.	192
МЕТАЛОГИКА Н.А. ВАСИЛЬЕВА И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Прядко И.П., Болтаевский А.А.	205
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИЧНОСТИ	
Фатина Д.Д.	208
МЕТОДОЛОГИЯ КЕЙС-СТАДИ В ПРЕПОДАВАНИИ БИОЭТИКИ	
Чашина Ж.В.	211
РЕЛИГИОЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В.И. НЕСМЕЛОВА КАК МЕТОДОЛОГИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ	
Шевцова Э.А., Тугаров А.Б.	215
ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ О БОЖЕСТВЕННОЙ БЛАГОДАТИ	
Шлепин В.В.	220
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	224

CONTENTS

HISTORY

BROADCAST CULTURE THROUGH GAMING ACTIVITIES

Lebedev L.V. 8

PARTICIPATIONCREATIVES ORGANIZATIONS OF LENINGRAD IN THE FORMATION OF SOCIAL AND CULTURAL ENVIRONMENT IN THE KRASNOYARSK REGION IN 1970–1980-ies

Mezit L.E., Valyunova A.V. 11

RURAL WOMAN: PATRIARCHY AND STRENGTH. 1940 – EARLY 1950’s

Novinskaya T.Yu. 19

DON MENSHEVIKS IN CONDITIONS OF BECOMING DEMOCRATIC’S MULTIPLE AUTHORITY

Shchukina T.V., Voskoboynikov S.G. 22

TO THE PROBLEM OF FINDING SOURCES FOR THE RECONSTRUCTION OF TRADITIONAL ELEMENTS OF THE COSSACK DZHIGITOVKA

Yurchenko N.V. 30

PHILOLOGY

ANTHROPOCOSMIC DISCOURSE OF ANDREI BELY

Akopova Y.A. 37

MULTIMODAL MEANS OF SELF-PRESENTATION STRATEGY DEPLOYMENT IN GERMAN POLITICAL TV DEBATES

Barkov E.A., Egorchenkova N.B., Petrova A.A. 42

MULTIMODAL MEANS OF METACOMMUNICATIVE SENSE EXPLICATION IN POLITICAL TV DEBATES Barkov E.A., Egorchenkova N.B., Petrova A.A.	52
FOR THE ETYMOLOGY OF THE HYDRONYM SHILAN Belenov N.V.	61
PECULIARITIES OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS CREATED BY W. SHAKESPEARE (BASED ON THE TRANSLATION OF “OTHELLO” INTO THE RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES) Bizikoeva L.S.	64
IMPLEMENTATION OF SEMANTICAL ROLES IN THE FRAMEWORK OF SITUATIONS OF MENTAL ACTION Generalova L.M., Rebrina L.N.	71
COMPARATIVELY-CORRELATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND GERMAN PROVERBS OF THE MONEY FIELD Demyanenko V.P., Serzhanova Zh.A.	84
TRANSFORMATIONS OF ENGLISH COMPOUND SENTENCES WITH CONDITIONAL MEANING IN TRANSLATION INTO RUSSIAN Evstafiadi O.V.	91
INTERPRETATION OF GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION OF THE NOVEL «ERAGON» BY CHRISTOPHER PAOLINI Eremin A.S.	96
NON-CONTEXTUAL ASPECT OF THE TITLES TRANSLATION OF THE ENGLISH ARTICLES OF THE METHODOLOGICAL CONTENT Inozemtseva N.V.	103

THE STORIES OF V.V. VERESAEVA IN THE EVALUATION OF F.D. KRYUKOV (BASED ON THE HANDWRITTEN JOURNAL «SCHOOL LEISURE»)	
Kazeeva E.A.	106
REFLECTION OF THE SPIRITUAL AND MORAL BEGINNING OF THE HEROES IN THE STORIES OF A.P. CHEKHOV	
Kokina I.A.	110
INTENSIFYING MEANS AND THEIR ROLE IN THE WORKS OF ANTON CHEKHOV	
Kokina I.A.	116
HOLOPHRASIS IN THE RUSSIAN INTERNET DISCOURSE	
Kotlyarova T.Y.	120
SEMANTICS OF COLORS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	
Kudinova I.A., Safonov F.S.	124
METAPHOR IN REPRESENTATION OF STATES OF HUMAN EMOTIONAL-SENSUAL WORLD	
Pavlova A.V., Isaeva S.K.	130
THE PROBLEMS OF VERBAL REPRESENTATION OF EMOTIONAL STATES	
Pavlova A.V.	133
RUSSIAN FOLK TALE AS A METHOD FOR FORMING A SPIRITUAL AND MORAL PERSONALITY	
Soloviev D.N., Shulika M.V., Yakovleva L.V.	136
METAPHORS AS A WAY OF ELIMINATION OF LACUNAS (A CASE STUDY OF THE NOVEL OF ROBERT IRVIN “THE ARABIAN NIGHTMARE”)	
Stukalova A.G., Dekhnich O.V.	145

COMMUNICATIVE IMPACT STRATEGIES IN CONTEMPORARY ENGLISH-LANGUAGE EDUCATIONAL DISCOURSE	
Turlova E.V.	149
THE SERMON AS GENRE OF RELIGIOUS STYLE	
Faizullina E.F.	153
THE KEY WORDS OF THE CONTEMPORARY TIMES	
Khrushcheva O.A.	158
VISUAL CODES OF THE RELATION MODULE “PERCEPTION-VERBALISED IMAGES” (BASED ON JULIAN BARNES’S “THE SENSE OF AN ENDING”)	
Yarygina O.N.	161

PHILOSOPHY

THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TRADITION IN THE WORKS OF KOSTA KHETAGUROV	
Bestaeva E.Sh.	164
METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF RESEARCH OF FEATURES OF FUNCTIONING OF VALUES OF MODERN MAN	
Bormotov I.V., Zhuravlev M.S.	171
THE PROBLEM OF MORAL RESPONSIBILITY IN THE SPHERE OF INFORMATION TECHNOLOGIES	
Dedyulina M.A.	177
VIRTUAL REALITY AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF EVERYDAY CONSCIOUSNESS	
Ivenkova O.A.	181
THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT IN THE STUDIES OF THE ETHNIC GROUP	
Kormiltseva E.G., Kuzmina O.V., Yushkova T.A.	186

UTOPIA OF GENDER EQUALITY IN PRACTICE RUSSIAN CHRISTIAN COMMUNITIES (ON THE EXAMPLE OF THE EXPERIENCE OF N.N. NEPLYUEV AND N. POPOV)	
Mitina N.G.	192
N.A. VASILIEV'S METALOGIC AND MODERN PSYCHOLOGY	
Pryadko I.P., Boltaevsky A.A.	205
THE CIVIC CONSCIOUSNESS AS BASIS OF LIFE OF THE MODERN RUSSIAN PERSONALITY	
Fatina D.D.	208
CASE-STUDY METHODOLOGY IN THE TEACHING OF BIOETHICS	
Chashina J.V.	211
V.I. NESMELOV'S RELIGIOUS ANTHROPOLOGY AS THE RUSSIAN PHILOSOPHY OF SOCIAL PREVENTION'S METHODOLOGY	
Shevtsova E.A., Tugarov A.B.	215
ORTHODOX TEACHING ABOUT THE DIVINE GRACE	
Shlepin V.V.	220
RULES FOR AUTHORS	224

Подписано в печать 29.09.2017. Дата выхода в свет 16.10.2017. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 17. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ 016/017. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.